ДБ
30
М82
Москва в её прошлом и настоящем.
3611
5Ф

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

Петр Аѳанасьев.

Государственная публичная историческая библиотека

Шифр	Инвентарный №	
Д6 30 — М82	457985	ПАСПОРТ
	№ тома 6	
	Список № порядковый №	
141	Количество страниц	КНИГА ИМЕЕТ:
	Отд. томов. вып. №№	
25	Таблиц, карт, иллюстраций	
	Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.	
	Дефекты	
29/6 53.	Печатных листов	
	Обрез	

563. ГПИБ

в. Б

ДБ
30
М82

39 01/11

Петр Афанасьев.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ.

Въ изданіи принимаютъ участіе:

Проф. Д. Н. Анучинъ, Н. Н. Баженовъ, С. К. Богоявленскій, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Брюсовъ, П. Г. Васенко, С. А. Венгеровъ, акад. А. Н. Веселовскій, В. Е. Вѣтринскій, М. Ѳ. Гершензонъ, Ю. В. Готье, проф. И. М. Громогласовъ, И. Э. Грабарь, п.-доц. Н. В. Давыдовъ, А. К. Дживилеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, И. Н. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. Д. Г. Коноваловъ, Н. О. Лернеръ, проф. М. К. Любавскій, чл. Гос. Думы В. А. Маклаковъ, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, чл. Гос. Думы П. Н. Милюковъ, В. Г. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, В. В. Нечаевъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Пичета, В. И. Семевскій, проф. М. Н. Сперанскій, кн. А. И. Сумбатовъ, В. Я. Улановъ, пр.-доц. С. К. Шамбинаго, Акад. А. А. Шахматовъ, П. М. Шестаковъ, проф. В. Н. Щепкинъ, проф. Е. Н. Щепкинъ и мн. др.

6

Роскошно-иллюстрированное изданіе
Посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина.

Московское Кн-издат. Товарищество
„Образованіе"
[1910]

ТИПОГРАФІЯ
„Русскаго Товарищества".
Москва, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35.

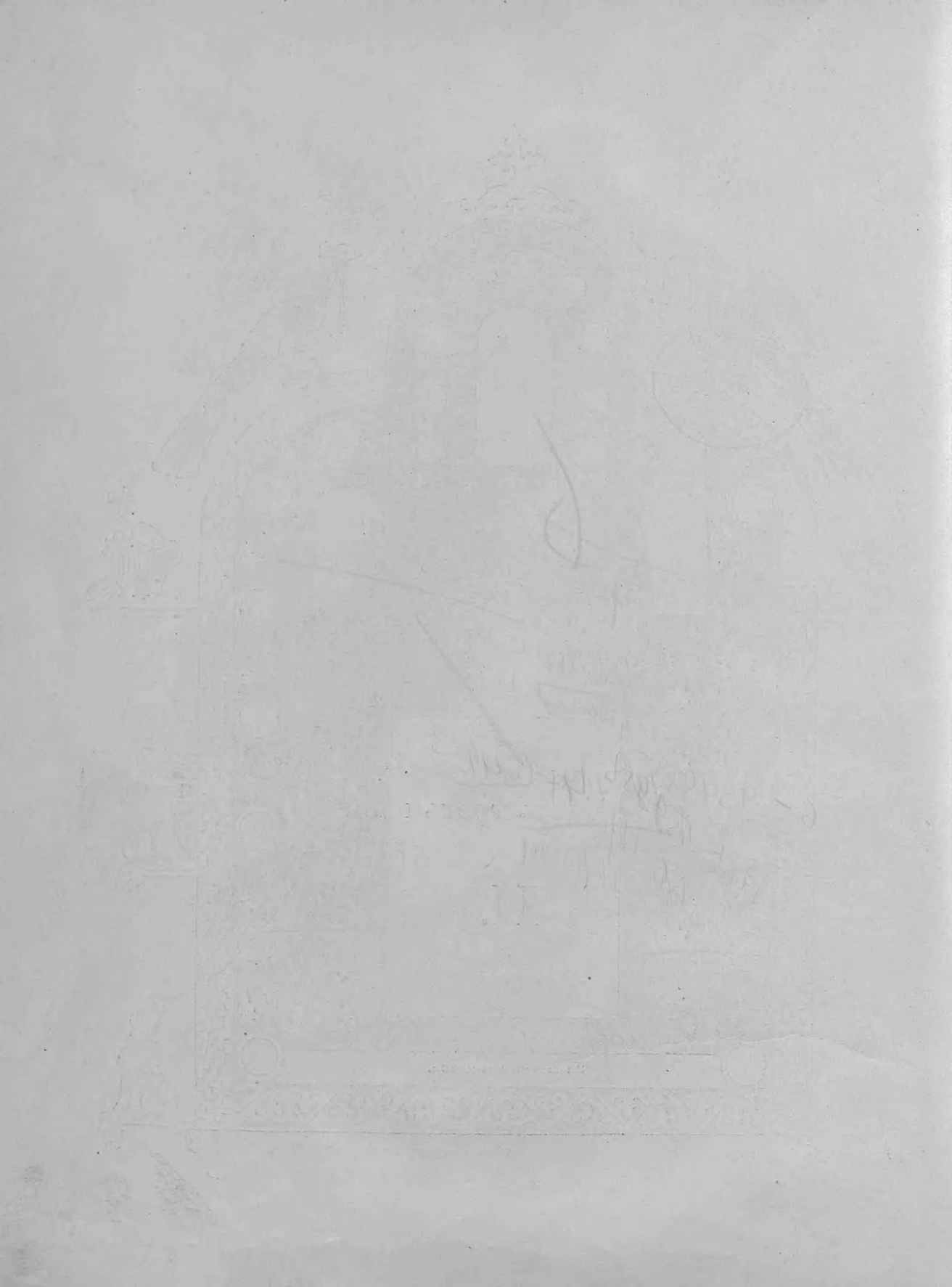
29.04
11

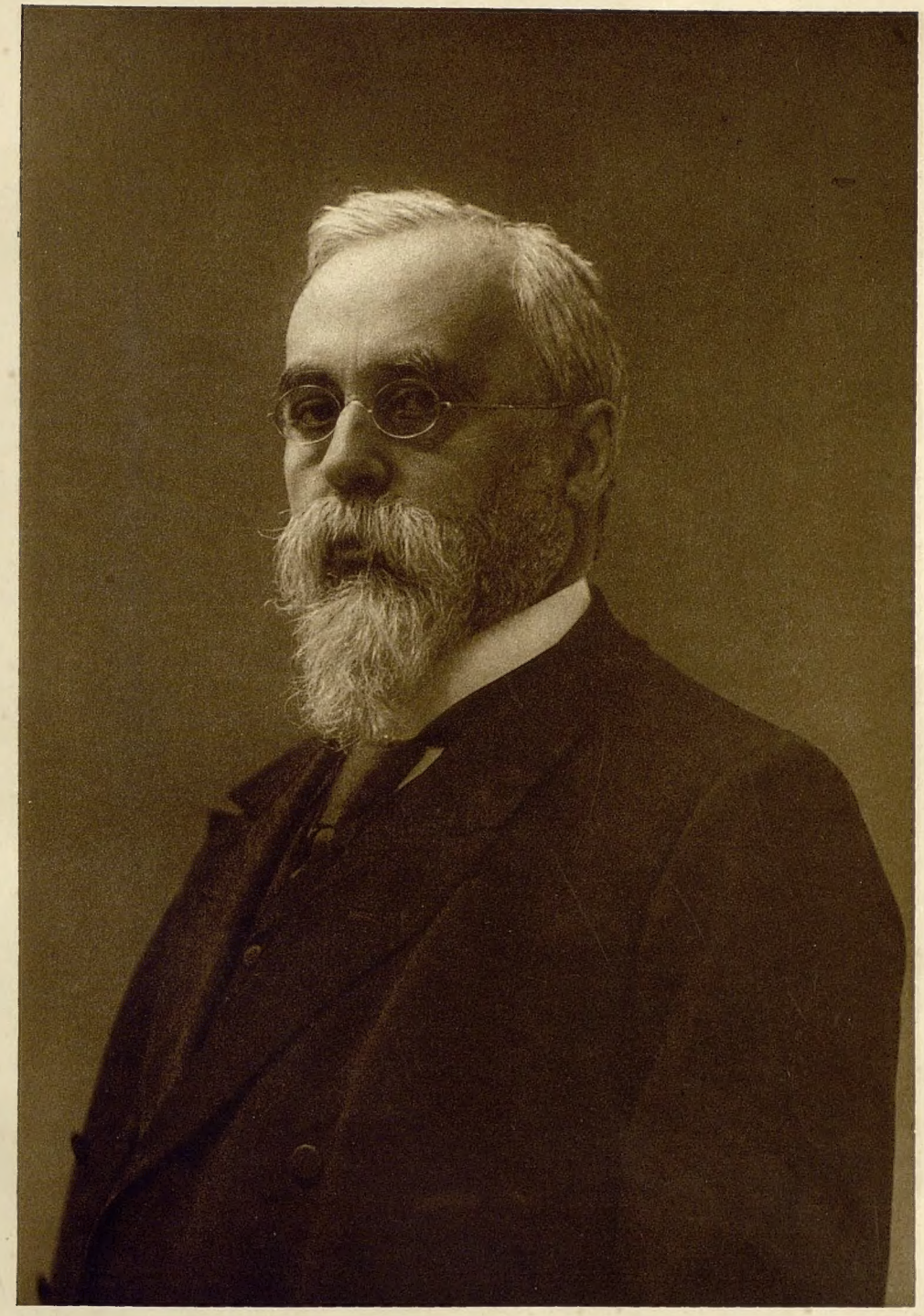
Часть третья

II.

6.6.

Изъ Евангелія Апракосъ XII в.





Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.

Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

ылъ цѣлый рядъ условій московской жизни, въ силу которыхъ Москва сдѣлалась самымъ крупнымъ торговымъ центромъ Руси и сконцентрировала въ своихъ стѣнахъ торговое оживленіе, распространявшееся на все обширное царство. Еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые изъ иностранцевъ предпочитали Москвѣ Новгородъ за удобство его путей сообщенія и близость къ морскимъ портамъ. Но въ теченіе того же XVI вѣка Москва и ея торговля заняли доминирующее положеніе. Кромѣ центральнаго положенія въ смыслѣ географическомъ, московская торговля поддерживалась и рядомъ другихъ обстоятельствъ. Въ Москвѣ жилъ царь, а московскій царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ. Условія придворной жизни стягивали въ Москву служилую знать и множество мелкаго служилаго люда; наконецъ, административный московскій строй, проникнутый централизаціей, привлекалъ къ себѣ множество всякаго народа, подолгу проживавшаго въ стѣнахъ Москвы: всѣ эти элементы въ той или другой мѣрѣ должны были обращаться къ московскимъ торговцамъ или ремесленникамъ. Принципы централизаціи въ Московскомъ государствѣ сказались по отношенію къ торговлѣ и промышленности тѣмъ, что въ конечномъ итогѣ въ Москву притянуто было изъ провинціи все выдающееся въ торговомъ или промысловомъ отношеніи, искусственно привлечены товары, а равно и иноземная торговля. Вотъ общія условія, которыя выдвигали Москву, дѣлали ее центромъ торговли и промышленности тогдашней Руси.

Въ географическомъ отношеніи Москва занимала очень удобную позицію, и торговыя дороги тянулись къ ней, какъ къ своему естественному центру. Черезъ Москву болѣе благодатный югъ и юго-востокъ обмѣни-

вались торговыми произведеніями съ Западомъ, а со 2-й половины XVI вѣка и съ Архангельскимъ портомъ. Въ свою очередь Бѣломорье, отличавшееся промысловымъ характеромъ и имѣвшее въ теченіе полутора столѣтія единственный открытый для иноземной торговли портъ, передавало свои и иноземные товары черезъ Москву въ лежащіе за ней районы. Даже сибирскій торгъ легко было повернуть въ значительной мѣрѣ на Москву въ виду того же удобства ея центральнаго положенія.

Москва была центромъ торговыхъ путей, связывавшихъ ее съ различными русскими областями и съ иноземными государствами. По этимъ путямъ въ Москву свозилось множество товаровъ, и по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ путешественникъ могъ замѣтить усиленіе торговаго движенія.

Торговое оживленіе было замѣтно какъ по сухопутью, такъ особенно на Москвѣ-рѣкѣ. По этой рѣкѣ ежегодно отправлялись большіе караваны судовъ на Оку и далѣе къ Волгѣ. Еще до завоеванія Астрахани изъ Москвы ежегодно ходили суда за солью и рыбой. Съ присоединеніемъ Астрахани къ Московскому государству это движеніе еще болѣе оживилось. Такъ, въ 1636 году Олеарій видѣлъ на Москвѣ-рѣкѣ много большихъ судовъ, шедшихъ изъ Астрахани къ столицѣ съ медомъ, солью и соленой рыбой. Изъ внутреннихъ областей суда отправлялись къ Астрахани весною, когда полая вода давала больше возможности судамъ безпрепятственно передвигаться.

Суда, ходившія по Москвѣ-рѣкѣ, были небольшого размѣра; это были струги тоннъ въ 30. Эти мелководныя суда были приноровлены къ глубинѣ рѣкъ Оки, Москвы-рѣки и верхней Волги. По словамъ де-Родеса, большія волжскія суда не шли далѣе Нижняго и развѣ только при высокой водѣ доходили до Ярославля. Такимъ образомъ въ Нижнемъ совершалась перегрузка товаровъ. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые изъ иностранцевъ (напр., Герберштейнъ) считали путешествіе по Москвѣ-рѣкѣ не совсѣмъ удобнымъ.

Торговля привлекала въ Москву множество иностранныхъ купцовъ, которые съѣзжались изъ Германіи и Польши для покупки разныхъ мѣховъ, занимавшихъ въ московской торговлѣ первое мѣсто. По словамъ Николая Варкоча (1593 г.), въ Москву въ большомъ числѣ съѣзжались туземные и иностранные купцы изъ очень отдаленныхъ краевъ: изъ Турціи, Татаріи, Персіи, Туркменіи, Кабардинской, Грузинской, Черкасской и другихъ земель, и вели здѣсь торговлю превосходными товарами: соболями, куницами и разными мѣхами, воскомъ, льномъ, саломъ и другими товарами, которые въ великомъ множествѣ свозятся отовсюду въ Москву. Дѣйствительно, въ Москвѣ толпились иностранцы различныхъ націй. Сюда заѣзжали даже индійскіе армяне съ своими товарами. Въ 1663 году они привезли перстни, нашивки, матеріи, благовонія, ладанъ и проч. и, кромѣ того, получили разрѣшеніе отъ правительства доставлять въ аптекарскій приказъ чипучинный корень. Съ бухарцами Москва обмѣнивалась пряностями, мускусомъ, сѣрой, амброй и другими москательными товарами. Часть китайскихъ товаровъ отправлялась въ Москву изъ Тобольска, дру-

гая же часть—въ Архангельскъ. Византійскіе греки, пользовавшіеся въ Москвѣ особыми привилегіями, ежегодно привозили въ столицу драгоцѣнные камни, жемчугъ, металлическія издѣлія, разныя женскія украшенія и конскіе приборы, равнымъ образомъ турецкія ткани и матеріи. Они получали въ Москвѣ особенно внимательный пріемъ, кормъ отъ казны хлѣбомъ и мясомъ и имѣли свое мѣстопребываніе въ особомъ греческомъ подворьѣ. Астраханскій ханъ ежегодно отправлялъ своего посла къ великому князю. Съ этимъ посломъ шелъ цѣлый караванъ татарскихъ торговцевъ съ джедскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они вымѣнивали на мѣха, сѣдла, мечи и другія вещи. Послѣ покоренія Астрахани особенное значеніе пріобрѣлъ торгъ лошадьми, которыхъ пригоняли татарскіе мурзы изъ Астрахани. Это была систематически поставленная торговля. Количество ежегодно пригоняемыхъ лошадей, по словамъ Котошихина, достигало 50 тысячъ.

Нечего и говорить, что съ установленіемъ торговыхъ сношеній черезъ Архангельскъ съ Западной Европой черезъ Москву направлялись въ значительной мѣрѣ всѣ товары, привозимые съ Запада, и отсюда уже распредѣлялись по другимъ мѣстностямъ Россіи. Извѣстно, что московское правительство очень внимательно относилось къ торговымъ иноземцамъ. Въ Москвѣ не любили только купцовъ изъ Польши и Литвы.

Съ другой стороны, Москва была мѣстомъ обмѣна русскихъ произведеній на иностранныя. Неудивительно поэтому, что она скопляла въ своихъ стѣнахъ изобиліе всевозможныхъ товаровъ. Особенно поражало иностранцевъ (напримѣръ, Павла Іовія) обиліе и дешевизна жизненныхъ припасовъ. По словамъ Барбаро, въ Москвѣ изобиліе хлѣба и мяса такъ велико, что говядину продаютъ на глазомѣръ. «Зимою, разсказываетъ онъ,—привозятъ въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно купить до 200 штукъ». Это въ самомъ дѣлѣ большое количество, если вспомнить, что царскій и боярскіе дворы получали необходимые жизненные продукты изъ своихъ вотчинъ и, слѣдовательно, не нуждались въ привозныхъ припасахъ. Мейербергъ въ восхищеніи отъ торговаго движенія въ Москвѣ: «Въ Москвѣ такое изобиліе всѣхъ вещей, необходимыхъ для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемыхъ по сходной цѣнѣ, что ей нечего завидовать никакой странѣ въ мірѣ, хоть бы и съ лучшимъ климатомъ, съ плодороднѣйшими пашнями, съ обильнѣйшими земными нѣдрами или съ болѣе промышленнымъ духомъ жителей. Поэтому хоть она лежитъ весьма далеко отъ всѣхъ морей, но, благодаря множеству рѣкъ, имѣетъ торговыя сношенія съ самыми отдаленными областями».

Привозъ на московскій рынокъ жизненныхъ продуктовъ былъ настолько великъ, что дешевизна ихъ удивляла иностранцевъ. Мы только что видѣли, какъ итальянца Барбаро поразилъ фактъ продажи говядины не на вѣсъ, а на глазомѣръ; онъ же сообщаетъ, что за одинъ маркъ можно было купить 4 фунта мяса; 70 куръ стоили червонецъ; по словамъ Іовія, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную мо-

нету. Во время пребыванія Контарини въ Москвѣ 30 четвериковъ пшеницы стоили червонецъ; такъ же дешево продавался и прочій хлѣбъ; 3 фунта мяса стоили 1 сольдъ, 100 куръ или 40 утокъ—1 червонецъ, а самый лучшій гусь не болѣе 3 сольдовъ. Контарини видѣлъ на московскихъ рынкахъ много зайцевъ, другой дичи совсѣмъ не было видно. Герберштейнъ говоритъ, что мѣра хлѣба продавалась въ Москвѣ за 4 или 6 денегъ. Но ко всѣмъ извѣстіямъ иностранцевъ надо относиться съ извѣстнаго рода осторожностью въ той части ихъ, которая касается цѣнъ на жизненные продукты. Очень возможно, что въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣковъ эти цѣны были относительно дешевы, но уже съ половины XVII вѣка Москва часто терпѣла дороговизну, именно на московскую мѣрку. Во всякомъ случаѣ Москва дѣйствительно привлекала къ себѣ огромную массу всевозможныхъ продуктовъ мѣстнаго производства, какъ въ видѣ сырья, такъ и въ видѣ ремесленныхъ издѣлій. Москва была центромъ, распредѣлявшимъ предметы потребленія, особенно въ торговлѣ съ иностранцами.

Въ Москву дѣйствительно свозились самые разнообразные продукты потребленія. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, живая рыба въ особыхъ садкахъ доставлялась изъ Бѣлоозера черезъ Ярославль въ Москву; это была казенная рыба, продававшаяся въ Москвѣ отъ казны. Кромѣ того, свозилось много рыбы и частными промышленниками, монастырями. Подвозъ въ Москву икры изъ Астрахани въ значительной мѣрѣ обусловливался тѣмъ, что паюсная икра составляла монополію казны. Въ половинѣ XVII вѣка никто не смѣлъ ею торговать, исключая откупщиковъ, которые снимали казенные икряные учуги. Икра свозилась въ Москву обыкновенно зимою на саняхъ и здѣсь поступала въ розничную продажу. По словамъ де-Родеса, ежегодно въ царскую казну доставлялось отъ 3 до 4 тысячъ бочекъ икры, при чемъ каждая бочка содержала въ себѣ отъ 40 до 60 пудовъ; отъ торга икры царь, по его словамъ, получалъ ежегодный значительный доходъ. По словамъ Ченслера, всѣ окрестныя мѣстности доставляли въ Москву рыбу и соль; рыба доставлялась соленой.

Наряду съ другими жизненными припасами торговля хлѣбомъ составляла очень важную статью московскаго торга. Въ Москву хлѣбъ въ большомъ количествѣ подвозился окрестными крестьянами по Москвѣ-рѣкѣ, а также и сухопутьемъ, но этого подвоза хлѣба далеко не хватало для столицы съ ея большимъ количествомъ ремесленнаго населенія и пріѣзжаго люда. Поэтому хлѣбная торговля въ Москвѣ представляла собою промыселъ значительнаго количества московскихъ купцовъ, которые иногда искусственно подымали цѣны на хлѣбъ. Кромѣ того, надо замѣтить, что въ Москвѣ были развиты куреніе вина и пивоваренное дѣло. Поэтому московскіе купцы, не довольствуясь случайнымъ привозомъ хлѣба, дѣлали обширныя закупки его и по областямъ. Въ половинѣ XVII стол. можно намѣтить нѣсколько крупныхъ отдаленныхъ пунктовъ хлѣбородной Украины, гдѣ производилась усиленная скупка хлѣба для московскаго рынка. Такими пунктами были преимущественно рязанскіе города: Дѣдиловъ, Гжатскъ, Темниковъ, Красная Слобода, сама Рязань; большія закупки хлѣба производились также въ

Костюмъ средины XVIII вѣка. Съ оригинала Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Москва
въ ея
прошломъ
настоящемъ

Нижнемъ Новгородѣ. Въ послѣднемъ городѣ производилась также оптовая закупка и рыбы для московскаго рынка.

Во всякомъ случаѣ усиленный спросъ на хлѣбъ въ Москвѣ уясняется не только фактомъ подвоза этого продукта на мѣстный рынокъ, не только жалобами на дороговизну хлѣба, которыя рѣзко начинаютъ слышаться съ половины XVII вѣка, но также и тѣмъ фактомъ, что московскія хлѣбныя цѣны вообще были выше провинціальныхъ. Это можно констатировать по крайней мѣрѣ для 2-й половины XVII вѣка, когда свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ становятся болѣе полными. Такъ, табличка, имѣющаяся въ изслѣдованіи профессора Ключевскаго о цѣнѣ русскаго рубля, уясняетъ намъ, что средняя московская цѣна на различные виды хлѣба въ этотъ періодъ была выше, и иногда значительно, провинціальныхъ цѣнъ. Такъ, цѣна за четверть ржи въ теченіе полустолѣтія въ среднемъ была 72 коп. Между тѣмъ въ малоплодородномъ Великомъ Новгородѣ она доходила только до 66 коп., въ Вологдѣ, находившейся въ такомъ же положеніи, четверть ржи иногда стоила 40 коп., въ Олонцѣ—50 коп.; въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ цѣна ржи была гораздо дешевле: въ Казани въ концѣ XVII вѣка четверть стоила 20 коп., въ Свіяжскѣ въ концѣ XVI вѣка—25 коп., даже въ Нижнемъ—только 37 коп., несмотря на то, что здѣшній рынокъ самъ былъ потребителемъ продукта, свозившагося изъ провинціи. Очевидно, въ зависимости отъ урожая и подвоза хлѣба московскій рынокъ давалъ значительныя колебанія хлѣбныхъ цѣнъ. Такъ, въ концѣ XVI вѣка, по словамъ Флетчера, четверть пшеницы въ Москвѣ стоила очень дешево,—всего 2 алтына, но въ неурожайные годы цѣна ея доходила до 13 алтынъ. Цѣна ржаной муки при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ среднемъ была отъ 8 до 12 алтынъ за четверть, а въ первую половину царствованія Алексѣя Михайловича четверть ея уже стоила обычно 18 алтынъ.

Кромѣ жизненныхъ продуктовъ въ Москву свозился рядъ другихъ, частью составлявшихъ предметъ мѣстнаго потребленія, частью составлявшихъ предметъ обмѣна на иноземныя произведенія, частью подвергавшихся переработкѣ въ Москвѣ. Уже одно количество мѣстъ продажи лѣсного товара и сѣна указываетъ на значительный подвозъ этихъ продуктовъ въ Москву. Но можно указать и на болѣе дорогіе товары, свозившіеся сюда. Такъ, изъ далекой Астрахани въ большомъ количествѣ привозили въ Москву овчины, черную, темную и бѣлаго цвѣта въ перемежку съ чернымъ. По словамъ Таннера, этотъ товаръ весьма цѣнился въ Москвѣ. Вообще мѣха всякаго рода почти исключительно проходили черезъ московскій рынокъ. По словамъ Герберштейна, въ Москвѣ бывали собольи мѣха, продававшіеся иногда по 20 или 30 золотыхъ или рублей, но ему самому такихъ мѣховъ не удалось видѣть. Въ XVII вѣкѣ нѣкоторые собольи мѣха продавались въ Москвѣ рублей по 100 и болѣе, маленькіе же стоили по одному рублю. Горностаевые мѣха продавались по 3 и 4 рубля за шкурку. Особенно цѣнилась черная лисица, шедшая обыкновенно на шапки. Бѣличьи мѣха привозились связками. Бобровые мѣха были также въ большой цѣнѣ. Больше всего иностранцевъ поражали со-

бо́льи мѣха. «Какъ по достоинству, такъ и по цѣнности, говоритъ Танперъ, главное мѣсто занимаютъ соболи мѣха, превосходное качество которыхъ извѣстно всему свѣту. Звѣрьки эти ловятся миляхъ въ 200 за Москвою, въ дремучихъ лѣсахъ. Чѣмъ холоднѣе зима, тѣмъ мѣхъ чернѣе, гуще и длиннѣе волосомъ, а потому и дороже; цѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ въ самой Москвѣ доходитъ до 100 рублей (такъ называется тамъ золотой); самому небольшому цѣна одинъ золотой». Большее количество мѣховъ доставлялось изъ сѣвернаго края: во всемъ Подвинье на Мурманскомъ берегу, на Пинегѣ было много промышленниковъ изъ Холмогоръ и другихъ мѣстъ, которые вымѣнивали у самоѣдовъ мѣха на сукно, олово, мѣдь и другіе товары и отвозили ихъ въ Новгородъ, Вологду и особенно Москву. Москва была также главнымъ рынкомъ по торгу сибирскими мѣховыми товарами. Кромѣ мѣховъ въ Москву доставлялось большое количество кожъ. Де-Родесъ разсказываетъ о томъ, что лосиныя шкуры направляли изъ Сибири частью въ Архангельскъ, частью въ Москву. Лоси, говоритъ онъ, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ государства, доставляются изъ одного города въ другой, и все, чего простой народъ не можетъ сбыть мѣстнымъ купцамъ, то привозится въ Москву для продажи иностраннымъ купцамъ. Если же и съ ними не сговорятся, то они ѣдутъ далѣе зимнимъ путемъ до Вологды. Здѣсь лежитъ товаръ до вскрытія рѣкъ, и потомъ уже они спѣшатъ на архангельскую ярмарку. Другія же кожи, изготовляемыя въ Новгородской и Псковской областяхъ, были значительно хуже.

Наряду съ Ярославлемъ, Костромой (по извѣстію де-Родеса) Москва была мѣстомъ, гдѣ привозимыя кожи подвергались переработкѣ и поступали въ продажу.

Изъ другихъ предметовъ, доставлявшихся въ Москву для переработки, можно упомянуть о воскѣ, который поступалъ въ Москву въ большомъ количествѣ и перерабатывался частью на свѣчи, частью шелъ въ продажу за границу; безъ сомнѣнія, ленъ подвергался въ Москвѣ также въ значительной мѣрѣ переработкѣ, для какой цѣли въ самой Москвѣ была особая Хамовническая государева слобода. Потребностью въ льнѣ для его переработки въ самой Москвѣ объясняются старанія правительства царя Алексѣя Михайловича разводить ленъ подъ Москвой.

Какъ уже выше было замѣчено, царская торговля съ ея монопольнымъ характеромъ способствовала привлеченію товаровъ къ Москвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые товары шли исключительно или въ значительной степени проходили черезъ царскую казну. Такъ, царь дѣлалъ большую закупку бархата, атласа, камки, парчи, тонкихъ суконъ, которыми награждалъ служилыхъ людей за ихъ службу. Для того, чтобы царская казна могла дѣлать выборъ товаровъ, нѣкоторые пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы (напр., греки) обязаны были свои товары прежде всего предъявлять для осмотра особымъ царскимъ гостямъ. Послѣ осмотра товары везли къ царю, и царь выбиралъ изъ нихъ то, что ему нравится. Затѣмъ такой же выборъ дѣлали гости, и только остальное могли продавать купцы, кому угодно. Въ обмѣнъ на товары имъ выдавались изъ казны соболи

и другіе мѣха. Вообще царская казна старалась держать въ своихъ рукахъ торговлю мѣхами и во всякомъ случаѣ выбирать изъ нихъ самый лучшій товаръ. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ купцы отъ казны посылались для покупки мѣховъ. Кромѣ того, казна получала много мѣховъ въ качествѣ дани отъ сибирскихъ инородцевъ и въ качествѣ пошлины, платимой торговцами за мѣха, купленные ими въ Сибири. Вообще торговля мѣхами была весьма стѣснена конкуренціею казны. Сибирскимъ купцамъ запрещалось покупать у инородцевъ ранѣе сбора ясака. При Алексѣѣ Михайловичѣ купцамъ запрещалось имѣть и продавать мѣха высокаго достоинства, и для купеческихъ мѣховъ была назначена невысокая цѣна. Стѣсненіе мѣховой торговли вело къ обходу правительственныхъ распоряженій и разнаго рода злоупотребленіямъ. Во избѣжаніе этого въ 1697 году запрещено было совершенно частнымъ торговцамъ покупать въ Сибири мѣха соболя и черныхъ лисицъ, и торговля этими мѣхами, наиболѣе дорогими, сосредоточилась исключительно въ рукахъ казны: только у нея частные торговцы могли покупать для продажи мѣха. Въ Москвѣ были особыя казенныя лавки, въ которыхъ продавались мѣха. Съ другой стороны, по словамъ Таннера, московскіе торговцы были весьма привычны къ мѣховой торговлѣ, и московскіе скорняки дошли до такого совершенства, что умѣли отлично выдѣлывать эти мѣха, рѣзать на куски и мастерски сшивать какіе угодно мелкіе кусочки; изъ крошечныхъ кончиковъ собольихъ хвостовъ они умѣли сшивать вельможамъ прелестнѣйшіе рукава цѣною въ 6 или 8 золотыхъ.

И другіе цѣнные товары, разъ дѣлались монополіей казны, исключительно проходили черезъ московскій рынокъ. Кромѣ царской торговли расширенію торговаго значенія Москвы въ сильной мѣрѣ способствовала и торговая политика Московскаго правительства. Оно стремилось привлечь торговцевъ къ московскому рынку. Когда въ Москвѣ замѣтили уменьшеніе доставки лошадей изъ южнаго Поволжья, астраханскіе воеводы получили государевъ указъ говорить съ большимъ прилежаніемъ ногайскимъ и другимъ татарскимъ мурзамъ и табуннымъ головамъ, равно и калмыкамъ о томъ, чтобы они пригоняли возможно большіе табуны въ Москву. Московское правительство охотно шло на челобитья черныхъ сотенъ и слободъ и разсылало указы во всѣ московскіе города о томъ, чтобы изъ понизовыхъ и украинныхъ городовъ всякіе люди везли хлѣбъ къ Москвѣ и чтобы здѣсь его продавали вѣрною цѣною не изъ большихъ прибытковъ. Такое же предложеніе дѣлается и солеварамъ, которые торгуютъ солью въ Москвѣ оптомъ, и солянымъ прасоламъ, которые продаютъ соль въ развѣсъ. Всѣмъ, кто будетъ продавать означенные товары съ великою прибылью, указъ угрожаетъ великой опалой и казнью. Надо замѣтить, что около этого времени дѣйствительно чувствовался въ Москвѣ недостатокъ привознаго хлѣба: де-Родесъ сообщаетъ, что въ его время четверть хлѣба въ Москвѣ стоила по 1 рублю, тогда какъ въ Казанской и Нижегородской областяхъ она продавалась по 15—25 коп.; а въ Ярославской, Ростовской и Вологодской—отъ 36 до 50 коп.

По отношенію къ иностранной торговлѣ, московская политика заклю-

чалась въ томъ, что иностранцы могли торговать преимущественно въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Архангельскѣ, притомъ могли вести только оптовую торговлю. Такимъ образомъ, иноземная торговля съ западными народами сосредоточилась въ небольшомъ числѣ пунктовъ, изъ которыхъ Москва все-таки была важнѣйшимъ. Только шведы и ливонцы могли торговать въ Новгородѣ, а греческій торгъ въ концѣ XVII вѣка былъ преимущественно сконцентрированъ въ Путивлѣ.

Московское правительство старалось собрать въ Москву и представителей русской торговли. Повидимому, уже со временъ великаго князя Василія Ивановича установился обычай, особенно развившійся при Иванѣ Грозномъ и состоявшій въ назначеніи въ составъ гостей и торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ наиболѣе зажиточныхъ иногородныхъ купцовъ. Эти купцы нужны были для царской службы по финансовому вѣдомству, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, принужденные перейти на жительство въ Москву, они переносили сюда и свою торговую дѣятельность и здѣсь концентрировали свои капиталы. Такимъ образомъ искусственно были стягиваемы въ Москву капиталисты изъ всѣхъ посадовъ. Но честь быть пожалованнымъ въ гостиную и суконную сотни далеко не всегда совпадала съ желаніями самихъ жалуемыхъ и чаще нарушала ихъ торговые интересы. Отсюда мы видимъ борьбу иногороднаго купечества съ московскимъ: послѣднее стремилось увеличить свой составъ для облегченія своей службы у государева дѣла, а иногородніе купцы иногда протестовали противъ такого выбора. Такъ, въ 1648 году государю было подано челобитье отъ посадскихъ людей разныхъ городовъ о томъ, что по государеву указу взяты изъ городовъ для московскихъ и отъѣзжихъ службъ торговые посадскіе люди, и челобитчики просятъ не велѣть «тѣхъ людей изъ городовъ въ гостиную и суконную сотни имать». Гости и торговые люди гостиной и суконной сотней въ сказкѣ написали, очевидно, вслѣдствіе запроса правительства, что имъ слѣдуетъ служить московскія службы у Архангельскаго города, а въ Астрахани, Казани и въ Нижнемъ будутъ служить ярославцы, а въ другихъ городахъ—гдѣ кто живетъ. Городовые посадскіе люди тоже подали сказку, въ которой предлагали иногородцамъ нести таможенную кабацкую службу по городамъ, вмѣсто московскихъ. На основаніи этого былъ изданъ указъ, по которому московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ гостиной и суконной частей, «да съ ними патріаршимъ и властелинскимъ и монастырскимъ крестьянамъ» служить московскія службы въ Архангельскѣ и въ Холмогорахъ. Иногородніе посадскіе люди оставлены на этотъ разъ въ своихъ городахъ.

Источники не даютъ намъ возможности количественно опредѣлить, въ какой мѣрѣ иногородніе купцы вызывались для переселенія въ Москву; равнымъ образомъ еще труднѣе опредѣлить размѣръ тѣхъ капиталовъ, которые такимъ путемъ переливались изъ провинціи въ столицу. Слѣдуетъ однако думать, что пополненіе московскихъ сотенъ иногородними торговцами происходило довольно часто и въ значительномъ, при слабомъ развитіи тогдашняго капитализма, количествѣ. Уже переселеніе 7000 человѣкъ изъ Новгорода въ Москву послѣ его разгрома, повидимому, является

первою мѣрой такого пополненія иногородними торговыми и промышленными людьми московскаго купечества. Рядъ топографическихъ названій въ Москвѣ свидѣтельствуетъ, что новгородцы были поселены именно въ столицѣ и заселили здѣсь нѣсколько мѣстностей. Такъ, было извѣстно Новгородское подворье въ Китай-Городѣ съ церковью пророка Иліи. Новгородская сотня находилась въ Бѣломъ Городѣ у Николы въ Гнѣздникахъ, и, кромѣ того названія нѣсколькихъ московскихъ улицъ тождественны съ новгородскими: Лубянка, Варварка и др.

Переселеніе псковичей въ Москву имѣло, очевидно, тотъ же характеръ; они оставили свой слѣдъ въ названіяхъ: Псковская гора у церкви св. Георгія и Псковскій переулокъ; Псковское подворье было въ Зарядьѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что мѣста, заселенныя новгородцами и псковичами, пріурочиваются къ центру Китай-Города, и представляютъ собой самыя бойкія мѣста по торговлѣ въ Бѣломъ Городѣ; такимъ образомъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что торгово-промышленная жизнь Москвы XVI и XVII вѣковъ въ значительной мѣрѣ является традиціей новгородской и псковской торговли. Очень возможно, что и нѣкоторыя другія топографическія названія Москвы берутъ свое начало отъ торговыхъ переселенцевъ, переведенныхъ въ Москву волею правительства (Дмитровка, Тверская, Устюжская сотня и нѣкоторыя другія). Кромѣ того, въ Москвѣ былъ рядъ подворьевъ, названія которыхъ указываютъ на то, что они были мѣстомъ остановки торговцевъ изъ другихъ городовъ, каковы: Елецкое, Тульское, Нижегородское и др. Само московское купечество алчно смотрѣло на проявленія торгово-промышленной жизни въ провинціи и старалось привлечь иногородцевъ къ тяжелымъ государевымъ службамъ, возлагавшимся на московское купечество: въ 1675 году, напр., торговые люди гостиной и суконной сотенъ докладываютъ правительству, что въ Двинской землѣ на посадахъ и въ уѣздахъ знающихъ и прожиточныхъ и богатыхъ торговыхъ и промышленныхъ людей много, почему и просятъ о переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Москву.

Московское правительство стягивало къ Москвѣ не только торговыхъ людей, но съ еще большей настойчивостью стремилось выбрать изъ провинціи наиболѣе искусныхъ ремесленниковъ. Сдѣлалось на Москвѣ извѣстнымъ, что въ Астрахани есть черкесы, отличающіеся искусствомъ выдѣлывать булатные сабли и панцыри, и царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ потребовать ихъ въ Москву. Въ XVI вѣкѣ особенно часто вызывались въ Москву новгородскіе ремесленники. Въ 1556 году, по указу царя Ивана, были высланы въ Москву серебряные мастера Артемка да Родіонка Петровы съ ихъ дѣтьми и братьями, «которые ихъ братья и дѣти горазди серебромъ образовъ окладывати».

Быть можетъ, при большемъ накопленіи нашихъ свѣдѣній, окажется, что и развитіе ремеслъ въ Москвѣ въ значительной мѣрѣ имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ приливъ ремесленниковъ изъ Новгорода. Въ самомъ дѣлѣ, московское правительство весьма было занято собираніемъ иногородныхъ ремесленниковъ, нужныхъ въ Москвѣ для государственнаго дѣла. Въ 1566 г. Иванъ IV издалъ указъ о томъ, чтобы дѣти боярскіе

и всякіе другіе люди не продавали нѣмецкихъ плѣнниковъ въ Литву и нѣмцамъ подъ страхомъ жестокаго наказанія. Всѣхъ нѣмецкихъ плѣнниковъ, у кого бы они ни находились, умѣющихъ дѣлать серебряную руду, серебряное, золотое, мѣдное, оловянное и всякое дѣло, приказано доставлять въ Москву. Въ 1671 г. изданъ былъ государевъ указъ о томъ, чтобы изъ Великаго Новгорода были присланы въ Москву иконописцы самаго добраго мастерства. Вызывались въ Москву и мастеровые изъ другихъ городовъ. Такъ, въ 1676 году указано выслать къ Москвѣ изъ вотчинъ Кириллова монастыря каменщиковъ, въ 1680 г. по государеву указу изъ Бѣлоозера должны были быть высланы къ Москвѣ каменщики, кирпичники съ дѣтьми, братьями, сосѣдями и захребетниками; въ 1681 году снова затребованы къ Москвѣ изъ Бѣлоозера записные каменщики и кирпичники по росписи и, которые сыщутся сверхъ росписи вновь, указано забрать ихъ самихъ, ихъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и сосѣдей и захребетниковъ; равнымъ образомъ сыскать тѣхъ, которые дѣлали ранѣе государево дѣло на Москвѣ и сбѣжали. Если эти каменщики ѣхать къ Москвѣ не захотятъ, то ихъ приказано штрафовать. Въ 1663 году велѣно было собрать въ Вологодскихъ монастырскихъ вотчинахъ скорняковъ и портныхъ мастеровъ съ 10 человѣкъ по 2 и выслать ихъ въ Москву съ женами и дѣтьми. Иногда указы о высылкѣ мастеровыхъ охватывали всѣ посады и уѣзды. Въ 1678 году указано было выслать къ Москвѣ всѣхъ замочныхъ мастеровъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ приказѣ; тогда же такая же грамата была отправлена на далекій востокъ къ Кунгурскому воеводѣ. Въ 1658 году было указано о высылкѣ въ Москву изъ всѣхъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ, изъ митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ селъ и деревень портныхъ мастеровъ, по два человѣка съ десяти. Мастера должны быть высланы въ Москву на житье. Кромѣ того, требуется выслать съ монастырскихъ и властелинскихъ вотчинъ добрыхъ скорняковъ, сколько гдѣ будетъ. При выборѣ ремесленниковъ правительство иногда встрѣчало сопротивленія и обманы. Иногда вмѣсто ремесленниковъ высылались въ Москву простые посадскіе люди по ложному поклепу. Иногда мастеровые люди скрывались и убѣгали отъ московскихъ разсыльщиковъ, почему ихъ приходилось ловить и подъ конвоемъ доставлять въ Москву: «а будетъ, говоритъ одна грамата, Ортемій Мочилниковъ съ братьями да Ѳедоръ Свирѣповъ съ братьями жъ ухоронятся, и ты бъ для розсылки велѣлъ дать Максиму пушкарей и розсыльщиковъ, сколько человѣкъ пригоже; а котораго числа Ортемья Мочилникова съ братьями да Ѳедора Свирѣпова съ братьею же Максиму отдашь, и ты бъ о томъ описалъ къ намъ, къ Москвѣ».

Вообще провинціальные мастеровые люди были на учетѣ у московскаго правительства и вызывались немедленно сюда, какъ только въ нихъ оказывалась надобность. Въ Москвѣ извѣстно, какъ оказывается изъ царской граматы 1655 г., что есть тихвинецъ заварщикъ Ивашка Чапланъ да замочникъ Прошка, которыхъ и велѣно взять московскимъ мастерамъ въ прибавку, для подкрѣпленія. За медленность въ присылкѣ мастеровъ во всѣхъ случаяхъ угрожается опалой и жестокимъ наказаніемъ. Мастеровъ

не только собираютъ въ Москву, но для того, чтобы они не разбѣжались, на нихъ требуютъ поручныя записи отъ ихъ односельчанъ. Когда мастера съѣзжались въ Москву, въ приказахъ испытывалось ихъ умѣнье дѣлать то или другое мастерство, не умѣющихъ отсылали обратно и требовали взамѣнъ ихъ добрыхъ мастеровъ. Правительство не только старалось заполучить въ Москву нужное количество мастеровъ изъ провинціальныхъ городовъ, но съ начала XVII вѣка охотно выписывало ихъ изъ-за границы; вообще количество послѣднихъ было достаточно велико по разнымъ отраслямъ производства, при чемъ однако иностраннымъ мастерамъ ставилось обязанностью обучать русскихъ людей.

Мастеровые люди выписывались изъ провинцій, какъ и всякіе служилые люди, для государевыхъ нуждъ, т. е. для государственныхъ и дворцовыхъ. Но не трудно замѣтить, что московское правительство было весьма запасливо въ наборѣ мастеровъ и выписывало ихъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ это нужно было въ дѣйствительности. Оно, видимо, избѣгаетъ привлекать къ казенному дѣлу живущихъ въ Москвѣ ремесленниковъ и переселяетъ изъ провинціи. Такъ, вызовы скорняковъ и портныхъ очень часты во второй половинѣ XVII вѣка, между тѣмъ количество этого рода мастеровыхъ въ самой Москвѣ въ это время весьма значительно. Такая позиція правительственной политики вполнѣ понятна: переводъ къ казенному дѣлу московскихъ мастеровыхъ отрывалъ бы ихъ отъ тѣхъ государевыхъ нуждъ, которыя они несли вмѣстѣ съ слободами и сотнями, слѣдовательно, ослаблялъ бы тягловую силу московскаго посада, несшаго притомъ и государеву службу по финансовому вѣдомству. Кромѣ указанной реальной нужды въ усиленіи московскаго посада для службъ, надо имѣть въ виду и то весьма важное обстоятельство, что московское правительство безспорно не безсознательно стягивало рабочій людъ въ Москву для того, чтобы усилить производительность столицы. Оно стремилось, какъ было видно изъ предыдущаго, все лучшее въ этой области привлечь къ Москвѣ. И другія данныя говорятъ намъ о томъ же. Такъ, Холмогорская сторона издревле славилась работой отличныхъ гребней, и оттуда вызывали мастеровъ въ царскій дворецъ. Когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ о качествѣ квасовъ, изготовляемыхъ въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, то государь посылалъ туда «для ученія квасного варенья» своихъ хлѣбниковъ и пивоваровъ.

Вездѣ въ провинціи тяжело отзывалось требованіе правительства выслать мастеровыхъ людей съ женами и дѣтьми на вѣчное житье въ Москву. Высылаемые уклонялись всячески отъ этой повинности, посадскіе люди всѣми мѣрами стремились удержать хорошихъ тяглецовъ. При высылкѣ правительство прибѣгало къ требованію перевода въ Москву женъ, дѣтей, при чемъ для этого требовалось иногда особое поручительство. Посадскіе же старосты въ свою очередь старались задержать у себя на посадѣ по крайней мѣрѣ семью переселеннаго.

Съ большимъ трудомъ собранные въ Москву мастеровые люди уклонялись отъ государева казеннаго дѣла, охотно поселяясь однако въ Москвѣ. Приказъ иногда требовалъ высылки изъ посадовъ бѣглецовъ или взамѣнъ ихъ новыхъ мастеровъ въ то самое время, когда присланные ра-

нѣе, числясь въ избылыхъ въ Казенномъ Приказѣ, въ дѣйствительности проживали однако въ Москвѣ въ слободахъ или въ стрѣльцахъ. По всей видимости, центральное правительство очень хорошо это знало, но, требуя высылки новыхъ мостеровыхъ изъ посадовъ, съ большою осторожностью возвращало на Казенный дворъ тѣхъ, которые поселились въ Москвѣ. Въ этомъ отношеніи очень любопытна докладная выписка изъ Приказа царю Алексѣю Михайловичу, объясняющая намъ затрудненія, которыя испытывалъ Приказъ вслѣдствіе бѣгства мастеровъ и въ то же время указывающая намъ сомнѣнія Приказа въ томъ, можно ли вернуть мастеровъ, убѣжавшихъ въ московскія же слободы. Въ виду его значительнаго интереса, мы приведемъ этотъ указъ полностью.

«Доложити Великого Государя и великого князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержца. Въ прошлыхъ во 168-мъ и во 169-мъ годѣхъ присланы исъ Посолского Приказу въ Казенной Приказъ двѣ памяти, велѣно крымскую кладь и волуйскую посылку на 167 и на 168 годы готовить противъ прошлого 166 году и на 167 годъ крымская кладь на отдѣлке. А на 168 годъ соболи и куницы и лисицы и бѣлка на Крымскую кладь взята. А въ дѣло не отдано, потому что скорняки и портныя и всякія мастеровыя люди съ Москвы въ городы разбежались. А иные стали въ стрелцы и въ сторожи и многие подавали порушные записи, а живутъ въ Кадашове и въ Садовникахъ въ розныхъ черныхъ слободахъ. А ево Великого Государя годового хлѣбного и денежного жалованья тѣмъ рядовымъ мастеровымъ людемъ нѣтъ. Прежъ сего отдавано имъ поденного корму, какъ бываютъ у дѣлъ: скорнякомъ по 9 денегъ, портнымъ по 6 денегъ человѣку на день, бѣлошникомъ отъ бѣлки за дѣло по 4 рубли отъ 1000 серебреными денгами. А въ нынешнемъ во 171 году апрѣля въ 1-й день прислана исъ Посолского Приказу память, велено крымскіе клади на прошлые на 169 и на 170 годы готовить противъ прежнего. И чтобъ тѣ всѣ клади на прошлые годы изготовлены были вскоре. И ныне крымскихъ кладей и всякихъ приказныхъ дѣлъ дѣлати нѣгде и нѣкемъ, а отставъ въ которыхъ полатахъ крымскую кладь и всякое приказное платье въ прошлыхъ годѣхъ дѣлали и отставъ по Великого Государя указу тѣхъ полатъ взяты на приказную четверту. И буде Великій Государь укажетъ крымские клади дѣлати наскоро, и по мастеровыхъ людей въ городъ Его Великого Государя грамоты посылать ли, и изъ стрелцовъ, и исъ сторожей, и исъ Кадашова, и изъ слободъ тѣхъ мастеровыхъ людей хъ крымской клади имать ли, и тѣмъ мастеровымъ людемъ поденного корму и за дѣлное, какими денгами, и поскольку давать и гдѣ тѣ крымские клади и приказное платье дѣлати? И Великій Государь Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ о томъ какъ укажетъ?«

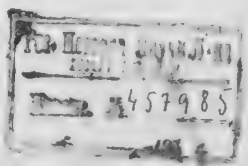
Но Москва далеко не всегда насильно тянула къ себѣ промышленныхъ и торговыхъ людей. Выгоды жизни въ центрѣ привлекали къ себѣ множество народа, стекавшагося изъ различныхъ мѣстностей. Въ Москвѣ можно было приложить свой трудъ, умѣнье и капиталъ къ тому или другому дѣлу и въ то же время легко можно было укрыться за сильныхъ и

Костюмъ начала XVIII вѣка.

Изъ собраній портретовъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ.

богатыхъ людей и уклониться отъ тяжелыхъ государственныхъ податей. Посадскія тягло и службы вообще были въ Московскомъ государствѣ очень тяжелыми, что побуждало посадскихъ людей всякими мѣрами избѣгать своего тягла. Особенно послѣ Московскаго разоренія замѣтно было сдвиженіе населенія со своихъ старинныхъ мѣстъ. Царская окружная грамата 1619 года между прочимъ разсказываетъ, что «изъ замосковныхъ и изъ заукрайныхъ городовъ посадскіе люди многіе, лготя себѣ, чтобы въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ, и по городамъ, и у шлемени, и у друзей, а по городамъ... напередъ сего, ѣхати не хотятъ». Кромѣ того, многіе посадскіе люди разныхъ городовъ уклоняются отъ несенія посадскаго тягла тѣмъ, что «люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ». Всѣхъ такихъ людей государевъ указъ требуетъ выслать изъ Москвы въ свои прежніе посады. Но послѣднее распоряженіе могло имѣть значеніе только для тѣхъ, которые укрылись за незначительныхъ людей. Въ общемъ всегда въ Москвѣ было большое количество промышленнаго люда, не принадлежавшаго къ московской посадской общинѣ въ собственномъ смыслѣ. Это были захребетники, закладчики, дворники и крѣпостные крестьяне многочисленныхъ служилыхъ людей, патріарха, митрополита или монастырей. Они заселяли цѣлыя улицы и большія слободы и, живя въ бѣлыхъ дворахъ, избывали государева тягла. Къ половинѣ XVII вѣка такія слободы выстроились по Тверской дорогѣ, на Ходынкѣ, по Троицкой дорогѣ на Яузу, по Коломенской дорогѣ, по Серпуховской и по Можайской на Поклонную гору. Кромѣ того, въ Москвѣ было не мало монастырскихъ, патріаршихъ и боярскихъ крестьянъ, которые пріобрѣтали куплею и по закладу тяглые дворы, лавки и погреба и торговали всякими товарами, занимались откупомъ на Москвѣ таможенъ и кабаковъ. Кромѣ купцовъ въ бѣлыхъ дворахъ жили ремесленные люди, занимавшіеся торгомъ и промысломъ, имѣвшіе многіе лавки, амбары и соляныя варницы. Все это люди «заступные», почему они и затѣснили и изобидѣли московскихъ торговыхъ посадскихъ людей. Уложенная реформа 1649 года является отвѣтомъ на жалобы посадскихъ людей объ утѣсненіи ихъ со стороны людей, торговавшихъ и промышлявшихъ подъ покровительствомъ бѣломѣстцевъ. Въ исторіи Москвы, какъ самаго крупнаго торгово-промышленнаго центра, эта реформа имѣетъ особенно важное значеніе тѣмъ болѣе, что Уложеніе царя Алексѣя Михайловича содержитъ въ себѣ рядъ постановленій, спеціально касающихся торгово-промышленной жизни Москвы.

Сущность Уложенной реформы заключается прежде всего въ томъ, что всѣ пригородныя московскія слободы, принадлежавшія патріарху, митрополиту, боярамъ и всякимъ другимъ бѣломѣстцамъ и заселенныя торгово-промышленными и ремесленными людьми, указано было со всѣмъ населеніемъ взять на государя безъ лѣтъ и безповоротно; если въ этихъ слободахъ окажутся кабальные холопы или владѣльческіе пахотные крестьяне, то такихъ прежніе ихъ владѣльцы должны свести въ свои дворы и помѣстья. Всякихъ чиновъ служилые люди, получавшіе государево де-



нежное и хлѣбное жалованье, если они въ Москвѣ вели торговлю или занимались промыслами, обязаны были нести всякія городскія подати въ рядъ съ черными людьми, но отъ тяглыхъ службъ освобождались. Если же они не желали быть въ тяглѣ, то обязаны были продать свои лавки посадскимъ торговцамъ. Изъ этого исключаются мелкіе служилые люди, какъ плотники, пушкари, кузнецы, затиньщики и воротники, которые по своимъ промысламъ тянули къ посаду податью и службами; стрѣльцы, казаки и драгуны могли заниматься торговлей и промыслами, уплачивая пошлины съ своихъ торговъ и оброкъ со своихъ лавокъ. Дѣти священно-и церковнослужителей и вообще торгово-промышленные вольные и владѣльческіе люди, проживающіе въ городахъ, должны быть приписаны къ посадскому тяглу. Спеціально относительно мастеровыхъ, которые сошли со своихъ тяголъ и жеребьевъ и жили въ Москвѣ во дворцѣ и при приказахъ, постановлено представить на усмотрѣніе государя. Оженившіеся на вдовахъ посадскихъ людей или на посадскихъ дѣвкахъ должны были нести тягло, если къ нимъ переходило имущество посадскихъ людей. Впредь никакихъ частновладѣльческихъ слободъ вокругъ Москвы не должно быть. Тяглые дворы, проданные бѣломѣстцамъ или перешедшіе къ нимъ за неуплату долга, велѣно было возвращать въ сотни безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ; тѣхъ же изъ черныхъ людей, кто впредь продастъ или заложитъ бѣломѣстцу свой дворъ, указано бить кнутомъ. Иногородніе торговые люди, у которыхъ въ Москвѣ были свои дворы и лавки, обязаны были тянуть тягло по своимъ московскимъ владѣніямъ и не избавлялись отъ тягла по тому посаду, къ которому они были приписаны. Если у иногородныхъ купцовъ не было своихъ дворовъ въ Москвѣ, то имъ предоставлялось право торговать на гостиномъ дворѣ. Крестьянамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву изъ уѣздовъ, дозволялось торговать не иначе, какъ на гостиномъ дворѣ и съ возовъ и струговъ, арендовать же и покупать лавки имъ воспрещалось.

Постановленіе о конфискаціи частновладѣльческихъ слободъ въ значительной мѣрѣ усилило составъ посадскаго населенія Москвы. Она закрѣпила за Москвой, именно за ея торгово-промышленнымъ элементомъ, значительное количество населенія, которое ранѣе къ ея составу не принадлежало и интересы котораго въ большинствѣ случаевъ были связаны съ провинціей. Напр., наканунѣ реформы московскій посадъ съ казенными слободами, Ямской, Конюшенной, съ составомъ Мастерской Царицыной Палаты, заключалъ въ себѣ 4421 дворъ. Между тѣмъ Уложенная реформа прибавила 1894 двора изъ числа частновладѣльческихъ, что представляетъ собою весьма значительный процентъ прибылого населенія.

Мы разсмотрѣли тѣ условія, при помощи которыхъ создавалось торгово-промышленное значеніе Москвы, какъ главнаго центра. Этотъ ростъ зависѣлъ какъ отъ ея географическаго положенія, такъ и отъ тѣхъ мѣръ, которыя были принимаемы Московскимъ правительствомъ. Надо только замѣтить, что наивысшій ростъ Москвы въ торговомъ отношеніи приходится на конецъ XVI и первую половину XVII вѣка. Къ концу первой полов. XVII столѣтія торговые и промысловые интересы всего госу-

дарства расширяются, появляются новые центры, наконецъ, растутъ города на южныхъ окраинахъ. Всѣ эти обстоятельства, разсѣивая торговое оживленіе по различнымъ мѣстностямъ и районамъ, неблагопріятно отозвались на торговомъ значеніи Москвы.

Какъ бы то ни было, но вполнѣ естественно, что рядъ благопріятныхъ условій создавалъ изъ москвича опытнаго и ловкаго купца. Иностранцы всѣ безъ исключенія отдаютъ дань удивленія ловкости и изворотливости, которыя прсявляетъ московскій купецъ въ торговомъ дѣлѣ. Уже Герберштейнъ замѣтилъ, что нѣмецкіе товары продаются въ Москвѣ дешевле, чѣмъ въ Германіи. Это обстоятельство объясняется преобладаніемъ мѣновой торговли. При мѣновой торговлѣ обѣ стороны, иностранцы и русскіе, старались оцѣнить свой товаръ какъ можно выше. Но въ этой торговлѣ московскій купецъ выигрывалъ столько, что могъ продавать иностранные товары по такой низкой цѣнѣ, по какой не могъ бы продавать ихъ иностранный купецъ, привезшій въ Москву. Почти столѣтіе спустя Олеарій приблизительно въ такихъ же словахъ характеризуетъ изворотливость московскаго купца. Онъ сообщаетъ, что московскіе купцы покупаютъ обыкновенно у англійскихъ сукно по 4 талера за локоть и перепродаютъ тотъ же локоть по $3^1/_2$ или 4 талера и все-таки не остаются безъ барыша. Выгоды московскихъ купцовъ Олеарій объясняетъ такимъ образомъ: они покупаютъ одинъ или нѣсколько кусковъ сукна съ тѣмъ, чтобы произвести расплату черезъ полгода или годъ, затѣмъ идутъ и продаютъ его лавочнику, по локтямъ, но уже за наличныя деньги, которыя они потомъ помѣщаютъ въ другіе товары. Такимъ образомъ они могутъ съ барышомъ три раза и болѣе совершить оборотъ своимъ деньгамъ.

Московскіе купцы хорошо знали рынокъ и отличались умѣньемъ покупать во-время тотъ или другой продуктъ.

Много здраваго смысла высказывали московскіе гости и представители сотенъ, когда они приглашались московскимъ правительствомъ на совѣщанія по вопросамъ внѣшней или внутренней торговли. Но отвѣты купцовъ на тѣхъ же совѣщаніяхъ показываютъ, что московское купечество неспособно было подняться выше своихъ эгоистическихъ интересовъ: въ немъ не было общаго классоваго сознанія, это были отдѣльныя группы, выступавшія съ тѣми или другими требованіями и пожеланіями, имѣя въ виду только свои личные интересы.

Эти замѣчанія оправдываются и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое на иностранныхъ купцовъ производили торговые пріемы московскаго купца. Продажа и обманъ тѣсно слились съ представленіемъ московскаго купца. По словамъ Олеарія, московскіе купцы хитры и падки на наживу. Онъ же разсказываетъ о томъ, что московскіе купцы высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотливость, говоря, что это даръ Божій, безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, по его словамъ, самымъ грубымъ образомъ обманулъ многихъ изъ московскихъ торговыхъ людей, и этимъ онъ пріобрѣлъ такое уваженіе среди московскихъ купцовъ за свое искусство, что они нисколько не обижались и просили принять ихъ въ товарищи въ надеждѣ поучиться его искусству.

Этими отрицательными качествами изъ всѣхъ русскихъ купцовъ отличались въ особенности именно московскіе. Герберштейнъ, имѣвшій возможность близко присмотрѣться къ купцамъ различныхъ городовъ, даетъ, напримѣръ, очень хорошій отзывъ о нравахъ псковскихъ купцовъ, но совсѣмъ иначе отзывается о торговыхъ людяхъ другихъ городовъ, особенно Москвы. Они,—говоритъ Герберштейнъ, — ведутъ торговлю съ величайшимъ лукавствомъ и обманомъ. Покупая иностранные товары, они всегда понижаютъ цѣну ихъ на половину, и этимъ поставляютъ иностранныхъ купцовъ въ затрудненіе или недоумѣніе, а нѣкоторыхъ доводятъ до отчаянія; но кто, зная ихъ обычаи и любовь къ проволочкѣ, не теряетъ присутствія духа и умѣетъ выждать время, тотъ сбываетъ свой товаръ безъ убытка. Иностранцамъ они все продаютъ дороже, такъ что иная вещь имъ самимъ стоитъ 1 дукатъ, а они продаютъ ее за 5, 10, даже за 20 дукатовъ, хотя случается, что и сами покупаютъ у иностранцевъ за 10 или 15 флориновъ какую-нибудь рѣдкую вещь, которая не стоитъ и одного флорина. Если при сдѣлкѣ неосторожно обмолвишься, обѣщаешь что-нибудь, они въ точности припомнятъ это и настойчиво будутъ требовать исполненія обѣщанія, а сами очень рѣдко исполняютъ то, что обѣщаютъ. Если они начнутъ клясться и божиться—знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлью обмануть. Я просилъ одного боярина, разсказываетъ Герберштейнъ, помочь мнѣ при покупкѣ мѣховъ, чтобы купцы не обманули меня; тотъ сейчасъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, но потомъ поставилъ меня въ большое затрудненіе: онъ хотѣлъ навязать мнѣ свои собственные мѣха, а тутъ еще начали приставать къ нему другіе продавцы, обѣщая заплатить за трудъ, если онъ спуститъ мнѣ ихъ товаръ по хорошей цѣнѣ. Есть у нихъ обычай ставить себя посредниками между продавцомъ и покупателемъ, и взявъ подарки особо и съ той и съ другой стороны, обѣимъ обѣщать свое вѣрное содѣйствіе. И другіе иноземцы характеризуютъ московскихъ купцовъ далеко не съ лестной стороны. Таннеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1678 году, разсказываетъ о томъ, что между его челядью и москвитянами происходили постоянныя ссоры. Главнымъ образомъ возникали онѣ изъ-за обмана при продажѣ соболей. Какъ только его спутники узнали о томъ, что москвитяне сварливы и плутуютъ не хуже жидовъ, они стали предлагать имъ за товары полъ-цѣны. Москвитяне сейчасъ начинали ругаться и сердиться и въ отвѣтъ стали было пускать въ дѣло кулаки, такъ что торгъ не обходился безъ участія караульныхъ. Недаромъ еще Контарини (конецъ XV столѣтія) говоритъ, что московскій народъ «продувнѣй и лукавѣе всѣхъ прочихъ; особенно ненадеженъ въ уговорахъ; они и сами знаютъ это за собой, и потому, когда приходится имъ вести торговыя сношенія съ иноземцами, выдаютъ себя, чтобы внушить больше довѣрія, не за москвитянъ, а за иногородныхъ».

Умѣнье московскаго купца во-время обернуться съ тѣми и съ другими товарами выясняется еще болѣе, если взвѣсимъ нѣкоторыя условія тогдашней торговли. Только мелочная торговля обыкновенно производилась на наличныя деньги, оптовая же преимущественно была мѣновой; этимъ и объ-

ясняется то обстоятельство, что многіе товары, привезенные въ Москву изъ Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи, Татаріи и изъ другихъ мѣстъ, по словамъ Рейтенфельса и другихъ иноземцевъ, сбываются въ Москвѣ по той же цѣнѣ или же еще и дешевле, чѣмъ они стоили на мѣстѣ. Между тѣмъ иностранцы по ихъ разсчетамъ получали очень большую прибыль на привезенные товары, нерѣдко въ 100%. Трудность условій торга сопровождалась еще и тѣмъ, что заемъ денегъ былъ дѣломъ нелегкимъ и дорогимъ: ростъ въ 20% былъ обычнымъ, и только церкви, по словамъ Герберштейна, давали деньги по 10%. Наконецъ, московскій купецъ обыкновенно велъ торгъ не однимъ какимъ-либо товаромъ и вообще промышлялъ не однимъ какимъ-либо дѣломъ, но старался провести ту или другую торговую сдѣлку при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, пользуясь условіями рынка. Всѣ эти условія дѣйствительно вырабатывали очень предпріимчиваго и ловкаго торговца. Прежде всего московскіе торговые люди охотно пользовались грамотою: судя по подписямъ московскихъ гостей и торговыхъ людей, призываемыхъ на совѣщанія въ приказы, грамотность среди нихъ для того времени была въ достаточной степени сильно развита, такъ что процентъ неграмотныхъ колеблется между 10 и 12%. Тогдашніе учебники ариѳметики проникнуты торговымъ духомъ и, очевидно, приноровлены исключительно для торговыхъ цѣлей: они состоятъ изъ задачъ, заключающихся въ переводѣ русскаго денежнаго счета на иноземный, изъ примѣровъ на куплю и продажу различныхъ товаровъ, наконецъ, изъ разсчета времени, потребнаго на перевозку товаровъ или на посылку людей. Сохранившіяся до насъ торговыя книги проникнуты тѣмъ же духомъ приноравливанія къ условіямъ рынка и къ покупателямъ: это своеобразная торговая энциклопедія, составители которой собрали свѣдѣнія о цѣнахъ на различные продукты, списокъ товаровъ, разсчеты перевода денегъ иностранныхъ на московскій счетъ, описанія нѣкоторыхъ товаровъ съ наставленіями относительно выбора лучшаго качества товаровъ, описанія поддѣльныхъ товаровъ: «въ изумрудѣ дорогомъ, что въ зеркалѣ, видится видъ человѣка», и тутъ же дается наставленіе о томъ, какъ отличать фальсифицированные изумруды отъ настоящихъ и т. п.; затѣмъ тутъ же даются наставленія о томъ, въ какомъ количествѣ слѣдуетъ поставлять товаръ для того, чтобы это было прибыльно. Составитель также очень свѣдущъ во вкусахъ покупателей: онъ знаетъ, какіе соболи носятъ нѣмецкія жены, какіе мѣха идутъ въ португальскую землю и какіе къ кизильбашамъ и т. п., знаетъ, какое ворванное бѣлое сало любятъ нѣмцы и какъ это сало надо приготовить для того, чтобы оно соотвѣтствовало потребностямъ рынка. Все это результаты опыта при торговыхъ оборотахъ.

Условія московской торговли требовали отъ торговца особой смѣтливости и сообразительности еще и въ виду нѣкоторыхъ свойствъ московской биржи, какъ товарной, такъ и денежной. Иностранные товары почти исключительно получались черезъ Архангельскій портъ, а ввозъ черезъ Нарву имѣлъ лишь дополнительное значеніе. Ввозъ иностранныхъ товаровъ и вывозъ русскихъ за границу происходилъ только одинъ разъ въ году, въ силу чего наблюдалась большая неустойчивость цѣнъ и труд-

ность соразмѣрить количество подлежащихъ пріобрѣтенію товаровъ съ размѣрами потребленія. Въ теченіе лѣта купецъ долженъ былъ закупить потребное количество товаровъ именно въ такомъ разсчетѣ, чтобы не купить ихъ по цѣнѣ слишкомъ дорогой въ виду возможнаго паденія цѣнъ, и, съ другой стороны, закупить въ такомъ размѣрѣ, чтобы удовлетворить спросъ потребителя. Кромѣ того, если въ Архангельскій портъ прибылъ товаръ не въ достаточномъ количествѣ, нужны были не малая сообразительность и умѣнье рисковать для того, чтобы немедленно заказать товары на Западѣ и получить ихъ своевременно зимой черезъ Нарву. Уже Кильбургеръ замѣчаетъ, что трудно найти другую землю, въ которой бы цѣны такъ скоро возвышались и упадали; онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, что въ теченіе мѣсяца колебаніе товарныхъ цѣнъ на отдѣльные предметы иногда бывало сто на сто. При всемъ томъ приходилось учитывать количество товаровъ, которые оставались на рынкѣ отъ закупокъ предшествующаго года и, слѣдовательно, могли повліять на паденіе цѣнъ. Надо было также купцу быть всегда на-готовѣ, для того, чтобы предвидѣть возможныя и обычно совмѣстныя комбинаціи иноземныхъ купцовъ для повышенія цѣнъ на привозимые товары и для пониженія цѣнъ русскихъ товаровъ. Относительная немногочисленность иноземнаго купечества, торговавшаго черезъ Архангельскій портъ, дѣлала такого рода соглашенія легко достижимыми, между тѣмъ какъ московское купечество въ силу конкуренціи и другихъ причинъ не могло сорганизоваться въ этомъ направленіи. Затѣмъ, наряду съ колебаніями товарной биржи, фондовая биржа была подвержена также постояннымъ колебаніямъ. Въ Москвѣ иностранная золотая и серебряная монета ходила, какъ и всякій товаръ, и наличное количество этой монеты, а также и качество отдѣльныхъ ея экземпляровъ очень сильно отзывались на московской биржѣ. Въ зависимости отъ разныхъ условій торговыхъ сдѣлокъ замѣчалось также колебаніе цѣнъ на иностранныя монеты. Такъ, зимою сибирскіе купцы закупали иностранную монету для сибирскаго торга, весною, съ начала навигаціи, ею запасались для персидской торговли въ Астрахани, лѣтомъ—для погайской торговли въ Москвѣ. Такимъ образомъ постоянныя колебанія денежной биржи вліяли на исходъ торговыхъ операцій и требовали отъ купца умѣнья приноровиться къ нимъ.

Особенности условій торга собственно московскаго купца заключались еще и въ томъ, что онъ велъ торговлю или занимался промыслами единолично при помощи своихъ приказчиковъ, или же входилъ въ компанію съ другими капиталистами; во всякомъ случаѣ онъ далеко не ограничивалъ сферу своей дѣятельности Москвой, а раскидывалъ свои торговыя предпріятія по всему государству или на тотъ или другой внѣмосковный районъ.

Въ настоящее время уже не можетъ быть сомнѣнія, что московское купечество знало форму компанейскихъ предпріятій. Артельно-промысловыя предпріятія, извѣстныя на Руси издревле, пріѣздъ представителей иноземныхъ компаній—все это были такіе факты, которые были хорошо учтены московскими купцами и которые послужили для нихъ примѣромъ въ дѣлѣ

составленія собственныхъ компаній. Но особенность организаціи ихъ далеко еще не изслѣдована въ нашей наукѣ. Мы приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся компанейскихъ предпріятій московскаго купечества. Такъ, торговый человѣкъ гостиной сотни Лазорко Плютовъ, кадашевецъ Ѳомка Билибинъ и гость Иванъ Булковъ составили компанію для выработки поташа и смольчуга на земляхъ стряпчаго Ѳедора Полтина въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ. Они составили *складную запись*, въ которой уговорились промышлять вмѣстѣ. Первые два компанейщика должны были доставить необходимый капиталъ, а гость Иванъ Булковъ обязанъ былъ дать «въ поровненіе» денегъ работниковъ и промышленниковъ. Каждый получалъ въ этомъ промыслѣ свой «пай». Изъ дѣла также видно, что въ промыслѣ принималъ участіе еще торговый человѣкъ гостиной сотни Тимофей Рыбинскій: онъ былъ «общимъ промышленникомъ» и завѣдывалъ промыслами на мѣстѣ, можетъ быть, по найму, а, можетъ быть, и по участію въ прибыляхъ, тогда какъ остальные пайщики продолжали жить въ Москвѣ, гдѣ у нихъ началось судебное дѣло, вслѣдствіе нежеланія Булкова предоставить для промысловъ свою часть денегъ и работниковъ. Это дѣло вскрываетъ очень любопытную картину торговыхъ отношеній XVII вѣка. Въ Москвѣ знали форму товарищества на паяхъ, знали особую форму складныхъ записей, опредѣлявшую степень участія товарищей и денегъ, наконецъ; капиталисты направляли ходъ промысла изъ Москвы. Къ сожалѣнію, документы подобнаго рода чрезвычайно рѣдки. Иногда компанейщики брали привилегію на разработку того или другого дѣла. Такъ, въ 1632 году торговый человѣкъ новгородской сотни Иванъ Потаповъ и гостиной сотни Григорій Петровъ и Онкиндинъ Кобылкинъ вмѣстѣ съ тяглецомъ Конюшенной слободы Иваномъ Ипатьевымъ получили на шесть лѣтъ отъ царя Михаила Ѳеодоровича привилегію на разработку сѣрной руды и на добычу краски багоръ. Имъ разрѣшалось пользоваться сѣрнымъ камнемъ по рѣкѣ Нарѣ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Тарусѣ въ Тульскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Калужскаго, Ярославскаго и другихъ уѣздовъ. Имъ разрѣшалось искать камень на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ и или у крестьянъ и покупать его по уговорной цѣнѣ; на государевыхъ земляхъ, на порожжихъ имъ разрѣшалось брать камень безоброчно; равнымъ образомъ компанейщикамъ предоставлялось право безпошлиннаго провоза товаровъ. Вообще во второй половинѣ XVII вѣка послѣдняго рода привилегій московскимъ торговымъ людямъ было дано довольно значительное число, но перечень ихъ для насъ особеннаго значенія не имѣетъ. Московскіе купцы не только составляли компаніи, но также умѣли прибѣгать и къ такого рода ассоціаціямъ, цѣлью которыхъ было повліять на повышеніе или на пониженіе цѣнъ. Такъ, московскіе хлѣбные торговцы представляли собою ассоціацію торговыхъ людей, при помощи однообразныхъ пріемовъ пытавшуюся оказать давленіе на хлѣбныя цѣны въ столицѣ, и московскому правительству приходилось съ ними вести въ этомъ направленіи продолжительную борьбу. Правительству еще со временъ царя Михаила Ѳеодоровича доставляли не мало затрудненій московскіе хлѣботорговцы, очень умѣло достигавшіе искусственнаго повышенія

цѣнъ. Они скупали хлѣбъ, привозимый крестьянами зимой на возахъ въ Москву или лѣтомъ по рѣкѣ, и затѣмъ перепродавали этотъ скупленный хлѣбъ съ большими барышами. Иногда, чтобы не допустить закупки хлѣба, московскіе хлѣбные торговцы выѣзжали за городъ и перекупали у крестьянъ подвозимый ими хлѣбъ. Мало того, они такія же большія закупки производили въ пригородныхъ мѣстностяхъ.

Мы только что замѣтили, что московскіе капиталисты не имѣли обычая сосредоточиваться на томъ или иномъ видѣ торговли или промысла, и что въ связи съ этимъ они разбрасывали свою дѣятельность по провинціи. Послѣднее обстоятельство объясняется частью тѣмъ, что многіе торговые люди вывозимы были изъ провинціи въ Москву, и что поэтому у нихъ часто сохранялись старинныя связи съ провинціей. Но безспорно также и то, что московскіе торговые люди направляли свою дѣятельность въ провинціальные города, движимые торговыми выгодами. Этимъ объясняются многія явленія торговой жизни самой Москвы, и между прочимъ то обстоятельство, что крупные капиталисты вовсе не имѣли въ городѣ большого числа торговыхъ заведеній.

Московскіе купцы не только разбрасывали свою дѣятельность по провинціи, но даже и въ самой Москвѣ не сосредоточивали своей торговли въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ или на одномъ какомъ-либо предметѣ. Такъ, московскій гость Василій Шоринъ велъ не только торговыя операціи различными предметами, владѣлъ соляными варницами въ провинціи, арендовалъ на Камѣ рѣчныя пристани и т. д., но, кромѣ того, въ самой Москвѣ владѣлъ цѣлымъ рядомъ лавокъ. Такъ, по одному только списку ему принадлежало въ Китай-городѣ 11 лавокъ. Кадашевецъ Петръ Исаевъ, по положенію средній купецъ, владѣлъ семью лавками, каждая по четверти лавки, т. е. небольшого размѣра мѣстами торговли. Вообще всѣ торгующіе держались того правила, чтобы имѣть какъ можно болѣе мѣстъ торговли. Такъ, послѣ смерти протопопа Александра Алексѣева у него оказались слѣдующія мѣста торга: 2 полулавки въ сафьянномъ и лоскутномъ ряду, 6 каменн. лавокъ въ нижнемъ щепетильномъ ряду, 2 каменныя лавки въ среднемъ прядѣ того же щепетильнаго ряда, 3 ящичныхъ шелковыхъ каменн. мѣста въ нижнемъ же щепетильномъ ряду и тамъ же еще 4-е мѣсто ящичное, наконецъ, еще одна каменная лавка въ щепетильномъ ряду и др. Даже мелкіе торговцы держались того же правила. Когда умеръ колокольный мастеръ Ѳедоръ Моторинъ въ 1694 году, то сынъ его объявилъ въ Приказѣ наслѣдство, заключавшееся въ 2 мѣстахъ торга въ котельномъ ряду, состоявшихъ изъ одной полулавки и изъ одной чети лавки; затѣмъ по Срѣтенской улицѣ у него былъ дворъ съ лавкой, лавочнымъ мѣстомъ и сѣнницею; наконецъ, на той же Срѣтенской улицѣ Моторинъ владѣлъ 3-мя скамьями, держалъ квасную кадь и сусленый кувшинъ; кромѣ того, у него же была кузница, въ которой онъ, вѣроятно, занимался колокольнымъ дѣломъ, потому что по другимъ записямъ видно, что этотъ Моторинъ имѣлъ учениковъ колокольнаго дѣла; судя по цѣнѣ и по размѣрамъ оброка, все это были небольшія торговыя заведенія.

Костюмъ придворной дамы эпохи Екатерины II.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Разбросанность торга и незначительный характеръ каждаго въ отдѣльности мѣста торговли будутъ для насъ еще яснѣй, когда мы вспомнимъ, что сама по себѣ каждая лавка представляла очень небольшое по размѣрамъ торговое учрежденіе. Недаромъ Поссевинъ въ одномъ мѣстѣ съ ироніей говоритъ, что въ одной лавкѣ венеціанскаго купца заключается товаровъ больше, нежели на всемъ московскомъ базарѣ. Въ самомъ дѣлѣ каждая лавка представляла собой четыреугольникъ въ 2 саж. въ ширину и $2^1/_2$ саж. въ длину. Мы увидимъ ниже на основаніи цѣлаго ряда статистическихъ данныхъ, что цѣлыхъ лавокъ было очень мало, а торговыя мѣста состояли по преимуществу изъ полулавокъ и даже меньшихъ частей: бывали, напр., восьмыя части лавки, т. е. совсѣмъ незначительныя лари; торговля производилась на лоткахъ, на скамьяхъ. Правда, лавки бывали каменныя и деревянныя; въ Китай-городѣ послѣ перестройки 1626 года, повидимому, были преимущественно каменныя лавки; подъ каменными лавками были подвалы для склада товаровъ, погреба. Но во всякомъ случаѣ стоимость такого торговаго помѣщенія какъ въ смыслѣ дохода, приносимаго самимъ помѣщеніемъ, такъ и въ смыслѣ товаровъ, находящихся въ лавкѣ, обыкновенно была очень не велика. Сохранилось, напримѣръ, описаніе, относящееся къ началу XVII в., шалаша на большомъ Гостиномъ Дворѣ. Это былъ государевъ шалашъ, въ которомъ продавалась стеклянная посуда, вырабатывавшаяся на Измайловскомъ стекляномъ заводѣ. Не забудемъ, что этотъ шалашъ принадлежалъ казнѣ и что онъ находился на очень бойкомъ торговомъ мѣстѣ. Это было небольшое бревенчатое помѣщеніе, запиравшееся желѣзнымъ нѣмецкимъ замкомъ. Передняя стѣнка открывалась, какъ въ теперешнихъ рундукахъ. Все содержимое шалаша состояло изъ 319 сулеекъ, 32 аптекарскихъ сулеекъ, 134 маленькихъ склянокъ, 290 различнаго рода стакановъ, 30 небольшихъ братинъ и еще изъ нѣсколькихъ мелкихъ стеклянныхъ вещей. Иногда можно опредѣлить и капиталъ, пускаемый въ оборотъ для содержанія той или другой лавки. Такъ, по одному документу 1634 года, вдова одного изъ московскихъ протодіаконовъ сдавала въ аренду въ монатейномъ ряду, гдѣ продавалась одежда духовнаго чина, 3 торговыхъ помѣщенія, именно одну каменную лавку, одну деревянную и еще одну деревянную полулавку; эти всѣ три лавки она сдавала вмѣстѣ съ оборотнымъ капиталомъ, размѣръ котораго высчитанъ сборщикомъ податей въ сто десять рублей на всѣ три торговыя помѣщенія. Разумѣется, тутъ многое зависѣло отъ мѣста, гдѣ находилась лавка, и отъ другихъ условій, но во всякомъ случаѣ капиталъ, влагаемый въ каждое отдѣльное такое торговое предпріятіе, былъ невеликъ даже съ точки зрѣнія оборотовъ того времени. Объ этомъ между прочимъ можно судить по сборамъ пятинной деньги 1634 года. По отношенію къ лавочному торгу пятина взималась съ наличности того имущества, которое въ данный моментъ было зарегистровано сборщикомъ съ плательщика, въ размѣрѣ 20% этого имущества. Оказывается, напримѣръ, что въ Китай-городѣ, въ иконномъ ряду, съ полулавокъ было взимаемо отъ 20 алтынъ до 1 рубля пятиннаго сбора, въ одномъ случаѣ 2 руб., въ двухъ случаяхъ взято было съ полной лавки 7 и 8 руб. Даже

въ сурожскомъ ряду, гдѣ торговали шелковыми товарами, брали съ лавки по 5 и по 6 руб. Правда, торговцы желѣзными издѣліями, повидимому, вообще выдѣлялись среди другихъ родовъ торговли своею зажиточностью, почему, напримѣръ, въ желѣзномъ ряду того же Китай-города были лавки, обложенныя 10 и даже 40 и 60 рублями, но были и лавки, обложенныя 1 руб., а въ замочномъ ряду обложеніе колебалось отъ 20 денегъ до 20 руб. съ лавки. Такой же характеръ носили торговыя помѣщенія и внѣ Китай-города, еще болѣе мелкія. Цѣлый рядъ лавокъ за Варварскими воротами обложенъ былъ пятиннымъ сборомъ въ размѣрѣ 20—40 алтынъ; были, впрочемъ и здѣсь лавки, обложеніе которыхъ доходило до 20 руб. Даже въ самопальномъ ряду за Неглинными воротами, въ весьма центральномъ мѣстѣ, преобладалъ низкій размѣръ обложенія, хотя и здѣсь было немало лавокъ, обложенныхъ 6-ю рублями и даже выше. Даже такія торговыя заведенія, какъ харчевыя избы, не представляли собой крупныхъ торговыхъ заведеній: на Арбатѣ, напримѣръ, блинная изба облагается въ размѣрѣ 20 алтынъ. Разумѣется, квасныя кади, шалаши и т. п. представляли собою уже совсѣмъ мелкія торговыя или промысловыя учрежденія. Такъ, напримѣръ, точильный рядъ, въ которомъ преобладали полушалаши, былъ обложенъ по 20 денегъ съ каждаго мѣста; квасныя кади облагались 20 деньгами, иногда немногимъ выше; скамьи для торгу чаще всего облагались 2-мя алтынами и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, что каждое отдѣльное мѣсто торга представляло собою довольно скромное предпріятіе. Кстати напомнимъ, что одинъ рубль въ первую половину XVII вѣка можетъ быть приравненъ приблизительно къ 15 руб. второй половины XIX стол. по его покупательному значенію.

Отсюда понятно и то обстоятельство, что лавка, какъ торговое предпріятіе, цѣнилась не особенно дорого, особенно если принять во вниманіе стоимость мѣста и строительнаго матеріала. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, въ 1677 году были проданы полтора мѣста становыхъ въ телѣжномъ ряду со всякимъ строеніемъ за 18 руб., тогда же и тамъ же двѣ лавки—за 28 руб. Конечно, въ телѣжномъ ряду торговля не могла представлять особенныхъ выгодъ. Въ половинѣ столѣтія лавка въ Китай-городѣ въ сафьянномъ и лоскутномъ ряду шла въ залогъ всего за 60 рублей, а лавочное мѣсто въ томъ же ряду шло всего за 30 руб. Даже въ москательномъ ряду въ томъ же Китай-городѣ въ первой четверти XVII вѣка полулавки цѣнились отъ 47 до 75 руб., каменныя лавки въ щепетильномъ ряду оцѣнивались отъ 75 до 85 руб. и пр.

Такимъ образомъ мы вскрываемъ весьма любопытный характеръ московской торговли: одинъ и тотъ же торговецъ стремится захватить цѣлый рядъ торговыхъ мѣстъ или промысловъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи.

Разумѣется, подобнаго рода пріемы торга требовали большого числа довѣренныхъ лицъ, которымъ въ каждой отдѣльной лавкѣ поручалось веденіе торговли, или же вызывали обычай сдачи лавокъ въ арендное содержаніе. Наши документы очень рѣдко говорятъ о соотношеніяхъ между владѣльцами лавокъ и сидѣльцами или арендаторами. Но мы прежде всего

приведемъ одинъ, чрезвычайно убѣдительный примѣръ. Намъ удалось найти въ архивѣ одну роспись конца 60-хъ годовъ лавокъ въ Китай-городѣ, примыкавшихъ къ шапочному ряду. По ней зарегистровано всего 168 лавочныхъ владѣній, при чемъ, въ противоположность другимъ росписямъ, наше описаніе содержитъ въ себѣ какъ перечень владѣльцевъ лавокъ, такъ и лицъ, которыя фактически въ нихъ ведутъ торговлю на правахъ арендаторовъ или въ качествѣ приказчиковъ. Изъ указаннаго числа лавокъ надо отбросить 36 пустыхъ владѣній. Затѣмъ изъ остальныхъ только въ 35 занимаются торговлей сами владѣльцы лавокъ, въ остальныхъ сидятъ сидѣльцы, находящіеся къ владѣльцамъ лавокъ не въ одинаковыхъ отношеніяхъ. Въ однѣхъ лавкахъ сидятъ родственники владѣльцевъ, въ другихъ—люди ихъ, въ иныхъ—сидѣльцы, т. е. все это элементъ, торгующій не собственнымъ капиталомъ, а капиталомъ владѣльца лавки. Къ сожалѣнію, нашъ источникъ не всегда отличаетъ сидѣльцевъ отъ арендаторовъ, почему очень трудно опредѣлить число послѣднихъ: приведя названіе владѣльца лавки, наша роспись обыкновенно прибавляетъ «а сидитъ въ ней» такой то, что можетъ означать и сидѣльца-приказчика, и арендатора. Но, съ другой стороны, по отношенію къ крупнымъ торговымъ людямъ можно безъ затрудненія вынести предположеніе, что въ ихъ лавкахъ были уже не арендаторы, а зависимые люди, или компанейщики. Выше мы упоминали о широко раскинутыхъ торговыхъ предпріятіяхъ гостя Василія Шорина: въ его лавкахъ сидятъ, по выраженію нашей росписи, разные люди московскихъ слободъ и сотенъ, въ томъ числѣ и кадашевцы, отличавшіеся торговой дѣятельностью. Встрѣчаются и такіе случаи, уже несомнѣнно указывающіе на арендное отношеніе, когда въ арендуемой лавкѣ сидитъ сидѣлецъ того или другого капиталиста: напр., «четь лавки кадашевца Ивана Терентьева, а сидитъ въ ней сидѣлецъ гостиной сотни Александра Федотова Яковъ Матвѣевъ».

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго о характерѣ торговли очевидно, что всякій сколько-нибудь зажиточный купецъ долженъ былъ имѣть извѣстное количество лицъ, которымъ онъ ввѣрялъ веденіе своихъ торговыхъ дѣлъ. У богатыхъ гостей количество такихъ лицъ безспорно было велико. Разумѣется, каждый хозяинъ старался укрѣпить за собою такое лицо для того, чтобы менѣе подвергаться риску. Наши источники весьма бѣдны въ своихъ указаніяхъ на соотношенія межлу хозяевами и приказчиками. Насколько можно проникнуть въ эти соотношенія, они выражались въ двоякой формѣ: или въ формѣ найма, обусловленнаго иногда долговыми обязательствами, или въ формѣ захребетничества, закладничества.

Долговое право въ достаточной мѣрѣ обезпечивало хозяина отъ возможныхъ убытковъ и ставило заемщика въ полную зависимость отъ хозяина. Заемныя записи, которыя заключались въ средѣ посадскихъ людей съ обязательствомъ отбывать занятыя деньги службой, по характеру своему отличаются отъ кабальныхъ записей и являются съ характеромъ договора найма, съ тѣмъ однако, что наемникъ находится въ полномъ распоряженіи своего господина. Такъ, вдова одного тяглеца огородной слободы, занявъ въ уплату долговъ своего мужа и на свои расходы у тяг-

леца Казенной слободы Ивана Антипина 50 руб., отдаетъ ему въ услуженіе сына своего Семена. Послѣдній обязанъ жить во дворѣ хозяина, «во всемъ ево Ивана и жены ево и дѣтей слушать и всякую работу работать»; если хозяинъ пошлетъ наемника къ промыслу или посадитъ въ лавкѣ торговать, онъ обязанъ во всемъ давать отчетъ, самъ воровствомъ не заниматься и никакимъ дурномъ не промышлять, безъ хозяйскаго вѣдома ни по комъ не ручаться и въ долгъ товару и денегъ никому не давать, вообще не чинить хозяину никакого убытка и хозяйскихъ животовъ не покрасть. Наемникъ получаетъ отъ хозяина одежду и пищу. Особыя условія оговариваютъ, что наемникъ долженъ своему господину по книгамъ и расписками дать отчетъ. Срокъ данной записи составленъ по животъ хозяина. Но этотъ срокъ вовсе не роднитъ запись даннаго типа съ кабальнымъ холопствомъ потому, что встрѣчаются совершенно аналогичныя записи на опредѣленный срокъ. Такъ, тоже вдова другого тяглеца Огородной слободы тому же Ивану Антипину была должна 50 р. товарныхъ денегъ, занятыхъ ея покойнымъ мужемъ. Она отдаетъ Ивану въ услуженіе своего сына Ѳедора на такихъ же условіяхъ, которыя приведены выше, но съ опредѣленіемъ срока 10-ю годами и съ добавленіемъ, что хозяинъ обязанъ одѣть наймита по силѣ при его отходѣ.

Въ предшествующихъ случаяхъ мы видѣли такія условія найма, которыя явились послѣдствіемъ занятаго капитала. Но посадскіе люди нанимали для торговыхъ цѣлей приказчиковъ и съ условіемъ платы по истеченіи срока. Такъ, крѣпостной крестьянинъ Остафійко Бадековъ отдаетъ тяглецу Казенной слободы Никитѣ Григорьеву своего сына Дмитрія въ наемъ на пять лѣтъ. Наемникъ обязанъ слушать самого хозяина и членовъ его семьи, работать, «сидѣть въ лавкѣ за его хозяйскимъ товаромъ въ ветошномъ ряду и во всемъ въ промыслу, въ торговлѣ радѣть, прибыль чинить и отчетъ давать во всемъ вправду, безъ утайки», разумѣется, не бражничать, не воровать. Срокъ найма опредѣляется пятилѣтній при очень низкой оплатѣ труда—по 20 алтынъ въ годъ. Размѣръ оплаты труда въ данномъ случаѣ настолько незначителенъ, что почти можетъ быть признанъ фиктивнымъ. Можетъ быть, это происходило и потому, что приказчикъ предполагалъ имѣть участіе въ прибыляхъ хозяина. Дѣйствительно, иногда заключались и такія жилыя записи, которыя оплату труда приказчика опредѣляли извѣстною долею прибыли. Такъ, тяглецъ Казенной слободы Семенъ Лаптевъ далъ на себя жилую запись тягляцу той же слободы Петру Звѣренку съ обязательствомъ служить въ теченіе года. Общій характеръ записи тотъ же, что и предыдущей, но имѣются указанія на ту работу, которую долженъ нести приказчикъ: «за сво товаромъ въ солодяномъ ряду сидѣть, прибыли искать и ничего не таить»; приказчикъ получаетъ третью долю изъ прибыли, а хозяинъ двѣ доли, при чемъ содержаніе приказчика относится за счетъ торговаго предпріятія.

Этотъ договоръ подводитъ насъ къ весьма распространенному въ посадахъ институту закладничества или захребетничества. Закладниками назывались тѣ, которые закладывались, задавались за какого-нибудь сильнаго

Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ.

Женскій костюмъ конца XVII в.

Москва
и ея
прошломъ
и
настоящемъ

человѣка, или же это были не самостоятельные хозяева, работавшіе капиталомъ своего патрона. Положеніе такихъ закладчиковъ на посадѣ было довольно льготное, такъ какъ они не несли посадскаго тягла въ полной мѣрѣ: «съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, а живутъ всегда во льготѣ». Такіе закладчики назывались чьими-либо людьми, были въ ихъ присудѣ и пользовались ихъ защитой, не подлежа такимъ образомъ суду общихъ властей. Въ актахъ, имѣющихъ юридическое значеніе, эта категорія посадскаго населенія обыкновенно называется закладчиками, но въ актахъ, имѣющихъ фискальный характеръ, или въ актахъ, рисующихъ бытовыя соотношенія, мы обычно встрѣчаемъ терминъ захребетниковъ и полагаемъ, что оба явленія идентичны и что въ данномъ случаѣ встрѣчаемъ различныя обозначенія одного и того же явленія.

Захребетничество было состояніемъ, при которомъ не порывались связи захребетника съ тѣмъ лицомъ, которому онъ принадлежалъ, или съ той посадской или сельской общиной, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію: «дворъ (говоритъ одинъ документъ) торговаго человѣка Ондрушки Ошурка старъ и увѣченъ, у него живутъ въ захребетникахъ Онашка Ивановъ, да Бориско Микитинъ, а сказалось, что Онашка Троицкой слободы, а Бориско патріаршъ крестьяне». Оттого среди захребетниковъ мы встрѣчаемъ какъ лицъ, принадлежавшихъ разнымъ крупнымъ вотчинникамъ, монастырямъ, церквамъ и т. д., т. е. ихъ крестьянъ и холопей, даже государевыхъ крестьянъ, такъ и иногородныхъ посадскихъ людей: всѣ они жили за хребтомъ какого-нибудь московскаго посадскаго человѣка, боярина или другого владѣльца, имѣвшаго торговый и промышленный интересъ въ Москвѣ. Документы о сборѣ пятинной деньги 1634 г., когда налагалась пятина и на захребетниковъ, выясняютъ сложную зависимость захребетниковъ отъ различныхъ лицъ. Такъ, въ Голутвенной слободѣ на церковной землѣ оказался рядъ домовъ захребетниковъ, не записанныхъ въ тягло. Особенно много захребетниковъ принадлежало боярину Ивану Никитичу Романову, боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому, князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и другимъ боярамъ, ведшимъ въ Москвѣ крупныя торговыя дѣла. Большинство захребетниковъ пришло для торговъ и промысловъ въ Москву и потому обычно жило въ сосѣдяхъ у кого-нибудь изъ посадскихъ людей: «у Никольскаго попа у Ивана живетъ муромецъ посадскій человѣкъ, Тренька Ондреевъ», «у Ивана Савельева сапожника живутъ боярина Ивана Никитича Романова крестьяне Васька извощикъ да Гришка плотникъ». Среди захребетниковъ встрѣчаемъ и родственниковъ, даже братьевъ своихъ патроновъ: напр., захребетникъ Ивашко Ошитковъ живетъ у зятя своего въ Хамовной слободѣ у Офоньки Ошиткова. Весьма любопытно, что въ числѣ захребетниковъ мы не только встрѣчаемъ владѣльческихъ крестьянъ, но и боярскихъ добровольныхъ холопей, боярскихъ послужильцевъ, которые, оставаясь добровольными холопами своего господина, въ то же время находятся въ захребетничествѣ у другого боярина: у подъячаго Якова Дурова живутъ, по переписи Москвы 1636 года, двое служекъ боярина Бориса Ивановича Морозова. Такимъ образомъ

захребетники сохраняли двойную зависимость, зависѣли отъ двухъ владѣльцевъ. Надо однако помнить, что захребетничество имѣетъ временный характеръ зависимости, тогда какъ крестьянство или холопство имѣютъ характеръ постоянной зависимости. Такъ какъ захребетники избѣгали тягла съ посадскими людьми и были облагаемы государственными податями только въ экстраординарныхъ случаяхъ, то московское правительство принимало рядъ мѣръ, чтобы прикрѣпить захребетниковъ къ посадамъ. Такими мѣрами были извѣстныя постановленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича и послѣдующихъ законодательныхъ актовъ. Окончательное исчезновеніе этого института относится уже къ Петровской эпохѣ.

Къ указаннымъ особенностямъ московской торговли надо добавить еще одну. Уже изъ предшествующаго изложенія было видно, что въ московскій періодъ далеко не выработался особый классъ торговыхъ людей въ собственномъ смыслѣ слова, не было строгаго раздѣленія занятій между селомъ, городомъ и военною и церковною службою, чѣмъ отличался, напримѣръ, соціально-экономическій строй Западной Европы. Особенностью московской торговли надо считать то, что ею занимались всѣ, начиная отъ царя и большихъ его бояръ и кончая низами общества. Иностранцы удивлялись любви москвичей къ торговой дѣятельности: по мелочамъ, но всякій стремился принять участіе въ торгѣ. Всѣ жители Московіи, замѣчаетъ такой внимательный наблюдатель, какъ Кильбургеръ, начиная отъ знатнѣйшихъ до послѣднихъ, любятъ торговлю, отчего въ Москвѣ болѣе лавокъ, нежели въ Амстердамѣ, или даже въ цѣломъ иномъ государствѣ; правда, замѣчаетъ тотъ же наблюдатель, эти лавки малы и скудны, изъ одной амстердамской лавки выйдетъ 10 и болѣе московскихъ, но все это доказываетъ лишь то, что русскіе любятъ торговлю. Неудивительно поэтому, что и московскій рынокъ далеко не находился въ полномъ обладаніи московскаго посадскаго населенія въ собственномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, трудно учесть точныя данныя объ участіи непосадскаго населенія въ московской торговлѣ въ разные періоды, но достаточно помнить, что, напр., сборъ пятинной деньги 1634 г. насчитывалъ много патріаршихъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ торга или ремеслъ; въ записяхъ той же пятины мелькаетъ цѣлый рядъ захребетниковъ, принадлежавшихъ крупнымъ боярамъ. Уложенная реформа, отписавшая московскому посаду много дворовъ частновладѣльческихъ людей, жившихъ въ черныхъ сотняхъ и слободахъ или на частновладѣльческихъ земляхъ, была лишь палліативной мѣрой въ этомъ направленіи, потому что и во 2-й половинѣ XVII стол. продолжаются неустанныя жалобы посадскихъ тяглецовъ на конкуренцію частновладѣльческихъ людей, повтореніе указовъ о приписке къ посадскому тяглу торгующихъ непосадскихъ элементовъ, пока, наконецъ, правительство царя Алексѣя Михайловича не разрѣшило этой проблемы, допустивъ торгъ и занятія ремеслами въ Москвѣ всѣмъ непосадскимъ элементамъ съ тѣмъ, однако, чтобы они несли полностью посадское тягло, не приписываясь навсегда къ московскому посаду. Несмотря на то, что къ началу XVIII стол. совершается процессъ дифференціаціи посадскаго класса, все же участіе различныхъ элементовъ въ

московской торговлѣ было значительно и на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ. Въ этомъ отношеніи даетъ очень цѣнныя указанія перепись московскихъ лавокъ и другихъ мѣстъ торговли 1701 года. По этой переписи изъ общаго числа торговыхъ помѣщеній 51,98% мѣстъ торговли какъ лавочной, такъ и мелочной принадлежало собственно посадскимъ элементамъ, т. е. гостямъ, торговымъ людямъ гостиной и суконной сотни, тяглецамъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и московскимъ ремесленникамъ; 16,07% всѣхъ торговыхъ мѣстъ принадлежало мелкимъ военно-служилымъ людямъ, т. е. стрѣльцамъ и пушкарямъ; 2,74% принадлежало дѣтямъ боярскимъ, 21%—церковно служителямъ; монастырскимъ и вообще церковнымъ крестьянамъ принадлежало 2,40%, а частновладѣльческимъ крестьянамъ 1,38%. Затѣмъ, въ торгѣ принимали участіе государевы дворцовые слуги и разные другіе мелкіе непосадскіе элементы. Далѣе 18,73% всѣхъ мѣстъ торга принадлежитъ лицамъ, соціальное положеніе которыхъ не опредѣлено переписью. Такимъ образомъ, довольно значительный % мѣстъ торговли не поддается точному учету, но, повидимому, тѣ владѣльцы лавокъ, относительно которыхъ опись не говоритъ, къ какому разряду населенія они принадлежали, должны быть зачислены въ составъ непосадскихъ, иногородныхъ элементовъ. Такое предположеніе съ большой вѣроятностью подтверждается тѣмъ, что опись наибольшею опредѣленностью отличается въ своихъ указаніяхъ на принадлежность владѣльцевъ лавокъ къ московскимъ сотнямъ и слободамъ, каковая тенденція этого документа вполнѣ понятна въ виду его фискальныхъ цѣлей, и наименьшею опредѣленностью отличается въ регистраціи непосадскихъ элементовъ. Какъ бы то ни было, но приведенныя выше соображенія еще разъ подтверждаютъ указанный выше фактъ значительнаго участія въ московской торговлѣ пришлаго населенія и вообще населенія, не принадлежавшаго по своему соціальному положенію къ московскому торгово-промышленному посадскому обществу.

Впрочемъ, надо замѣтить, что въ московскомъ торгѣ лишь въ количественномъ отношеніи замѣчается извѣстнаго рода нашлывъ непосадскихъ элементовъ, качественная же сторона торговли, т. е. размѣры ея, всегда составляла преимущество московскихъ торговыхъ людей. Это подтверждается и описаніемъ 1701 года. Въ самомъ дѣлѣ, если мы разсмотримъ наши данныя по различнымъ видамъ торговыхъ помѣщеній, то доминирующая роль посадскихъ элементовъ въ этой торговлѣ будетъ совершено ясна. Такъ, посадскіе тяглецы владѣютъ 55,4% всѣхъ торговыхъ помѣщеній крупнаго размѣра и только 45,8% мѣстъ мелочной торговли. Эти соотношенія могутъ быть подтверждены еще болѣе убѣдительными данными. Оказывается, что мѣста торговли оптовой и вообще наиболѣе крупной находятся преимущественно въ рукахъ посадскихъ: изъ 36 погребовъ имъ принадлежитъ 28, изъ 26 амбаровъ — 16, изъ 97 лѣсныхъ становъ—60, изъ 40 мясныхъ лавокъ и боенъ (при весьма значительной конкуренціи казны)—24.

Но мы уже хорошо знаемъ, что московскіе купцы далеко не въ одной Москвѣ вели свои торговыя операціи, и, слѣдовательно, размѣръ

ихъ участія въ торговлѣ собственно города Москвы далеко не характеризуетъ размѣра торговыхъ оборотовъ московскихъ капиталистовъ. Къ сожалѣнію, пока нѣтъ возможности охарактеризовать размѣры тѣхъ капиталовъ, которыми обладало московское купечество. Котошихинъ сообщаетъ, что московскіе гости обычно обладали капиталомъ въ 20—100 т. руб., но это сообщеніе, разумѣется, не имѣетъ характера сколько-нибудь достовѣрнаго показателя. Трудно также опредѣлить и способы нарастанія капитала. Петровская эпоха показала, что большое количество торговавшихъ и занимавшихся промыслами оказалось, повидимому, обратно пропорціонально размѣрамъ владѣемаго капитала, такъ какъ петровскія компаніи складывались съ большимъ трудомъ и далеко не всегда находили капиталистовъ въ средѣ именно торгово-промышленнаго класса. Но если мы затрудняемся опредѣлить размѣры роста торговаго капитала, то зато, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить того, что московскіе капиталисты обогащались не только одной торговлей, но и другими способами. Московскіе торговые люди, особенно высшіе служилые разряды ихъ, наряду съ торговлей, несли и тяжелую государеву службу въ финансовомъ вѣдомствѣ. Эта служба отнимала время, она иногда была дѣломъ рискованнымъ, такъ какъ могла повлечь къ разоренію и ударамъ батогами. Но изворотливость выборнаго финансоваго чиновника нерѣдко приносила ему и возможность быстраго обогащенія.

Наряду съ откупной системой въ управленіи акцизными и таможенными сборами, московское правительство практиковало и управленіе этими доходными статьями, при чемъ для завѣдыванія ими — разумѣется, болѣе крупными статьями — посылались московскіе гости и сотенные тяглецы. Эта финансовая служба отрывала ихъ отъ коммерческаго дѣла, но безспорно она имѣла вліяніе и на развитіе коммерческихъ предпріятій, потому что помогала завязывать торговыя сношенія во время отправленія службы. Такъ, въ силу самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, складывалась для московскаго купца возможность увеличивать своей капиталъ. Въ настоящее время трудно опредѣлить размѣры московскаго капитализма; можно съ несомнѣнностью только утверждать, что въ теченіе всего XVII вѣка наблюдается нарастаніе его. Но надо имѣть въ виду, что кромѣ нарастанія капитала, какъ слѣдствія торговли и промышленности, былъ еще одинъ источникъ его, требующій къ себѣ большого вниманія. Если государева финансовая служба могла способствовать естественному способу нарастанія капитала, то въ не меньшей мѣрѣ участіе въ царской торговлѣ, въ сборѣ налоговъ, взиманіе таможенныхъ и кабацкихъ денегъ открывали широкую возможность злоупотребленій и наживы. Безспорно, въ исторіи развитія русскаго капитализма этотъ источникъ обогащенія долженъ занять видное мѣсто. Для того, чтобы показать, насколько серьезное значеніе онъ имѣлъ въ дѣлѣ накопленія капиталовъ въ рукахъ московскихъ гостей, мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ архивныхъ дѣлъ, относящійся приблизительно къ 1620—22 гг.

Говоритъ онъ о двухъ способахъ зарожденія капитала, прилагаемаго затѣмъ къ торговлѣ и промышленности: о воровствѣ изъ казны въ мир-

Торелли.

Костюмъ средины XVIII вѣка.

Москва въ прошломъ и настоящемъ

ное время и о грабежѣ казны во время гражданской войны. Въ первомъ дѣлѣ*) московскій купецъ Никифоръ Богдановичъ Порывкинъ обвиняетъ въ хищеніяхъ обоего порядка 16 человѣкъ московскихъ гостей и торговыхъ людей. Проникнутая сарказмомъ его челобитная—доносъ и «роспись» тѣхъ, «кои государеву казну збирали вправду по... кресному целованью», указываетъ, что «воры-мужики» грабили преимущественно Денежный Дворъ. Воровство шло на крупныя суммы, особенно по тогдашнему времени. Самое крупное мирное воровство (до 20000 р., или по покупной способности около 280000 рублей 1882 года) принадлежитъ «дядюшкѣ» обвинителя, гостю Андрею Котову. Другіе воровали по 10, по 6, 5 и менѣе тысячъ, вѣроятно, по способностямъ и по должности. Состоянія созидались съ быстротой поражающей. Напримѣръ, Мишка Строгальникъ занимался въ Москвѣ тѣмъ, что мочилъ сукна по 4 деньги за портище, а послѣ того какъ посидѣлъ на Денежномъ Дворѣ въ товарищахъ Андрея Котова, у него въ одинъ годъ «въ торгу появилася тысеч з десет съ государева з Денежнова Двора». У братьевъ Ларевоновыхъ суконной сотни послѣ Смуты «не было 50 рублев», а послѣ того какъ оба посидѣли по году, у нихъ оказалось до 20.000 р. Никифоръ Богдановичъ рекомендуетъ допросить ихъ: «гдѣ они живот в два годы на Денежном Дворе приторговали». Дмитрей Облезовъ такимъ же путемъ въ годъ пріобрѣлъ «тысеч с десеть и больше... осударевой казны краденой», да жену одѣлъ въ дорогіе перстни «с яхонты и алмазы»; а раньше думалъ уходить на Донъ въ казаки. Вообще, 10.000 (140.000 въ рубляхъ 1882 г.) были, повидимому, нормальнымъ заработкомъ собиравшихъ «вправду... по кресному целованью» цѣловальниковъ Денежнаго Двора и иныхъ доходныхъ мѣстъ. Ивашка Горбовъ на 100 р.—«у крупы приторговалъ» 10000 р. (онъ торговалъ въ Нижнемъ крупой), гость Томило Тараканов «попраздновалъ въ таможенныхъ головахъ» въ Казани полтора года, бралъ тамъ взятки и нажилъ за это время 10000 р.; Ив. Ѳед. Максимовъ воровалъ въ Архангельской таможнѣ и притомъ столь откровенно, что Двинскіе цѣловальники «ево велели хватать», затѣмъ вынули у своего головы «ис портокъ» 100 р. и положили ихъ «опять въ государеву въ казну»,—исторія, на погашеніе которой пришлось Максимову этимъ цѣловальникамъ выложить 300—400 руб. Сидѣльщикъ, т. е. приказчикъ, автора челобитья, Ротка Титовъ, также попалъ на Денежный Дворъ, хотя, конечно, не головой. Раньше «а не было у Ротки ни деньги», чуть не съ удивленіемъ объясняетъ Порывкинъ,—годъ спустя оказалось 2000 р. (ок. 28.000 р.). По мнѣнію Порывкина, у Ротки необходимо допытаться, большой ли на Денежномъ Дворѣ денежный колодезь, откуда онъ, очевидно, начерпалъ свои капиталы. И это все картинки, ежегодно повторяющіяся вмѣстѣ съ ежегодной замѣной цѣлующихъ крестъ хранить и собирать государеву казну, которая, по ироническому замѣчанію Порывкина, ни на огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ.

Самую крупную сумму подозрительнаго происхожденія авторъ нахо-

*) Изложеніе этого архивнаго дѣла доставлено намъ П. П. Смирновымъ.

дитъ у Третьяка и Смирнова Судовщиковыхъ. До «разоренья» у Судовщиковыхъ было 1000 р. долгу, а послѣ московскаго разоренья 40.000 р. капиталу (560.000 р. на р. 1882 г.). Гость Смирной Судовщиковъ—видное лицо: онъ отъ Калуги подписывалъ грамату объ избраніи царя Михаила. Генезисъ его богатства нѣсколько иной, чѣмъ у предыдущихъ лицъ, если вѣрить прозрачнымъ намекамъ Порывкина. Повидимому, калужскій депутатъ скупалъ за безцѣнокъ и бралъ въ закладъ коронныя и частныя драгоцѣнности, разграбленныя въ смутную эпоху. Къ Судовщикову попали золотые ковшъ и чарка царя Василія Шуйскаго, и были заложены имъ отцу Порывкина за 100 р. (вѣсомъ 3 ф. 2 золотника), и золотая чеканная братина «съ яхонты, ноудачю въ ней нетъ ли и олмазовъ», о которой авторъ замѣчаетъ: «не наша статья мужичья», и, вѣроятно, многое другое. Такого же происхожденія («такие же рухляди», опредѣляетъ Порывкинъ происхожденіе братины), очевидно, перстень съ яхонты и бирюзами и золото у Оксена Коробейникова, который и «самъ гроша не стоитъ», и перстни у жены Облезова. Какъ же попала эта «рухлядь» въ руки грабителей и скупщиковъ награбленнаго? На это отвѣчаетъ отчасти показаніе Порывкина, отчасти дѣло о Пятунькѣ Ондроновѣ. Пятунька—двоюродный братъ и слуга знаменитаго кожевника Ѳеодора Андронова, котораго Сапѣга еще въ 1609 году называетъ однимъ изъ думныхъ бояръ Тушинскаго царька. Пятунька, впрочемъ, по его словамъ, еще «прі Ростриге» отошелъ отъ Ѳеодора (онъ торговалъ его товаромъ на Погорѣломъ Городищѣ) и жилъ въ Москвѣ у другихъ родственниковъ своихъ и Ѳеодора, Болотниковыхъ (у Василія, за которымъ была замужемъ сестра Ѳеодора, Офимья, и у Юрья). Пятунька, отчасти на ихъ деньги, торговалъ въ Москвѣ серебрянымъ ломомъ. Когда Москва была занята Жолкѣвскимъ, Пятуньку чуть не убили, по его словамъ, на дворѣ Болотникова. Онъ спряталъ свое серебро (на 600 р.) въ коробочкѣ на ледникѣ, а самъ побѣжалъ къ Ѳеодору Ондронову. Вѣроятно, послѣдній принялъ его не такъ сурово, какъ хочетъ изобразить Пятунька: по крайней мѣрѣ, дьякъ Степанъ Соловецкій далъ Пятунькѣ пристава, доставшаго ему коробочку, а потомъ и самъ Пятунька, оказывается, служитъ у Ѳеодора: стряпаетъ на погребѣ у питья. И Ѳедька Ондроновъ и названный Степанъ Соловецкій (да и допрашивающій Пятуньку дьякъ Иванъ Грамотинъ)—видные тушинцы и затѣмъ правители Москвой: они постоянно ходили съ Гонсѣвскимъ и сидѣли съ нимъ рядомъ въ Боярской Думѣ. Роли были распредѣлены еще подъ Смоленскомъ (депутація Салтыкова): торговые мужики, Ондроновъ оказался казначеемъ, а Соловецкій—дьякомъ Новгородской Чети. На Ондронова была «вѣра положена» самимъ Сигизмундомъ: еще въ августѣ 1610 г. онъ ѣздилъ «въ Литву» (о чемъ упоминаетъ Пятунька), и привезъ отъ короля Жолкѣвскому приказъ приводить москвичей не на имя Владислава, а на свое королевское. Потомъ началась осада Москвы ополченіями поволжскихъ посадовъ; городъ голодалъ; Пятунька сталъ промышлять, какъ бы ему изъ Москвы уйти. До этихъ поръ, по его словамъ, онъ лежалъ въ Чудовомъ монастырѣ больной отъ побоевъ брата и пролежалъ та-

кимъ образомъ 25 недѣль. Изъ города онъ ушелъ тайкомъ отъ брата и не вынесъ съ собой никакого живота, — это, конечно, вѣрно, такъ какъ все равно отняли бы. Пятунька явился въ Разрядъ «на трубѣ» ополченья и казаковъ, затѣмъ сидѣлъ за приставомъ и былъ выпущенъ за порукой (конечно, фиктивной) князя Д. М. Пожарскаго. Ѳеодоръ Ондроновъ, когда стала очевидной невозможность отстоять голодавшій городъ (Китай-городъ взятъ штурмомъ 22 октября 1612 года, а Кремль сдался 26 октября), вѣроятно, раздавалъ «государевы казны, каменья і жемчюговъ і иныхъ узорочей сестрамъ, родственникамъ и др. лицамъ» (такъ думаютъ допрашивающіе Пятуньку). Сокровища прятались до поры до времени и затѣмъ объявлялись (не въ одинъ изъ такихъ ли моментовъ Ив. Ив. Синей закопалъ 1000 р. подъ гробомъ тетушки Порывкина, Марьи Гавриловны Сверчковой, а затѣмъ «мертвою кость ворошилъ», доставая ихъ?). У сестры Ѳеодора Ондронова оказались цѣнныя вещи; она ихъ прятала у пояса. У Пятуньки тоже оказались серьги съ жемчугомъ, кольца, запонки и жемчужныя зерна, обложенная золотомъ рѣзаная на камнѣ панагія,— вещи, уже своимъ составомъ указывающія на темное происхожденіе. Яхонты лазоревы Пятунька продалъ за 70 р., одни серьги положилъ у Порывкина (Михайла). Трудно утверждать, получилъ ли Пятунька драгоцѣнности отъ сестры Ѳеодора Ондронова, Ѳеимьи, которую въ Осташковѣ, по его словамъ, обокрали, или ему удалось самому припрятать ихъ, но результатъ одинъ: перстни съ алмазами цѣною по 600 р. шли подъ сурдинку по 3—4 р. (Олешка Маскинъ), царскіе животы оказывались и въ Нижнемъ и въ Калугѣ и еще Богъ знаетъ гдѣ; ихъ скупали и брали въ закладъ, и гости и торговые люди богатѣли. Бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ и дьякъ Иванъ Грамотинъ (тушинецъ самъ) посадили Пятуньку за пристава, т. е. отдали для заключенія недѣльщику Новгородской Четверти Богдану Тайдакову, а 3-го сентября 1622 года онъ отданъ для держанія Якову Студенцову. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна, равно какъ и царской рухляди. О Ѳеодорѣ Ондроновѣ, о неудачномъ бѣгствѣ его изъ-подъ стражи сохранились дѣла, встрѣчаются его собственноручныя записки. Близкихъ къ нему людей (у Ѳеодора были обширныя связи) правительство связало поруками московскихъ купцовъ, обязуя ихъ не сноситься съ Литвой, Крымомъ и особенно съ Ѳедькой Ондроновымъ.

«Московское разоренье» во всякомъ случаѣ не прошло безслѣдно: дворянству достались земли (не были утверждены собственно только жалованныя граматы Тушинскаго вора), а разоренному кризисомъ западной торговли посадскому люду—царская и иная разграбленная рухлядь.

Если Москва была центромъ торговли всего государства, то московскій Китай-городъ былъ центромъ торговой жизни самой Москвы, какъ и въ настоящее время. Впрочемъ, повидимому, еще во 2-й половинѣ XVI вѣка, а, слѣдовательно, и ранѣе, торговля производилась въ самомъ Кремлѣ. Еще англичанинъ Дженкинсонъ говоритъ о томъ, что главный торгъ разными вещами находится въ Кремлѣ, хотя уже въ его время были отдѣльные рынки и ряды для различныхъ товаровъ. Вообще иностранцевъ очень поражали торговое оживленіе московскаго рынка и его порядки.

Бывшій въ самомъ концѣ XVI вѣка въ Москвѣ венгерецъ Николай Варкочъ считаетъ Китай-городъ и его торговую площадь значительной: «тутъ славная площадь и большая торговля, до ста съ лишкомъ лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ можно получать различные товары». Такъ онъ характеризуетъ наиболѣе бойкое мѣсто въ Китай-городѣ, именно Красную площадь. Петръ Петрей, видѣвшій Москву въ неблагопріятный моментъ (1608 годъ), разсказываетъ, что главный московскій рынокъ былъ около Гостинаго двора въ Китай-городѣ; это вѣрно, потому что здѣсь производилась наиболѣе значительная торговля. Далѣе, тотъ же иностранецъ отмѣчаетъ, что въ каждомъ ряду встрѣчаются особенные товары. На одной улицѣ можно покупать разныя пряности, благовонія; на другой—разное сукно и полотно всякихъ цвѣтовъ и красокъ, какія только можно назвать, на третьей—разнаго рода бархатъ, камку, атласъ и шелкъ; на четвертой—серебряныя и золотыя вещи; на пятой—жемчугъ, драгоцѣнныя вещи и разныя украшенія, золотыя и серебряныя; на шестой—кресты и образа; на седьмой—узорчатые шитые шелками сапоги и башмаки; на осьмой—драгоцѣнныя ткани, тесьму, рубашки, вышитыя золотомъ, серебромъ и шелкомъ, какъ женскія, такъ и мужскія; на девятой—сабли, ружья, порохъ и дробь; на десятой—сѣдла, узды и всякую сбрую; на одиннадцатой—разное готовое платье суконное, полотняное и шелковое; на двѣнадцатой различные съѣстные припасы, начиная съ рыбы и мяса и пр. Множество мелкихъ лавокъ и народу, толпившагося среди рядовъ и на площади, производило на иностранцевъ сильное впечатлѣніе. Полякъ Маскѣвичъ, бывшій въ Москвѣ около того же времени (1611 г.), самъ пріѣхавшій изъ страны съ мало развитой торговлей, такъ былъ пораженъ торговымъ оживленіемъ Китай-города, что передаетъ о немъ самыя невѣроятныя свѣдѣнія: «трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ; ихъ считается до 40.000; такой вездѣ порядокъ: для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особый рядъ лавокъ, даже цырульники бреютъ въ своемъ ряду». Такой же характеръ рыночная площадь Китай-города имѣла въ концѣ XVII вѣка. Олеарій считаетъ это очень удобнымъ: каждый, благодаря ему, знаетъ, куда ему пойти, гдѣ ему получить тотъ или другой товаръ. То же подтверждаетъ и Кильбургеръ. Въ Китай-городѣ, говоритъ онъ, преобладаютъ каменныя лавки; изъ нихъ иныя принадлежатъ царю, а большая часть всякимъ лицамъ. По различнымъ мѣстамъ днемъ и ночью стоитъ стража, налита въ бочки вода на случай пожаровъ, которые въ Москвѣ чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Самое замѣчательное и главное въ Москвѣ—то, что всякій сортъ товаровъ, отъ низшихъ до высшихъ, имѣетъ свою улицу и рынокъ. Торговцы шелкомъ имѣютъ свой, пряностями—свой, паяльщики и колокольники, мѣховщики, сапожники, шорники, русскіе аптекари, косметики, продавцы чесноку и т. д.—свой. Даже старьемъ и лоскутьями торгуютъ на базарѣ передъ замкомъ неизмѣнно въ опредѣленномъ мѣстѣ, почему и не стоитъ никакого труда найти нужный товаръ.

Въ концѣ XVII вѣка Китай-городъ уже мало имѣлъ въ своихъ стѣнахъ жилыхъ домовъ и весь состоялъ изъ лавокъ.

Торговое оживленіе начиналось сейчасъ за воротами Кремля на Красной площади.

Это была наибольшая и лучшая въ городѣ площадь, которая весь день была полна торговцами, мужчинами и женщинами, рабочими и праздношатающимися. Вблизи Лобнаго мѣста, у Василія Блаженнаго, стояли обыкновенно женщины и торговали холстами, а иныя стояли, держа во рту кольца, чаще всего съ бирюзою, и предлагали ихъ для продажи. «Какъ я слышалъ», прибавляетъ въ своемъ описаніи Олеарій, «одновременно съ этой торговлей онѣ предлагаютъ покупателямъ еще кое-что иное».

Эта пестрая толпа очень привлекала иностранцевъ своимъ своеобразнымъ колоритомъ. «Любо въ особенности посмотрѣть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянокъ: нанесутъ ли онѣ полотна, питокъ, рубахъ или колецъ на продажу, столпятся ли такъ позѣвать отъ нечего дѣлать, онѣ поднимаютъ такіе крики, что новичокъ, пожалуй, подумаетъ, не горитъ ли городъ, не случилось ли внезапно большой бѣды. Онѣ отличаются яркой пестротой одежды, но ихъ вотъ за что нельзя похвалить: весьма многія и по преимуществу пожилыя, съ лѣтами утратившія прелесть красоты, имѣютъ обыкновеніе бѣлиться и румяниться—примѣсью безобразія поддѣлывать красоту и юность».

Со 2-й четверти XVII вѣка здѣсь же былъ установленъ бѣлильный рядъ на мѣстѣ прежняго сапожнаго краснаго ряда. Этотъ рядъ былъ пониже Тіунской избы, очевидно, на спускѣ горы. Здѣсь торговали женщины бѣлилами и румянами, «приносомъ, въ коробьяхъ, накрывся въ шалашахъ», т. е. въ небольшихъ переносныхъ шалашахъ; лавки имъ здѣсь возбранялось ставить. Каждой торговкѣ подъ шалашъ отводилось пространство въ $^1/_2$ сажени. «Для церковной чистоты» церковь Покрова Богородицы была огорожена особыми надолбами. Торговкамъ строго возбранялось переходить за надолбы и подходить близко къ Тіунской избѣ. Тутъ же у Спасскаго крестца стояла Тіунская изба, къ которой собирались безмѣстные попы и предлагали свой трудъ—служить молебны и обѣдни. Это была тоже шумная толпа. Безмѣстные попы и дьяконы чинили всякое безчинство: «межъ себя бранятся и укоризны чинятъ скаредныя и смѣхотворныя, а иные межъ себя играютъ и борются и въ кулачки бьются; а которые наймутся обѣдню служити, и они съ своею братьею, не простясь, божественну литургію служатъ». Патріаршія предписанія тщетно боролись съ этой «торговлею Литургіею». Тутъ же на крестцѣ толпились и книжники, продававшіе свои книги. Это вполнѣ естественно, такъ какъ попы были люди грамотные: однимъ изъ нихъ нужны были книги, а другіе приносили ихъ для продажи. Это и есть тотъ книжный рядъ, о которомъ упоминается еще въ концѣ XVI вѣка.

Къ концу XVII столѣтія здѣсь же, кромѣ книгъ, продавались еще и «листки деревянной печати» (гравюры). Вообще тутъ бродило множество всякаго люда, одни по дѣлу, другіе безъ всякаго дѣла. Крестьяне приходили изъ селъ на Спасскій мостъ «для найму на работы съ Красныя площади». Какъ теперь на Хитровомъ рынкѣ, толкались продавцы разныхъ мелочей: такъ, можно было встрѣтить гребенщиковъ, изъ кото-

рыхъ у многихъ весь товаръ состоялъ изъ «двухъ гребней слоновыхъ по цѣнѣ оба 5 алтынъ да рогового гребня грошеваго да трехъ перстней со ставками, перстень по алтыну да по 2 гроша». Въ такой толпѣ хорошо себя чувствовали карманные воры, которыхъ здѣсь сновало немалое число. Они начинали свою работу, когда особенно скоплялся народъ на Красной площади. Это наиболѣе удобно было въ дни крестныхъ ходовъ, когда ряды запирались, и вся богомольная Москва покрывала Красную площадь. Сюда же приходили, чтобы опознать свои вещи, тѣ, у кого совершена была кража, потому что воры сбывали на Красной площади краденыя вещи. Хозяинъ обычно имался за свою опознанную вещь и тащилъ продавшаго ее человѣка на Съѣзжій дворъ. Разумѣется, продавецъ украденой вещи всячески пытался ускользнуть отъ появленія на Съѣзжемъ дворѣ, вслѣдствіе чего площадь оглашалась криками преслѣдовавшихъ, и нерѣдко между воромъ и хозяиномъ опознанной вещи происходила борьба.

Таковъ былъ центръ Красной площади и ея Спасскій мостъ, ведшій къ Спасскимъ воротамъ въ Кремлѣ. Тѣснота, происходившая отъ скопленія народа и отъ множества мелкихъ лавчонокъ и шалашей, побудила уже Петра Великаго окончательно предписать «съ Красной площади всякое лавочное строеніе сломать, а торговать всякими товары въ тѣхъ рядѣхъ, въ которыхъ которыми товары торговать указано».

Съ другой стороны площади противъ Казанскаго Собора и земскаго Приказа до 80-хъ годовъ XVII вѣка стоялъ деревянный шатеръ, на столбахъ въ которомъ находились двѣ большія пушки; здѣсь же находился на площади деревянный амбаръ, въ которомъ торговали квасомъ, сапогами и всякимъ ветошнымъ товаромъ. Въ 80-хъ годахъ того же столѣтія торговый человѣкъ Дмитрій Даниловъ выпросилъ у государя разрѣшеніе устроить подъ пушками раскатъ изъ кирпичной кладки, а подъ раскатомъ устроить погреба, лавки и палаты. Въ этихъ лавкахъ ему разрѣшено торговать уксусомъ, яблочнымъ квасомъ, краснымъ питьемъ, а въ лавкахъ или палатахъ торговать яблоками и сапогами, новыми и ветошными товарами, ножами, восковыми и сальными свѣчами, овощами и всякимъ харчемъ.

За площадью начинались торговые ряды. Это былъ цѣлый городокъ небольшихъ лавокъ. Въ XVI вѣкѣ тутъ была большая скученность, лавки были, повидимому, въ большинствѣ случаевъ деревянныя. Послѣ московскаго разоренія вмѣсто выгорѣвшихъ лавокъ построены были новыя, почти исключительно каменныя. Тогда же въ сильной мѣрѣ была измѣнена вся распланировка рядовъ «для уличнаго простору»: многіе ряды были перенесены на новыя мѣста, выправлены улицы, и даже каменные погреба уменьшены, если они выдавались на улицу. По государеву указу каждый торговецъ долженъ былъ платить за камень и кирпичъ, хотя бы постройка возводились на его вотчинномъ мѣстѣ. Вся эта работа была закончена въ 1626 г., и Китай-городъ принялъ видъ, почти не измѣнявшійся до конца XVII столѣтія.

Тогда же былъ сдѣланъ рядъ распоряженій относительно порядка торговли.

Торговыя помѣщенія по своимъ размѣрамъ дѣлились на лавки, полулавки и четверть-лавки. Со временъ царя Ѳеодора Ивановича размѣръ

лавки равнялся 2 саж. въ ширину и $2^1/_2$ саж. въ глубину. Такимъ образомъ это были очень небольшія помѣщенія. Лавки эти были съ крѣпкими сводами и маленькими окошками, затворяющимися желѣзными ставнями, почему и были мало доступны для огня. Кромѣ того, лавки имѣли подвалы, гдѣ торговцы прятали свои товары.

Ряды такихъ небольшихъ лавокъ тянулись отъ площади противъ Кремля къ стѣнѣ Китай-города. Иногда каждый рядъ имѣлъ свои торговые обычаи. Такъ, противъ Никольскихъ воротъ шелъ иконный рядъ. Это была большая улица, сравнительно съ другими, по которой проѣзжалъ царь, куда бы онъ ни отправлялся. Здѣсь сидѣли продавцы иконъ и живописцы. Интересно, что москвичи не называли торгъ иконами куплей и продажей, а «мѣною на деньги» и при этомъ долго не торговались за иконы. Для характеристики раздѣленія на ряды торговли въ Китай-городѣ приведемъ еще нѣкоторыя названія рядовъ. Такъ, были ряды: сѣдельный, саадашный, красный, сапожный; изъ рядовъ, торговавшихъ металлическими произведеніями, назовемъ скобяной, замочный, котельный, игольный, желѣзный; въ концѣ XVII вѣка появился еще новый замочный рядъ; былъ также самопальный рядъ. Нѣсколько позже упоминается еще серебряный рядъ. Обувью торговали въ сапожномъ ряду; матеріями—въ сурожскомъ ряду и суконномъ; разнаго рода пищевыми продуктами—въ очень различныхъ рядахъ. Такъ, были ряды: масляной, ветчинной, хлѣбный, калачный, овощный, рыбный свѣжій рядъ, сельдяной рядъ, орѣшный рядъ, медвяный рядъ нижній и новый, даже луковый и чесноковый рядъ, харчевой рядъ, пирожный рядъ, вандышный рядъ, построенный въ концѣ XVII вѣка въ концѣ рыбнаго просольнаго ряда (вандышъ—снятокъ). Солью торговали въ особомъ соляномъ ряду, который шелъ отъ Варварскаго крестца. Разнаго рода посудой торговали въ судовомъ ряду, въ горшечномъ ряду, который находился у Приказа Большой Приходъ. Кромѣ того, упоминаются еще ряды: бѣлильный, золяной, москотильный, пушной, собольный, впрочемъ, уже не существовавшій въ началѣ XVII вѣка, свѣчной, восковой, мыльный, щепетильный; въ концѣ XVII вѣка появляется новый мужской шапочный рядъ, стоявшій въ концѣ кафтаннаго ряда отъ Ильинскаго крестца къ серебряному ряду, деготный рядъ; ветошный рядъ находился у Ильинскаго крестца и шелъ до Никольскаго крестца. Вообще въ 80-хъ годахъ XVII в. насчитывалось въ Китай-городѣ 72 ряда.

Кромѣ лавокъ въ Китай-городѣ находились цѣлые ряды погребовъ, гдѣ торговали заморскимъ виномъ. Одинъ иностранецъ передаетъ, будто бы на площади у гостинаго двора было 200 кабаковъ, но это извѣстіе весьма преувеличено, потому что въ первой четверти XVII вѣка тутъ было выстроено всего $35^1/_2$ погребовъ. Рядъ ихъ шелъ отъ Никольскаго крестца къ Ильинскому крестцу передъ новымъ овощнымъ рядомъ, отчего и самый рядъ съ погребами обыкновенно назывался овощнымъ рядомъ. Всѣ погреба были каменные, и надъ ними находились каменныя же лавки. При устройствѣ погребовъ часто происходилъ безпорядокъ: владѣльцы выступали своими погребами на улицу, и, кромѣ того, передъ погребами были навѣсы, тоже иногда выступавшіе сверхъ мѣры, за особые камен-

ные столбы, расположенные передъ рядами именно для устройства на нихъ навѣсовъ; въ 1626 году при переустройствѣ рядовъ указано было и эти выступы привести въ порядокъ. Въ погребахъ торговали большею частью гости, торговые люди гостиной и суконной сотенъ, иногда нѣмчины. Торгъ шелъ исключительно испанскими и французскими винами. «Когда сойдешь туда», разсказываетъ Кильбургеръ, на пробу даютъ разное вино въ стаканчикахъ, а выберешь, начинаютъ торговать.... Хозяева, какъ и вообще русскіе, очень любезны. Коли надо, продадутъ съ виномъ и посуду. На закуску даютъ хлѣба, изюму, миндалю». Часть винныхъ погребовъ принадлежала царю, но большая часть—частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ погреба для болѣе состоятельныхъ служили въ то же время трактиромъ. Не удивительно поэтому, что здѣсь нерѣдко происходили ссоры и жестокія драки между подвыпившими людьми, и что московское правительство старалось регулировать торговлю въ погребахъ овощного ряда. Оно издавало крѣпкіе заказы старостамъ и десятскимъ этого ряда для наблюденія за тѣмъ, чтобы въ погребахъ не продавали водокъ и разносоловъ и всякаго краснаго питья въ стопы и въ полустопы и въ малыя стопки въ алтынныя и въ грошовыя и въ двухденежныя и чтобы питухамъ пить въ погребахъ не дозволяли, да чтобы здѣсь же не держали торговцы табаку. Въ погребахъ разрѣшалось продавать всякое красное питье въ ведерную мѣру, не менѣе четверти ведра и притомъ только на выносъ. Ослушникамъ угрожали торговая казнь и 10-рублевый штрафъ. Но, какъ мы видѣли только что изъ разсказа Кильбургера, всѣ эти указы на дѣлѣ не исполнялись.

Кромѣ лавокъ и погребовъ Китай-городъ былъ еще интересенъ своими рынками и особенно разносной торговлей. По дорогѣ отъ Посольскаго двора къ Кремлю былъ особый рынокъ, называвшійся вшивымъ рынкомъ, или вшивою биржею. Тутъ была толкучка, гдѣ продавались разныя старыя вещи; тутъ же сидѣли брадобреи въ низенькихъ лавочкахъ, крытыхъ древесною корой, и предлагали свои услуги постричь и подбрить голову. При хорошей погодѣ эта операція производилась подъ открытымъ небомъ, почему площадь вообще пріобрѣла весьма непривлекательный видъ: была устлана «волосами, такъ что по нимъ ходятъ, что по мягкой обивкѣ», разсказываетъ Олеарій. Вшивый рынокъ сливался съ лоскутнымъ рынкомъ, гдѣ нерѣдко торговали, несмотря на его названіе, очень цѣнными и хорошими вещами, такъ что онъ считался въ числѣ важнѣйшихъ. Лоскутный рынокъ выходилъ уже за Китай-городскую стѣну. Тутъ же, неподалеку отъ него, около Земскаго Приказа, былъ еще птичій рынокъ, въ нынѣшнемъ Охотномъ ряду, гдѣ торговали живой птицей,—тетеревами, косачами, рябчиками, пиголицами, соколами, перепелами, соловьями, жаворонками, щеглами, а также курами, гусями, утками.

Тутъ же въ концѣ XVII вѣка гдѣ то былъ Лѣсной рынокъ на мѣстѣ стараго Государева кружечнаго двора.

На противоположной сторонѣ, на склонѣ горы, гдѣ стоитъ Василій Блаженный, къ Москвѣ-рѣкѣ, находились рынки, гдѣ тоже шла торговля съѣстными припасами. На берегу Москвы-рѣки противъ Козьяго Болота

Гр. Дарія Чернышова.

Гр. Н. П. Чернышова.

Женскіе головные уборы и костюмы конца XVIII в. Изъ собраній Румянцевскаго музея.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

находился рыбный рынокъ. Тутъ былъ особый свѣжій рыбный рядъ между Китайской стѣной и церковью Николы Москворѣцкаго «къ Китаюгороду лицомъ». Икорные и рыбные шалаши стояли у самыхъ Москворѣцкихъ воротъ, и рыбные садки находились на Москвѣ-рѣкѣ. зимой здѣсь лежала горами замороженная рыба, привезенная на саняхъ изъ Нижняго, Ярославля, Астрахани и другихъ городовъ. Лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ вонь была до того нестершимая, что иностранецъ не могъ пройти мимо, не зажимая себѣ носъ, но русскіе, замѣчаетъ Кильбургеръ, вовсе этого не чувствовали. Вообще весь этотъ склонъ горы представлялъ собою очень бойкое мѣсто, гдѣ преимущественно шелъ торгъ съѣстными припасами. На лѣвой сторонѣ нынѣшней Москворѣцкой улицы, противъ церкви Св. Николы Москворѣцкаго, находился Мытный дворъ съ Мытной избою, гдѣ собирались пошлины съ пригоняемаго въ Москву скота и всякой живности и записывались торговыя сдѣлки на съѣстные припасы; въ лавкахъ двора складывалось мясо, тутъ же шла торговля яйцами. На всей площади даже въ концѣ XVIII вѣка была «отъ помету всякаго рода съ давняго времени накопленная нечистота, всегда производившая вонь, смрадъ, особенно лѣтомъ». Склонъ горы, спускавшійся къ Москворѣцкимъ воротамъ, былъ, кромѣ того, излюбленнымъ мѣстомъ всякихъ мастеровыхъ людей: у Лобнаго мѣста подъ горой сидѣли башмачники, у горшечнаго ряда и рыбныхъ шалашей—портные мастера, поближе къ Москворѣцкимъ воротамъ—сапожники. Торговое оживленіе перекидывалось и за Москву-рѣку: на Балчугѣ (или Балчикѣ, какъ тогда называли) сейчасъ за рѣкой продолжался мясной рынокъ, на которомъ было однѣхъ только государевыхъ лавокъ 42, и тутъ же было 6 боенъ (въ концѣ XVII столѣтія). Большое количество мясныхъ лавокъ, государевыхъ и частныхъ, было на Козьемъ Болотѣ, сейчасъ за Всесвятскимъ мостомъ. Вообще Козье Болото было очень крупнымъ мѣстомъ торговли, при чемъ едва ли не преобладающую роль здѣсь въ ней играли патріаршіе крестьяне.

Любопытной особенностью Китай-городской торговли, да и вообще московской была торговля въ шалашахъ, на скамьяхъ и вообще разносная торговля.

Разные гулящіе и не торговые люди охотно торговали на ходу, въ разносъ; къ тому же способу прибѣгали и торговцы въ случаѣ обѣднѣнія. Послѣ моровой язвы 1654 г. многіе изъ оставшихся въ живыхъ торговыхъ людей «обѣдняли и, покинувъ въ рядахъ лавки свои пусты, и изъ рядовъ вышли». На рынкѣ появились стрѣльцы, пушкари, боярскіе люди и крестьяне всякихъ чиновъ и гулящіе люди, которые стали торговать всякимъ товаромъ. Этихъ походячихъ торговцевъ правительство стремилось усадить по опредѣленнымъ мѣстамъ. Оно отводило мелкимъ торговцамъ и торговкамъ особыя мѣста и пыталось удержать на нихъ эту пеструю и шумную толпу мелкихъ торговцевъ и торговокъ. Издавали строгія предписанія о томъ, гдѣ и какъ торговать. Такъ, въ золяномъ ряду находившемся нѣсколько ниже Покровскаго собора, стояли торговцы съ золою и торговали ею «въ лукошкахъ, безъ шалашей, не накрывся». Напротивъ, въ бѣлильномъ ряду торговали «въ коробьяхъ, накрывся въ ша-

лашахъ», т. е. въ своего рода кіоскахъ. Въ щепетильномъ и игольномъ рядахъ указано было «лавокъ не ставить, а поставить скамьи и покрыть тесомъ на столбахъ». Много было разнаго рода харчевыхъ рядовъ, гдѣ торговля шла въ шалашахъ и на скамьяхъ. Такъ, рядъ луковый и чесноковый занималъ только мѣста торговыя, безъ лавокъ. Недалеко отъ Неглинскихъ воротъ были отведены особыя мѣста для торговли бѣлою рыбицей. Каждое мѣсто было размѣромъ $^{3}/_{4}$ саж., при чемъ торговцамъ было указано «сидѣти имъ на скамьяхъ приносомъ, безъ кровель, а по рядамъ съ бѣлою рыбицей не ходить». Рядомъ съ мѣстами, отведенными для бѣлой рыбицы, установлены были мѣста для торговли паровыми сельдями, такого же размѣра, при чемъ торговцамъ было приказано «по рядамъ на вѣкахъ съ селдьми не ходить»; они торговали на скамьяхъ. Разнаго рода овощники имѣли особо отведенныя мѣста, уже внѣ предѣловъ Китай-города, подъ городскою стѣною, лицомъ къ самопальному ряду, слѣдовательно, у Неглинныхъ же воротъ; сюда они были переведены съ 1626 года, а до этого времени сидѣли на Красной площади. Тутъ были устроены ряды: яблочный, дынный, ягодный и капустный, и опять таки торговцамъ строго воспрещалось ходить съ своими товарами по рядамъ. Разнаго рода хлѣбенные и калачные ряды были разбросаны по Китай-городу и по другимъ улицамъ. Калачники нерѣдко стремились передвинуться съ предоставленныхъ имъ мѣстъ. До московскаго разоренія хлѣбники и калачники преимущественно толпились въ Зарядьѣ; потомъ они передвинулись къ Ильинскому крестцу, поближе къ Красной площади. Въ 1626 году ихъ велѣно было отсюда «перевести» опять въ Зарядье. Тогда же было велѣно «сослать» и походячихъ харчевниковъ и пирожниковъ, которые «съ сдобными калачами носили по рядамъ на вѣкахъ»; пирожникамъ даны мѣста у Никольскаго моста, а харчевникамъ — на Неглинной. Правда, хлѣбомъ и калачами торговали и въ лавкахъ: такъ, былъ хлѣбный и калачный рядъ, шедшій отъ Спасскихъ воротъ къ Водянымъ воротамъ изъ Китай-города; въ немъ было 13 лавокъ. Въ Зарядьѣ, какъ мы видѣли, устроены были тоже хлѣбный и калачный ряды, всего 12 лавокъ. Но тутъ же торговали столовыми калачами «на скамьяхъ, изъ вѣкъ, приносомъ, столовыми калачами покрывся на лучкахъ, рогожами въ ненастный день, а въ ведреный на вѣкахъ, не покрывся». Пирожный рядъ имѣлъ, какъ мы видѣли, особыя мѣста. На Никольскомъ мосту имъ велѣно было поставить деревянныя низкія лавки, «а сидѣти въ нихъ съ пирогами въ лукошкахъ, приносомъ». Въ харчевомъ ряду были лавки и шалаши; тутъ же разрѣшено было построить и избы для харчевого варенья. Рядъ съ сдобными калачами обязанъ былъ торговать на скамьяхъ изъ вѣкъ, «приносомъ и кровли надъ скамьями не дѣлать, а по рядамъ, на вѣкахъ съ сдобными калачами не ходить». На Ильинскомъ крестцѣ на большой площади тоже сновали торговцы съ сдобными калачами, разносившіе ихъ на лоткахъ. Имъ даны были особыя скамьи, но запрещено ходить по улицамъ. На Большой площади находился обширный рядъ скамей, на которыхъ торговали яблоками, дынями, огурцами и всякими овощами; такой же торгъ происходилъ и на Неглинномъ мосту. Квасники пользовались

особеннымъ вниманіемъ, ихъ было очень много и притомъ разныхъ спеціальностей. Такъ, были особые сусленики, которые торговали сусломъ изъ кувшиновъ, отъ Ильинскаго крестца къ Ветошному ряду и въ другихъ мѣстахъ. За Неглинными воротами, у стѣны Китай-города, у Никольскихъ воротъ, противъ Лобнаго мѣста и въ харчевомъ ряду въ Зарядьѣ стояли кади съ яшнымъ квасомъ. Въ разныхъ мѣстахъ среди рядовъ стояли бочки съ становымъ квасомъ. Посолъ Таннеръ съ большими подробностями разсказываетъ о приготовленіи квасу москвичами: «изъ любопытства», говоритъ онъ, «я отвѣдалъ нѣсколько капель и цѣлыхъ 12 дней промучился отъ лихорадки, надъ чѣмъ смѣялись и трунили всѣ сослуживцы мои, поляки». Кромѣ того, торговля приносомъ шла еще бѣлорыбицею, паровыми сельдями, клюквой, просольной рыбицей; были и походячіе мясники.

Любопытною особенностью Китайгородского быта являлись также и московскіе извозчики. Ихъ было очень много. Иноземцы разсказываютъ, что извозчикъ за очень маленькое вознагражденіе скачетъ, какъ бѣшеный, по городу и поминутно кричитъ во все горло «берегись».

Московскій Китай-городъ всегда производилъ впечатлѣніе суетливаго и переполненнаго народомъ рынка. Но торговля его еще болѣе оживлялась во время большихъ базаровъ, на которые съѣзжалось много народу изъ селъ: «тутъ насилу продерешься сквозь большую толпу, и надо получше беречь кошелекъ», разсказываетъ Кильбургеръ. Въ концѣ XVII в. такіе базары бывали по средамъ и пятницамъ. Зимою же базаръ происходилъ на льду Москвы-рѣки.

Чтобы удержать всю эту толпу торговаго люда, слѣдить за нею и предотвращать разнаго рода нарушенія порядка, московское правительство издавало рядъ указовъ. Такъ, торговля въ опредѣленныхъ рядахъ опредѣленнымъ товаромъ была не столько дѣломъ удобства, сколько требовалась настойчивыми предписаніями государевыхъ указовъ. Въ 1626 году черезъ биричей былъ прокликанъ по всѣмъ рядамъ и по крестцамъ и по Пожару государевъ указъ о томъ, чтобы приставы смотрѣли почасту и накрѣпко, чтобы въ рядахъ торговые люди сидѣли съ своими товарами и торговали бы только тѣми товарами, которыми торговать въ данномъ ряду указано; походячимъ торговцамъ строго воспрещалось мѣнять свои мѣста и торговать въ разносъ. Но этотъ указъ плохо соблюдался, почему и требовались его неоднократныя повторенія. Эта тенденція правительства, между прочимъ, имѣла цѣлью сосредоточить въ рукахъ опредѣленной группы торговцевъ ту или другую отрасль торговли во избѣжаніе излишней конкуренціи, для того, чтобы «ряды не оскужали и лавочные люди въ убожествѣ не были», говоритъ Новоторговый Уставъ 1667 года. Но сдержать торговцевъ оказывалось дѣломъ труднымъ. Черезъ 10 лѣтъ послѣ общаго подтвержденія въ Новоторговомъ Уставѣ мы уже встрѣчаемъ царскую грамату 1679 года, требующую, чтобы торгъ происходилъ только въ указанныхъ мѣстахъ, и чтобы были сломаны всѣ приспособленія для торга, поставленныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговать не приказано. Въ 1685 году опять встрѣчаемъ подтверди-

тельный указъ о томъ же. Да и само московское правительство по обыкновенію не исполняло своихъ указовъ, давая разрѣшеніе на торгъ въ неуказанныхъ мѣстахъ, часто мѣняя расположеніе рядовъ и т. д. Московскій торгъ вызывалъ заботу правительства еще другого рода. Береженіе торга въ полицейскомъ отношеніи составляло немаловажную задачу. Ночью московскій Китай-городъ представлялъ собою оригинальную картину. Большая часть улицъ запиралась рѣшотками, а гдѣ не было рѣшотокъ, тамъ ставились надолбы, «чтобы воровскимъ людямъ проходу и проѣзду не было». У рѣшотокъ и надолбовъ стояли военные люди съ рогатинами, топорами и бердышами; они обязаны были всѣхъ прохожихъ разспрашивать и доводить до того мѣста, куда кто идетъ. Приходилось принимать мѣры не только противъ воровства, но и противъ пожаровъ. Поэтому кромѣ замочныхъ, т. е. уличныхъ караульщиковъ, были еще кровельные караульщики, которые ночью дежурили на крышахъ. Особыя объѣзжія головы обязаны были наблюдать за общественной тишиной, а также и за исправностью караульщиковъ.

Особое значеніе въ Китайгородской торговлѣ имѣла мѣстность у церкви Св. Максима Исповѣдника, гдѣ былъ англійскій гостиный дворъ и гдѣ находились и другіе гостиные дворы. Въ гостиныхъ дворахъ велась наиболѣе крупная торговля. Гостиныхъ дворовъ въ Москвѣ было нѣсколько. Во 2-й половинѣ XVII вѣка въ Китай-городѣ было 3 гостиныхъ двора—старый, новый и персидскій. На старомъ дворѣ торговали товарами, которые подешевле и попроще. Новый дворъ былъ построенъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Это былъ большой четырехугольный дворъ, около 180 шаговъ; здѣсь находились городскіе вѣсы, важня и много лавокъ. Этотъ дворъ служилъ биржею, особенно для иноземцевъ. Зимой тутъ на всемъ дворѣ бывало множество саней, разныхъ товаровъ и народу, такъ что пройти было трудно, приходилось перелѣзать. Тутъ были выложены на продажу многія сотни астраханскихъ осетровъ и стерлядей, много икры и товаровъ съ далекаго юга. На персидскомъ дворѣ торговали персы, армяне и татары; здѣсь было до 200 мелкихъ лавокъ, расположенныхъ подъ крытой галереей, съ разными товарами. Впрочемъ, въ началѣ XVII вѣка гостиный дворъ представлялъ собою довольно скромное учрежденіе. Въ немъ были Купецкая Палата и всего 13 лавокъ. Первое расширеніе гостинаго двора было сдѣлано въ 1638 году при царѣ Михаилѣ. Тогда былъ присоединенъ къ гостиному двору еще особый купецкій дворъ, вѣдавшійся ранѣе въ Посольскомъ Приказѣ и находившійся въ Зарядьѣ. Очевидно, Купецкій дворъ былъ въ завѣдываніи Посольскаго Приказа, потому что онъ тоже служилъ гостинымъ дворомъ для иноземцевъ и купцовъ, пріѣзжавшихъ съ послами. Этотъ дворъ находился рядомъ съ гостинымъ дворомъ, почему и было приказано оба двора соединить, и въ гостиномъ дворѣ указано было построить хоромы, городьбу и ворота и палаты такъ, какъ это было сдѣлано въ Купецкомъ дворѣ. Въ немъ, повидимому, по преимуществу и торговали греки и армяне. Вмѣсто же Купецкаго двора въ Посольскій приказъ былъ отданъ старый денежный дворъ, находившійся между церковью св. Варвары и англійскимъ

Видъ у Иверскихъ воротъ въ XVII вѣкѣ. Съ оригинальнаго рисунка, наход. въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

дворомъ. Кромѣ указанныхъ дворовъ были еще дворы, принадлежавшіе торговымъ иноземцамъ. Самымъ старымъ изъ нихъ былъ англійскій дворъ, находившійся тутъ же около гостинаго двора, у церкви Св. Максима Исповѣдника. Кромѣ того, и другіе иноземцы имѣли свои дворы. Такъ, греки торговали въ греческомъ дворѣ. Надъ самой Неглинной находился шведскій дворъ. На Срѣтенской улицѣ въ XVI вѣкѣ были дворы армянскій и литовскій.

Въ своихъ подворьяхъ иноземцы вели только оптовую торговлю.

Таковъ внѣшній видъ Китайгородской торговли. Что касается количественнаго ея значенія, то надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи Китайгородъ нѣсколько уступалъ другимъ частямъ Москвы. Мы уже видѣли, что нормальная лавка по своимъ размѣрамъ была весьма небольшимъ помѣщеніемъ для товара, при чемъ чаще торговали въ полу-лавкахъ, въ четверти-лавкахъ, и даже были помѣщенія въ одну восьмую лавки. До насъ дошло два довольно полныхъ описанія Китай-города—перепись 1626 года и перепись 1701 года. Первую можно считать совершенно полной, во второй же нѣкоторыхъ рядовъ не достаетъ, хотя они, повидимому, были, напр., иконный рядъ, но въ общемъ и эту послѣднюю перепись можно признать достаточно полной. Во всякомъ случаѣ ею приходится пользоваться за недостаткомъ другихъ данныхъ. Такъ, оказывается, что по переписи 1626 г. въ Китай-городѣ было 657 и двѣ трети лавокъ съ 5-ю пядями, кромѣ того, $46^1/_2$ незанятыхъ лавочныхъ мѣстъ и 208 саженъ незастроенныхъ лавочныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ перепись этого года носитъ на себѣ еще слѣды разоренія въ эпоху Смуты. Впрочемъ, значительное число незанятыхъ лавочныхъ мѣстъ было московскимъ правительствомъ изоброчено въ томъ же 1626 году. Кромѣ лавокъ мѣстами крупной торговли были еще погреба, избы и амбары. Въ Китай-городѣ было 32 погреба, одинъ полупогребъ и четыре по $^3/_4$ погреба.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ можно составить себѣ представленіе о размѣрахъ и направленіи крупной торговли по переписи 1626 г. Но мы уже говорили о томъ, что мелочная торговля въ Китайгородѣ была весьма распространена. На скамьяхъ, въ шалашахъ сосредоточивалась торговля преимущественно готовыми продуктами питанія; сюда же надо отнести «походячихъ» торговцевъ, а также всевозможныхъ продавцовъ кваса. Изъ 1368 торговыхъ мѣстъ, которыя можно насчитать въ Китай-городѣ, 541 принадлежало мелочнымъ торговцамъ. Такъ, однѣхъ скамей было 267; на скамьяхъ торговали фруктами, калачами и т. п. Шалашей было 47, большинство которыхъ (33) принадлежало торговкамъ бѣлилъ и румянъ. Продажа квасу была весьма распространена: такъ, квасъ продавался на 62 бочечныхъ мѣстахъ и на 32 кувшинныхъ мѣстахъ. Этотъ характеръ мелочной торговли еще разъ указываетъ на то, что въ Китай-городѣ скоплялась масса народу, который подкрѣплялъ свои силы на скамьяхъ съ харчевыми продуктами.

Тотъ же характеръ Китайгородская торговля носитъ и на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ. По переписи 1701 г. въ Китай-городѣ насчитано 614 лавочныхъ владѣній. Полулавки имѣли преобладающее значеніе, такъ

какъ ихъ было въ этомъ числѣ 242; по своимъ размѣрамъ къ этимъ мѣстамъ торговли приближаются и мѣста по $^3/_4$ лавки, которыхъ было 77. По одной лавкѣ было 189 владѣній. Такимъ образомъ количество лавочныхъ владѣній въ 1701 году было меньше, нежели въ 1626 году. Это объясняется не только нѣкоторой неполнотой переписи, но и еще двумя обстоятельствами: во-1-хъ, въ Китай-городѣ появляется рядъ болѣе крупныхъ сравнительно съ лавками мѣстъ торговли, а затѣмъ, во-2-хъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ концу XVII вѣка Китай-городъ уже далеко не занимаетъ доминирующаго положенія въ торговлѣ сравнительно съ Бѣлымъ и Земляным городомъ, въ которыхъ нарастаетъ рядъ рынковъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ лавочныхъ мѣстъ въ 1701 году въ Китай-городѣ было 39 погребовъ, 10 амбаровъ и 3 харчевыя избы, т. е. трактира.

Что касается мелочной торговли, то въ 1701 году ей было отведено 402 мѣста, изъ которыхъ было 141 мѣсто скамейное, 88 квасныхъ кадей, 73 кувшина, 53 шалаша; было походячихъ торговцевъ 47.

Теперь обратимся къ Бѣлому городу. Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется описаній этого города, относящихся къ болѣе или менѣе раннему времени. Путешественники даже 60-хъ и 70-хъ годовъ отмѣчаютъ въ Бѣломъ городѣ преимущественное преобладаніе ремеслъ. По словамъ Олеарія, «здѣсь живетъ много вельможъ и московскихъ князей, дѣтей боярскихъ, знатныхъ гражданъ и кущовъ, которые по временамъ уѣзжаютъ на торгъ по странѣ. Также имѣются здѣсь различные ремесленники, преимущественно булочники. Тутъ же находятся хлѣбные и мучные лабазы, лотки съ говядиною, скотный рынокъ, кабаки для пива, меда и водки». Вниманіе Таннера (1678 г.) обратило на себя въ Бѣломъ городѣ «много торговцевъ и ремесленниковъ» и мясныхъ лавокъ. Но вообще иностранцы, повидимому, не придавали большого значенія торговымъ оборотамъ Бѣлаго и Земляного городовъ. До насъ дошли отрывки изъ переписныхъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ XVII в. Какова бы ни была неполнота этихъ отрывковъ, во всякомъ случаѣ ясно сравнительно небольшое торговое развитіе Бѣлаго города въ эти годы. Въ самомъ дѣлѣ, эти описанія насчитываютъ у Варварскихъ воротъ всего-на-всего 7 лавокъ и 25 кузницъ; за Ильинскими воротами находилось 48 лавокъ и т. д.; количество лавокъ на Покровской и Стрѣтенской улицахъ совершенно ничтожно; то же и на Тверской улицѣ и у Тверскихъ воротъ; торговое оживленіе только нѣсколько чувствуется на Смоленской улицѣ (Арбатъ) и у Смоленскихъ воротъ. Около пяти десятковъ лавокъ насчитывалось у Пречистенскихъ воротъ. Между тѣмъ описаніе 1701 года уже представляетъ намъ торговлю въ Бѣломъ городѣ значительно развитою и, мало того, вообще имѣющею относительно болѣе крупныя торговыя учрежденія. Такъ, это описаніе насчитываетъ 501 мѣсто торговли въ лавкахъ, кромѣ того, здѣсь было 16 амбаровъ и 13 избъ харчевыхъ, блинныхъ, масляныхъ и квасныхъ; наконецъ, было три стана для склада камня. Мелочныхъ торговцевъ здѣсь сравнительно немного, всего 195 мѣстъ, преимущественно шалашей и скамей; здѣсь же встрѣчаются и шалаши и мѣста для торговли сѣномъ (ихъ было 44).

Все это указываетъ на то, что торговый ростъ Бѣлаго города преимущественно относится къ концу столѣтія. На рубежѣ XVII и XVIII столѣтій торговля охватила почти всѣ тѣ мѣста, которыя и въ настоящее время являютъ собою наибольшее торговое оживленіе. Такъ, за Воскресенскими воротами сейчасъ же начинались торговые ряды. Тутъ былъ Охотный рядъ, крупяной, житный, поворачивавшій къ Тверской улицѣ, мучной рядъ. Отсюда далѣе торговля направлялась къ Пречистенскимъ воротамъ, по Смоленской улицѣ и Знаменкѣ, къ Никитскимъ воротамъ. Тверская улица была довольно оживленнымъ торговымъ мѣстомъ, между тѣмъ какъ на Петровкѣ и Дмитровкѣ было всего по нѣсколько лавокъ. Съ другой стороны за Никольскими воротами сейчасъ же начиналось торговое оживленіе, шедшее на Стрѣтенку и Лубянку, затѣмъ на Покровку и частью на Мясницкую. Покровка въ этомъ направленіи была самымъ торговымъ мѣстомъ. Довольно значительное оживленіе замѣтно было и за Ильинскими и Варварскими воротами.

Кромѣ рядовъ въ Бѣломъ городѣ было нѣсколько рынковъ. Что касается Земляного города и Замоскворѣчья, то весьма трудно судить объ ихъ торговомъ ростѣ. Судя по указаніямъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, мѣстность около Болота была довольно оживленная въ торговомъ отношеніи. Тутъ былъ рынокъ. То же подтверждаютъ и переписныя книги 60-хъ годовъ, указывающія на Болотной площади довольно значительное количество лавокъ (41), спеціально хлѣбныхъ (25), харчевенъ (14). Торговое оживленіе тѣ же книги отмѣчаютъ и на Балчугѣ (калачный рядъ, харчевни, житный рядъ). Во всякомъ случаѣ описаніе 1701 года представляетъ намъ Земляной городъ самой значительной изъ всѣхъ трехъ частей Москвы по количеству торговыхъ мѣстъ: въ немъ насчитывается по описанію 1666 торговыхъ мѣстъ, изъ которыхъ мѣстамъ болѣе или менѣе крупной торговли принадлежитъ значительная доля. Такъ, здѣсь находилось: 7 амбаровъ, 72 харчевыя избы и 5 боенъ. Затѣмъ здѣсь же по описанію было 524 лавочныхъ мѣстъ, при чемъ по одной лавкѣ здѣсь было всего 386 владѣній, мелкихъ полулавочныхъ и прочихъ владѣній очень немного и затѣмъ рядъ владѣній по 2, по 3 лавки и даже по 10-ти. Мелочная торговля здѣсь выражалась въ 238 скамьяхъ, 158 шалашахъ и т. д. Кромѣ того, здѣсь было большое количество сѣнныхъ мѣстъ, гдѣ торговали сѣномъ (235), что указываетъ на значительное количество пріѣзжающаго въ Москву люда. Здѣсь же были лѣсные рынки съ 160 мѣстами для продажи лѣсу и произведеній изъ дерева и большое количество (108) кузнечныхъ заведеній. На лѣсныхъ рынкахъ здѣсь продавались готовыя избы, частью въ сложенномъ видѣ, частью въ разобранномъ.

Очень оживленнымъ торговымъ пунктомъ было Замоскворѣчье, именно мѣстность около Болотной Площади. Тутъ былъ обширный кузнечный рядъ, лѣсной рынокъ, бочарный и лапотный ряды, гончарный и горшечный. Отсюда торговля шла на Пятницкую улицу. Затѣмъ изъ торговыхъ мѣстностей отмѣтимъ Таганку, на которой было довольно много лавокъ и кузницъ, затѣмъ мѣста, находившіяся сейчасъ же за Смоленскими и Тверскими воротами.

Послѣ бѣглаго обзора, сдѣланнаго нами выше, торговли различныхъ частей Москвы, перейдемъ къ нѣкоторымъ детальнымъ указаніямъ. Къ сожалѣнію, за весь XVII вѣкъ приходится довольствоваться лишь свѣдѣніями о торговлѣ Китай-города 1626 года. Несмотря на этотъ недостатокъ, приходится однако использовать эти данныя въ виду большого значенія этой части Москвы. Прежде всего приведемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ лавочныхъ мѣстъ:

Названіе и размѣры лавочныхъ владѣній	по $3^3/_4$ л.	по $2^1/_2$ л.	по $2^1/_4$ л.	по 2 л.	по $1^3/_4$ л.	по $1^1/_2$ л.	отъ $1^1/_2$ до $1^1/_4$ л.	по $1^1/_8$ л.	по 1 л.
Число владѣній	1	1	2	8	3	32	22	9	307

Названіе и размѣры лавочныхъ владѣній	по $^7/_8$, $^2/_3$, $^3/_4$ л.	по $^1/_2$ л.	отъ $^1/_2$ л. до $^1/_4$ л.	пуст. лавок.	общее число всѣхъ влад.	общее колич. пол. лавокъ.	число лавочн. мѣстъ.	число погребовъ.
Число владѣній	76	328	27	11	827	657 $^2/_3$ и 15 пядей.	$46^1/_2$	37

Такимъ образомъ въ Китай-городѣ преобладала дробность мѣстъ торговли, незначительный ихъ размѣръ.

Что касается мелочной торговли, то и здѣсь иногда допускалась дробность мѣста торга (напр., полъ-шалаша, часть скамейнаго мѣста), но, разумѣется, такое раздробленіе было большой рѣдкостью; зато столь же рѣдко встрѣчается и соединеніе нѣсколькихъ торговыхъ мѣстъ въ однѣхъ рукахъ: въ общемъ никогда не встрѣчается болѣе двухъ мѣстъ въ одномъ владѣніи и, какъ исключеніе, въ одномъ только случаѣ встрѣтилось $3^3/_4$ мѣста. Такъ, по переписи 1626 года въ Китай-городѣ числилось:

Шалашей	47
Скамей и мѣстъ скамейныхъ	267
Мѣстъ	63
Мѣстъ пустыхъ	209
Кадей квасныхъ	47
Бочекъ	15
Кувшиновъ	32
Всего	680

Что касается направленія торговли, то въ извѣстной мѣрѣ оно можетъ быть учтено по количеству лавокъ, находящихся въ томъ или другомъ ряду, такъ какъ вообще московское правительство требовало, чтобы извѣстными товарами торговали въ опредѣленныхъ рядахъ. Поэтому мы расположимъ нижеслѣдующія данныя съ распредѣленіемъ ихъ по рядамъ, при чемъ соединимъ ряды, въ которыхъ торговали разновидностями однихъ и тѣхъ же предметовъ:

	Количество всѣхъ владѣн. въ рядахъ.
Иконный рядъ	41
Сѣдельный, саадашный, плетной	70
Сапожный рядъ и 2 красныхъ сапожныхъ ряда, подошвенный рядъ	109
Скобяной, замочный, котельный, желѣзный	72
Погреба въ Гостиномъ дворѣ (въ нихъ продавались заморскія вина)	37

Кремлевская площадь въ XVIII вѣкѣ. Съ оригинальнаго рисунка, наход. въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Москва и ея прошломъ и настоящемъ.

Лавки съ заморскимъ товаромъ и лавки въ Гостиномъ дворѣ (15).	24
Пушной рядъ	36
Соляной рядъ	41
Масляный и ветчинный ряды (29), хлѣбный и калачный (14), свѣжей рыбы (13), масляный и селедный (14), старый селедный (9), хлѣбный и калачный (24), рядъ со столовыми калачами (7), пирожный (30), солодяный (4), хлѣбныхъ и калачныхъ лавокъ (3)	147
Завязочный рядъ (17), щепетинный и игольный (35), новый завязочный (29)	81
3 медовыхъ ряда	55
2 москотельныхъ ряда	85
Ряды свѣчной и восковой (29), мыльный (34)	63

Остальные ряды не даютъ сколько-нибудь значительной цифры лавокъ. Мелочная торговля тоже разбивалась на рядъ мѣстъ, шатшей и скамеекъ. Слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе ряды:

Бѣлильный рядъ	33
Золяной рядъ	13
Сѣмянной	28
Луковый и чесноковый	35
Торговля съѣстными припасами: харчевыя мѣста (9), со сдобными калачами (12), яблочныхъ и дынныхъ (67), сусленниковъ (32), квасниковъ съ яшнымъ квасомъ (64), мѣстъ съ бѣлой рыбицей (13), съ паровыми сельдями (10), съ гречневиками (14), молочныхъ (13)	234

Приведенныя выше данныя напрашиваются на цѣлый рядъ выводовъ, но такъ какъ, къ сожалѣнію, они не касаются всей Москвы, а только ея части, то пока отнесемъ ихъ къ самому концу изучаемаго періода, т. е. къ 1701 году. Не будемъ останавливаться на количествѣ владѣній, составляющихъ части лавокъ, что въ извѣстной мѣрѣ пояснено уже предшествующими указаніями и, кромѣ того, можетъ быть относительно разрѣшено изъ сопоставленія количества владѣній и количества лавочныхъ мѣстъ. Данныя за этотъ годъ имѣютъ еще ту любопытную особенность, что относительные размѣры торговыхъ оборотовъ въ извѣстной мѣрѣ могутъ быть учтены, если принять во вниманіе оброкъ, взимавшійся съ лавокъ въ этомъ году. Къ сожалѣнію, оброкъ, для взиманія котораго была составлена книга, представляетъ собою очень незначительное мѣсто въ системѣ налоговъ города Москвы: это сборъ мостовыхъ денегъ на замощеніе улицъ. Но, предполагая, что и этотъ незначительный сборъ, какъ и всѣ другіе сборы, былъ взимаемъ по раскладкѣ съ животовъ и промысловъ, въ соотвѣтствіи съ размѣрами лавочнаго торга, мы во всякомъ случаѣ будемъ близки къ истинѣ при опредѣленіи, на основаніи данныхъ этого сбора, относительнаго значенія торговли того или иного рода мѣстъ торговли и видовъ ея. Послѣ сдѣланныхъ оговорокъ мы можемъ привести таблицу, въ которую сведемъ данныя относительнаго количества лавокъ и другихъ мѣстъ торга съ показаніемъ числа отдѣльныхъ владѣній и относительнаго количества взимаемаго оброка. Такимъ образомъ получаемъ слѣдующія данныя по всей Москвѣ:

	Число полныхъ мѣстъ.	Число отдѣльн.*) владѣній.	%-е отнош. платежа къ общей суммѣ налога.
Погреба	39	36	18,3%
Избы	90	46	2,2
Ставы	184¼	97	4,7
Кузницы	93	76	2,04
Бойницы	5	5	0,05
Лавки и лавочныя мѣста, затворы	1474⅝	1318⅞₁₂	46,5
Амбары	35	26	6,0
Сѣнницы	130	—	0,11
Шалаши	300¼	256	5,11
Скамьи	336½	195	6,2
Мясницы	35	35	1,9
Мѣста	209	199	5,1
Бочки и кади	154	66	5,3
Кувшины	78	54	1,9
Всего	2664		

Въ предшествующей таблицѣ собраны данныя, характеризующія общее число полныхъ мѣстъ торговли, т. е. количество лавокъ и проч. Затѣмъ въ слѣдующемъ столбцѣ приводится количество отдѣльныхъ мѣстъ владѣній или, лучше сказать, число отдѣльныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ смежно по нѣскольку торговыхъ помѣщеній; оно, конечно, значительно выше количества торговцевъ, владѣвшихъ по всей Москвѣ торговыми помѣщеніями. Абсолютнаго числа владѣльцевъ, къ сожалѣнію, не удалось опредѣлить, такъ какъ при однообразіи фамилій и даже именъ нѣтъ никакой возможности установить число владѣльцевъ по всему городу. Наконецъ, въ 3-мъ столбцѣ показано %-е отношеніе налога, платимаго каждымъ родомъ торговли, къ общей суммѣ налога. Эти данныя выясняютъ относительное значеніе различныхъ мѣстъ торговли. Такъ, небольшое количество погребовъ принимаетъ однако очень значительное участіе въ податномъ обложеніи, такъ что на 1% налога приходится 2⅛ погреба, а лавокъ около 32, т. е. торговое значеніе каждаго погреба оцѣнивается почти въ 16 разъ выше торговаго значенія полнаго лавочнаго мѣста. Съ другой стороны, торговая мощь шалаша или скамьи только въ два раза оцѣнивается меньше, нежели мощь полнаго лавочнаго мѣста и т. д.

Несмотря на приведенное выше значительное число мѣстъ торговли, все же надо имѣть въ виду, что наши данныя не отличаются абсолютной полнотой. Такъ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что наши данныя не зарегистровываютъ казенныхъ лавокъ. Между тѣмъ казенныя лавки были, напримѣръ, въ Китай-городѣ, гдѣ казна торговала мѣхами и стекляною посудою. Однѣхъ казенныхъ мясныхъ лавокъ и бойницъ по Москвѣ было разсѣяно въ томъ же 1701 году 298½ лавокъ, 15 бойницъ, 26½ скамей и 37 шалашей. Свѣдѣній о количествѣ другихъ казенныхъ лавокъ у насъ за это время, къ сожалѣнію, не имѣется.

Относительные размѣры московской торговли могутъ быть уяснены точнѣе въ сравненіи съ масштабомъ торговаго движенія другихъ горо-

*) Безъ смѣшанныхъ владѣній (192), т. е. такихъ, которыя, принадлежа одному владѣльцу, по налогу или по количеству мѣстъ торга не расчленены въ описаніи.

довъ, а также путемъ сопоставленія съ количествомъ дворовъ въ Москвѣ. Такъ, по переписи московскихъ дворовъ 1701 года во всей Москвѣ считалось 16357 дворовъ. При этомъ количество дворовъ такого элемента, который въ торговлѣ принималъ наиболѣе дѣятельное участіе, т. е. торговыхъ людей, гостей, гостиной и суконной сотенъ, посадскихъ сотенъ и слободъ и мастеровыхъ людей — насчитано 6894 двора, т. е. 42,15% общаго числа. Такимъ образомъ одно лавочное мѣсто въ Москвѣ приходилось на 11,1 общаго числа дворовъ и на 4,6 количества дворовъ посадскаго элемента, а вообще каждое мѣсто торга приходилось на 6,1 всѣхъ дворовъ и на 2,6 дворовъ посадскихъ. Такимъ образомъ, несмотря на небольшіе размѣры мѣстъ торга, количественное соотношеніе ихъ съ числомъ дворовъ указываетъ на значительное участіе посадскаго населенья въ торговлѣ.

Сравненіе количества лавокъ Москвы съ количествомъ лавокъ провинціальныхъ городовъ выясняетъ намъ доминирующее положеніе Москвы. Правда, такого сопоставленія нельзя сдѣлать за одинъ какой-нибудь періодъ по отсутствію данныхъ. Но какія бы измѣненія мы ни предполагали въ силу различія моментовъ сравненія, все таки можно сказать, что на территоріи Московскаго государства затруднительно найти такой торговый пунктъ, который по количеству мѣстъ торга могъ бы сравняться хотя бы съ одной изъ трехъ частей Москвы. Такъ, Великій Новгородъ въ началѣ XVI столѣтія имѣлъ до 700 лавокъ, хотя, впрочемъ, это показаніе требовало бы нѣкоторой провѣрки. Псковъ въ исходѣ XVI столѣтія имѣлъ до 1300 торгов. помѣщеній. Это наиболѣе крупные центры. Но уже Нижній Новгородъ, по переписной книгѣ 1620 года, имѣлъ всего 574 торговыхъ помѣщенія при 1900 дворахъ. Все это по московскимъ масштабамъ большіе города, и тѣмъ не менѣе размѣръ ихъ торговли, если сравнивать только количество мѣстъ ея, значительно ниже, нежели въ Москвѣ. Но не надо забывать того обстоятельства, что сравненіе по одному количеству мѣстъ торговли провинціальныхъ городовъ съ московской слишкомъ грубая мѣрка, потому что безспорно московскія лавки дѣлали болѣе обширные обороты.

Ведя обширную торговлю, Москва однако сама производила весьма немного продуктовъ. Москва и ея ближайшія окрестности не обилуютъ естественными богатствами, почему она и не могла, при тогдашнихъ условіяхъ развитія промышленности, сосредоточить въ стѣнахъ своихъ обработки какой-нибудь отрасли промышленности. Мы встрѣчаемъ только нѣкоторыя указанія на существованіе въ Москвѣ и Подмосковьи государевыхъ заводовъ и мануфактуръ. Частныя лица владѣли иногда кирпичными заводами; такой, напримѣръ, заводъ о двухъ печахъ и трехъ кирпичныхъ сараяхъ принадлежалъ думному дворянину Прокопію Кузьмичу Минину. Иностранцы и московскіе источники упоминаютъ о большомъ количествѣ мельницъ на р. Яузѣ, но, повидимому, только мукомольныхъ. Въ концѣ XVII столѣтія москов. правительство даетъ нѣсколько разрѣшеній на устройство въ Москвѣ заводовъ и фабрикъ. Такъ, иноземцу Тарбету въ 1684 году разрѣшено было завести въ Москвѣ и Московскомъ государствѣ

суконные и шерстяные заводы; около того же времени Сведену разрѣшили завести бумажную и хлѣбную мельницы, а также стекляный заводъ венеціанскаго стекла; наконецъ, ему же разрѣшили завести суконный заводъ, а гамбургскому уроженцу Павлову разрѣшена была бархатная фабрика. Однако трудно сказать, какъ функціонировали эти частные заводы. Такъ, Сведенъ открылъ на рѣкѣ Яузѣ бумажную мельницу, которая впослѣдствіи, вѣроятно, послѣ смерти Сведена, была передана иноземцу Еремѣю Лептину. Изъ исторіи бумажной мельницы Сведена между прочимъ явствуетъ, что первые заводы и фабрики открывались Московскимъ правительствомъ при субсидіи частнымъ лицамъ, почему они и не были предпріятіями, выраставшими въ силу частной иниціативы.

Нѣсколько больше у насъ извѣстій о казенныхъ заводахъ. Такъ, на Неглинной былъ монетный заводъ, на которомъ лили пушки и колокола. Вѣроятно, это тотъ самый заводъ, о которомъ разсказываетъ Олеарій. По его словамъ, здѣсь отливалось много орудій и большихъ колоколовъ. Въ его время мастеромъ на этомъ заводѣ былъ Гансъ Фалькенъ изъ Нюренберга, у котораго русскіе учились литейному дѣлу. Въ концѣ XVII в. на трехъ серебряныхъ и одномъ мѣдномъ денежномъ дворахъ было 264 мастера. Есть указанія на то, что на Дѣвичьемъ Полѣ за Хамовниками былъ соляной заводъ. Нѣсколько больше свѣдѣній имѣется объ учрежденіи государева стекляннаго завода. Этотъ заводъ находился въ любимомъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ селѣ Измайловскомъ. Въ немъ дѣлались разныя стеклянныя издѣлія и, кромѣ того, производилось фигурное дѣло, т. е. фигурныя издѣлія изъ стекла и фигурные сосуды. О размѣрахъ завода можно судить до нѣкоторой степени по сохранившимся росписямъ. Такъ, въ 1687 году на заводѣ было на складѣ 2128 разнаго рода сосудовъ, но, конечно, это вовсе не указываетъ на весь размѣръ производства, потому что изъ Измайловскаго склада стеклянныя издѣлія забирались въ московскій складъ, гдѣ и поступали въ продажу.

Къ 60-тымъ годамъ XVII столѣтія относится устройство сафьяннаго завода. Въ 1666 году онъ былъ по государеву указу устроенъ на Бичевиномъ дворѣ и находился сначала въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, а потомъ перешелъ въ веденіе Малороссійскаго приказа. Онъ состоялъ изъ трехъ избъ, омшаника, въ которомъ были четыре колоды для моченія кожъ и другія орудія производства. Оборудованіе этого завода обошлось въ весьма значительную по тому времени сумму, почти въ 11000 рублей, т. е. болѣе чѣмъ 180,000 на наши деньги. Расходы по заводу выражались въ суммѣ 919 рублей въ годъ, при чемъ приказъ получалъ въ годъ 1374 выдѣланныхъ сафьянныхъ кожъ. По этимъ даннымъ трудно однако учесть годовой оборотъ завода, такъ какъ въ расходъ выводились только денежные платежи на покупку кожъ, разныхъ принадлежностей для дубленія и окрашиванія, на ремонтъ и на уплату денежнаго жалованія мастеровымъ людямъ, но послѣдніе получали еще и хлѣбное жалованіе, которое однако въ разсчетъ расхода не шло. Мастерами на заводѣ были первоначально иноземцы; учениками были русскіе мастера. Главный мастеръ получалъ 4 алтына въ день, а ученики, въ количествѣ 6 человѣкъ, по 8 денегъ въ

день и, кромѣ того, хлѣбное жалованіе. Русскіе ученики быстро навыкли въ сафьянномъ дѣлѣ, потому что уже въ росписяхъ 1670 года при имени каждаго точно обозначается количество сафьяна, имъ выдѣланнаго. Надо замѣтить, что приказъ дѣлалъ попытки соединить на сафьянномъ заводѣ и нѣкоторыя другія производства: такъ, одновременно съ сафьяннымъ мастеромъ были вывезены изъ персидской земли рудознатные и шелковые мастера. Впослѣдствіи на сафьянномъ дворѣ мастера изъ грузинъ дѣлали пробы окрашивать миткаль и холстъ «на кумашное дѣло», но неизвѣстно, чѣмъ окончились эти пробы. Вообще, повидимому, Приказъ Тайныхъ Дѣлъ задумывалъ какую то широкую организацію заводскаго дѣла на сафьянномъ дворѣ, но она оказалась не выполненной, и обосновалось только одно сафьянное дѣло.

Изъ всѣхъ московскихъ казенныхъ мануфактуръ наибольшею древностью и наибольшими размѣрами отличалось государево хамовное дѣло. Тканье полотенъ для нуждъ царскаго дворца, безспорно, представляетъ собою одно изъ самыхъ старинныхъ учрежденій. Оно велось въ изучаемое время въ широкихъ размѣрахъ. Все, что касается выработки полотенъ и вышиванія, т. е. знаменнаго дѣла, находилось всецѣло въ вѣдѣніи самой царицы и управлялось изъ Царицыной мастерской палаты. Въ Москвѣ были особыя слободы Кадашевская и Тверская (послѣдняя была переведена изъ Твери въ Москву), и, кромѣ того, хамовнымъ дѣломъ были заняты два большія села Ярославскаго уѣзда, Брейтово и Черкасово. Кстати, замѣтимъ, что существуетъ двоякое объясненіе термина хамовный: отъ шведскаго слова hamo (рубашка), и отъ индійскаго слова хаманъ, что означаетъ бѣлое тонкое полотно; послѣднее производство имѣетъ больше за себя данныхъ, потому что вліяніе восточной терминологіи вообще было значительно, въ особенности въ наименованіи тканей. Въ царицыныхъ слободахъ производство полотна было организовано такимъ образомъ, что работа распредѣлялась на каждый дворъ по годовому уроку; каждый хамовникъ работалъ «на дѣло», т. е. опредѣленное количество пряжи или нитей. Размѣръ годового урока соотвѣтствовалъ количеству дворовой земли, отводившейся каждому кадашевцу; полный размѣръ дворовой земли считался въ 200 кв. саженъ земли. Въ Хамовной слободѣ ткались полотна самаго разнообразнаго характера: двойныя и тройныя изъ соотвѣтственной пряжи, гладкія и полосатыя; затѣмъ ткались скатерти, убрусы, полотенца, съ узорами и безъ узоровъ. Кромѣ хамовниковъ (собственно, ткачей) производствомъ занимались еще и дѣловицы: ткальи, пряльи, бральи, швеи, задѣльницы, бѣльницы и бердники, — каждый соотвѣтственно своей спеціальности. О размѣрахъ Кадашевской слободы и ея производства можно судить по нѣкоторымъ описямъ. Такъ, въ первой половинѣ XVII вѣка (1624—1644 гг.) въ Кадашевской слободѣ было 413 дворовъ и 7 пустыхъ мѣстъ; всѣ кадашевцы были обложены $189^1/_2$ дѣлъ.

Кадашевская слобода находилась за Москвою рѣкою и существовала уже въ половинѣ XVI столѣтія, когда царь Иванъ Васильевичъ построилъ здѣсь церковь Козьмы и Демьяна. Въ той же мѣстности царица Анастасія Романовна устроила бѣлильную слободу у церкви Св. Екатерины

на Ордынкѣ. Эта слобода, получившая названіе Екатерининской, въ началѣ второй четверти XVII вѣка перешла въ вѣдѣніе Земскаго приказа, т. е., очевидно, съ нея были сняты обязанности дѣлать государево хамовное дѣло. Около того же времени, вѣроятно, была переведена въ Москву изъ Твери хамовная Константиновская слобода, которая вообще была небольшимъ поселкомъ, ибо даже въ 1682 году въ ней было всего 60 дворовъ и выдѣлывалось $36^{3}/_{4}$ дѣлъ полотна. Въ 1643 году царица Евдокія устроила подъ селомъ Покровскимъ еще новую хамовную слободу—Введенскую, которая впослѣдствіи стала называться Семеновскою. Наконецъ, нынѣшніе Хамовники представляютъ собой остатокъ государевой хамовной слободы.

Такимъ образомъ хамовныя государевы слободы представляли собою такія мануфактуры, въ которыхъ каждый рабочій работалъ у себя на дому. Но, сверхъ того, былъ особый Кадашевскій хамовный дворъ, построенный въ 1658 году. Онъ представлялъ собой большое помѣщеніе для склада государевой бѣлой казны, а также и особый бѣленный дворъ, въ которомъ происходило бѣленіе полотна. Это, повидимому, та самая фабрика, о которой говоритъ Самуилъ Коллинсъ. Послѣдній разсказываетъ въ своемъ путешествіи, что царь построилъ въ 7 верстахъ отъ Москвы для обработки пеньки и льна красивые домы, очень обширные, въ которыхъ будетъ доставляема работа всѣмъ бѣднымъ въ государствѣ; этой мануфактурой будетъ завѣдывать царица.

Наконецъ, замѣтимъ еще, что при государевомъ дворѣ позади царицыныхъ хоромъ находилась особая изба, въ которой работали особыя мастерицы: тутъ шло знаменное дѣло, т. е. вышиванье.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ всѣ тѣ формы, въ которыхъ выражалось торговое и промышленное движеніе Москвы. Промышленность, какъ мы видѣли, была весьма слабо развита и только начиналась, по иниціативѣ дворца, во второй половинѣ XVII столѣтія, если не считать болѣе ранней промышленности чисто дворцоваго характера, какъ хамовное или скорняжное дѣло. Напротивъ, торговля получила быстрое развитіе, особенно сравнительно съ другими частями Московскаго государства. Теперь намъ остается познакомиться еще съ одной стороной торгово-промышленнаго дѣла, именно съ состояніемъ ремеслъ.

Мы уже видѣли, что московское правительство съ особеннымъ интересомъ относилось къ вызову ремесленниковъ въ Москву, собирало ихъ отовсюду, выискивало свѣдущихъ ремесленниковъ въ провинціи и переселяло ихъ въ столицу. Неудивительно поэтому, что въ конечномъ итогѣ Москва оказалась средоточіемъ ремесленной и частью промысловой жизни. Кромѣ того, надо замѣтить, что, кромѣ вызова русскихъ мастеровъ, московское правительство не упускало случая вызывать и иноземцевъ, свѣдущихъ въ томъ или иномъ мастерствѣ. Нѣкоторые иностранные писатели придаютъ даже нѣсколько преувеличенное значеніе вліянію иностранныхъ ремесленниковъ на ознакомленіе русскихъ съ тѣмъ или другимъ ремесломъ. Рейтенфельсъ сообщаетъ, что въ его время количество разнаго рода художниковъ со дня на день увеличивается, между тѣмъ какъ раньше

ихъ было мало; онъ говоритъ именно о приливѣ иноземныхъ художниковъ, которыхъ русскіе не только принимали благосклонно, если они сами пріѣзжали изъ Европы или изъ Азіи, но и выписывали ихъ и приглашали черезъ пословъ, предлагая большую плату. Но тутъ же Рейтенфельсъ отмѣчаетъ, что сами русскіе такъ понятливы во всѣхъ родахъ искусствъ, что часто превосходятъ своихъ учителей-иностранцевъ. Особенно онъ отмѣчаетъ искусство русскихъ въ кузнечномъ мастерствѣ, въ приготовленіи пороха и тканьѣ сукна. Олеарій равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о воспріимчивости русскихъ, при чемъ онъ отмѣчаетъ ихъ подражательную способность, умѣнье заимствовать все то, что они видятъ у нѣмцевъ: въ очень короткое время русскіе высмотрѣли и переняли у нѣмцевъ многое, чего они раньше не знали. Выработанные подобнымъ усовершенствованнымъ путемъ товары продаются по болѣе дорогой цѣнѣ. Олеарія особенно поразили золотыхъ дѣлъ мастера, которые чеканили серебряную посуду такую же глубокую и высокую и почти столь же хорошо сформованную, какъ у любого нѣмца. Онъ передаетъ и любопытный пріемъ, къ которому иногда прибѣгали иноземные мастера: они не допускали русскихъ учениковъ къ той части ремесла, которая требуетъ особыхъ знаній и пріемовъ. Когда знаменитый литеецъ Гансъ Фалькъ формовалъ или лилъ свое лучшее орудіе, то онъ удалялъ своихъ русскихъ помощниковъ. Впрочемъ, русскіе научились лить и большія орудія и колокола: русскій ученикъ Ганса Фалька, напр., отлилъ знаменитый колоколъ Ивана Великаго.

Дѣйствительно, иностранные ремесленники довольно часто встрѣчаются въ Москвѣ XVII вѣка. Покойный Забѣлинъ придавалъ ихъ вліянію на русское ремесло большое значеніе. Къ началу XVII вѣка, т. е. еще въ *періодѣ до усиленія иностраннаго вліянія,* количество ремеслъ въ Москвѣ было весьма значительно, при чемъ дифференціація ихъ достигла поразительныхъ размѣровъ: иногда очень дробная часть какого-нибудь дѣла, мастерства имѣла своихъ спеціалистовъ. Такимъ образомъ изготовляемый предметъ, прежде чѣмъ попасть къ потребителю, проходилъ чрезъ нѣсколько различныхъ мастерскихъ. Можно насчитать до 250 различныхъ спеціальностей, начиная отъ простого наемнаго рабочаго и кончая сложнымъ подраздѣленіемъ въ области иконописнаго, желѣзно-и мѣдно-литейнаго дѣла и проч. Наибольшую дифференціацію ремеслъ мы встрѣчаемъ въ области желѣзно-литейнаго и мѣдно-литейнаго дѣла, затѣмъ — въ кожевенномъ и портняжномъ дѣлѣ. Въ области желѣзно-литейнаго и мѣднаго дѣла можно насчитать до 50 различныхъ спеціальностей. Такъ, кромѣ общаго названія кузнецовъ, пушкарей, денежныхъ мастеровъ, можно отмѣтить по выработкѣ, напр., оружія самопальныхъ мастеровъ съ подраздѣленіемъ ихъ на ствольниковъ, станочниковъ и замочниковъ; пушкарей съ подраздѣленіемъ ихъ на пушечныхъ литцовъ, на пушечныхъ кузнецовъ, мастеровъ и рѣзцовъ; по выработкѣ холоднаго оружія встрѣчаемъ: сабельниковъ, латныхъ мастеровъ, бронныхъ мастеровъ; по выработкѣ предметовъ домашняго обихода, кромѣ общихъ наименованій — мѣдниковъ, желѣзниковъ, котельниковъ, паяльщиковъ, оковщиковъ и пр., встрѣчаемъ

еще спеціальности: замочниковъ, игольниковъ, шильниковъ, пуговичниковъ, ножевниковъ, скобеняковъ, кирочниковъ, подковщиковъ, удильщиковъ, пряжниковъ, рѣшоточниковъ, мисниковъ, далѣе — булавочниковъ, трубниковъ, колокольниковъ, паникадильщиковъ; сюда же слѣдуетъ отнести и различнаго рода часовыхъ дѣлъ мастерства. Изъ этого перечня видно, какая узкая спеціализація была примѣняема въ этомъ дѣлѣ. Не менѣе интересна спеціализація въ области кожевеннаго дѣла: кромѣ кожевниковъ и овчинниковъ, сапожниковъ и чоботниковъ, встрѣчаемъ еще спеціальности: стригальниковъ, гладильщиковъ, уздниковъ, шлейниковъ, сырейщиковъ, сѣдельниковъ, сыромятниковъ, переплетчиковъ; наряду съ сапожниками, чоботниками встрѣчаемъ еще хозовниковъ, подошвенниковъ, колошниковъ, каблучниковъ, даже плетняковъ и кнутниковъ и т. п. Дѣло приготовленія одежды изъ различныхъ матерій тоже представляло изъ себя большую дифференціацію ремеслъ. Такъ, кромѣ портныхъ мастеровъ, шапошниковъ и рукавичниковъ, встрѣчаемъ еще сермяжниковъ, свитниковъ, кафтанниковъ, сарафанниковъ, монатейщиковъ, штанниковъ и ногавишниковъ, кромѣ того, спеціалистовъ по различнымъ частямъ портняжнаго дѣла: подкладочниковъ, покромщиковъ, завязочниковъ, щепетинниковъ; употреблявшіеся тогда мѣшочки для ношенія цѣнностей имѣли спеціалистовъ въ лицѣ мѣшочниковъ, кошельниковъ, карманниковъ; шляпное дѣло, кромѣ шапошниковъ, имѣло еще спеціальность колпачниковъ и шляпочниковъ. Приготовленіе пищи на продажу имѣло также цѣлый рядъ спеціальностей: квасниковъ, сусленіковъ, хлѣбниковъ, калачниковъ, пряничниковъ и пирожниковъ, блинниковъ, кисельниковъ и т. д. Издѣлія изъ дерева насчитываютъ до 25 спеціальностей: плотники, телѣжники, колымажники и колесники, бочарники, обручники, судники, спичники (трость), лучники, стрѣльники и т. п. Весьма слабо диффенренцированными и вообще слабо представленными являются производства химическихъ продуктовъ: можно указать на зелейщиковъ, красильниковъ, мыльниковъ, бѣлильниковъ, свѣчниковъ и нѣк. друг. Нѣкоторыя мастерства по существу своему были уже такими, задача которыхъ приближалась къ искусству. Таковы, напримѣръ, серебряники, золотыхъ дѣлъ мастера, алмазники, ожерелейники; сюда же можно отнести сусальниковъ, золотошвейниковъ, канительщиковъ.

Нечего говорить, что такое искусство, какъ иконописное, требовало большой спеціализаціи. Кромѣ иконописцевъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. художниковъ, въ этомъ дѣлѣ были спеціальности: знаменщиковъ, левкащиковъ, травщиковъ, сусальниковъ, терщиковъ, олифельщиковъ, золотильщиковъ, ольстрельниковъ и чищельниковъ. Отмѣтимъ и такое мастерство, какъ книгопечатное дѣло, въ которомъ, кромѣ наборщиковъ, были еще батыщики и тередорщики. Наконецъ, отмѣтимъ и еще профессіи, которыя по обычной терминологіи носятъ названіе интеллигентныхъ профессій. Таковы, напр., потѣшники, домерщики, гусельники, рожечники, миндерщики. Къ нимъ же можно отнести аптекарей, чертежниковъ и, наконецъ, рудометовъ, конскихъ мастеровъ и коноваловъ, лѣкарей, учителей, живописцевъ, площадныхъ подьячихъ и т. п.

Видъ Серебренническихъ бань въ Москвѣ.

Гравюрой былъ изданъ въ 1799 г. съ разрѣшенія Павла Перваго, беремъ по оригиналу Императорскаго Эрмитажа.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Этотъ перечень профессій, любопытный самъ по себѣ, какъ остатокъ старины, еще разъ подтверждаетъ сказанное о сильно развитой спеціализаціи въ ремесленной области. Такая спеціализація, естественно, должна была давать искусныхъ и опытныхъ мастеровъ. Съ другой стороны, еще разъ надо подчеркнуть то обстоятельство, что вырабатываемый предметъ потребленія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ производствахъ, проходилъ нѣсколько стадій своей обработки прежде, нежели попадалъ къ потребителю.

Развитіе спеціализаціи въ области ремесла соотвѣтствуетъ количеству ремесленнаго класса въ Москвѣ. Онъ отличался большою численностью сравнительно съ другими элементами посадскаго населенія, при чемъ, какъ это естественно ожидать, наиболѣе дробныя спеціальности имѣли небольшое количество представителей, иногда единичныхъ, тогда какъ количество лицъ, занимавшихся профессіями болѣе или менѣе общаго характера, бывало иногда весьма значительно.

Переходя къ выясненію вопроса о количествѣ ремесленниковъ въ Москвѣ, прежде всего замѣтимъ, что дворы ремесленниковъ были разбросаны по всему Бѣлому и Земляному городамъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ ремесленники одного и того же ремесла селились отдѣльными гнѣздами. Такъ, Таннеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1678 году, между прочимъ указываетъ на то, что большое количество ремесленниковъ жило въ Бѣломъ Городѣ. Мастерскую ремесленника можно было узнать по висящимъ на окнахъ образчикамъ производства. Такъ, портные вѣшали передъ окнами лоскуты разныхъ матерій, сапожники—голенища, либо части обуви и т. д. Въ первой половинѣ XVI стол., повидимому, большинство ремесленниковъ жило еще внѣ черты тогдашняго города, за городомъ; усадьбы ихъ тянулись длинными рядами, среди полей и луговъ.

Разсѣянное по различнымъ угламъ старой Москвы ремесленное населеніе въ количественномъ отношеніи представляло собою, сравнительно съ другими посадскими элементами, довольно внушительное число. Съ его количественнымъ составомъ 30-хъ годовъ XVII в. знакомятъ насъ два источника. Перепись 1638 года представляетъ собою такой матеріалъ, въ которомъ Москва описана почти полностью съ весьма небольшими пропусками. Это самый подробный источникъ изъ всѣхъ до настоящаго времени доступныхъ изученію, хотя и въ немъ можно предполагать нѣкоторую неполноту, весьма трудно поддающуюся учету. Это замѣчаніе имѣетъ то значеніе, что даже и по этой переписи мы имѣемъ цифру ремесленнаго населенія меньшую, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Такъ, по этой переписи можно насчитать ремесленниковъ различныхъ категорій, начиная отъ простыхъ рабочихъ и кончая такими интеллигентными профессіями, какъ аптекари и иконописцы, всего 2367 человѣкъ. Въ эту цифру включены сосѣди и захребетники ремесленниковъ, а также и ученики, хотя, впрочемъ, послѣднія цифры, повидимому, далеко отстоятъ отъ дѣйствительности. Другой источникъ—податные списки по сбору пятинныхъ денегъ въ 1634 г. Этотъ документъ неполонъ, въ немъ описано всего 11 мѣстъ и слободъ, т. е. около одной четверти тогдашней Москвы. Онъ даетъ слѣд. цифры:

Ремесленниковъ изъ числа посадскихъ тяглецовъ	626 чел.
Посадскихъ захребетниковъ	158 »
Ремесленниковъ изъ числа патріаршихъ крестьянъ	238 »
Всего	1022 чел.

Эти цифры относительно соотвѣтствуютъ цифрѣ переписи 1638 года въ томъ смыслѣ, что показываютъ преобладаніе среди населенія тяглыхъ сотенныхъ слободъ именно ремесленнаго элемента надъ торговымъ. Такъ, та же перепись сбора пятинныхъ денегъ отмѣчаетъ въ названныхъ сотняхъ и слободахъ всего 596 посадскихъ тяглецовъ, не занимавшихся ремеслами, 148 захребетниковъ и 153 патріаршихъ крестьянъ. Если расположить эти данныя по сотнямъ и сравнить ихъ съ тѣми тяглецами, которые не занимались мастерствомъ, то можно получить слѣдующую табличку, рисующую намъ соотношеніе между ремесленнымъ и неремесленнымъ населеніемъ, по крайней мѣрѣ, части московскаго посада.

Сотни и слободы.	Посадскіе тяглецы.		Захребетники.		Всего.	
	Ремесл.	Неремесл.	Ремесл.	Неремесл.	Ремесл.	Неремесл.
Срѣтенская	125	71	14	9	139	80
Ново-Заяузская . .	101	55	18	8	119	63
Мясницкая.	32	40	8	7	40	47
Ново-Никитская . .	30	6	—	—	30	6
Екатерининская . .	19	34	2	4	21	38
Воронцовская . . .	12	19	—	—	12	19
Голутвенная	11	32	16	7	27	39
Ордынская	10	93	3	15	13	108
Кожевницкая . . .	10	125	23	27	33	152
Покровская	4	57	10	12	14	69
Ново-Алексѣевская.	4	40	—	13	44	53
Новгородская . . .	—	—	14	13	—	—

Къ этой табличкѣ добавимъ, что среди патріаршихъ крестьянъ числилось 153 человѣка, не занимающихся ремеслами, т. е. ремесленный элементъ этой категоріи тяглецовъ въ значительной мѣрѣ превосходилъ элементъ неремесленный—торговый. То же заключеніе вытекаетъ и изъ разсмотрѣнія нашей таблички по отношенію къ Ново-Заяузской слободѣ, къ Покровской сотнѣ, къ Ново-Никитской слободѣ и Срѣтенской сотнѣ. Однимъ словомъ, можно сказать, что населеніе московскихъ сотенъ и слободъ было по преимуществу ремесленное.

Общее количество ремесленниковъ, зарегистрованныхъ этой переписью, выражается въ цифрѣ 2367. Правда, сдѣлаемъ оговорку, что въ это число мы вносимъ и нѣкоторыя изъ такихъ профессій, относительно которыхъ можетъ существовать справедливое сомнѣніе въ ихъ принадлежности къ ремесленному классу въ собственномъ смыслѣ, какъ, напр., лицъ, занимавшихся извознымъ промысломъ, наймомъ и проч., или такихъ лицъ, относительно которыхъ трудно сказать, были ли они ремесленниками въ собственномъ смыслѣ, или ихъ промыселъ соединялся съ торговлей, какъ квасники, калачники и проч. Въ этихъ случаяхъ между ремесломъ, промысломъ и торгомъ существуетъ едва замѣтная грань, такъ что раздѣленіе этихъ двухъ понятій было бы совершенно искусственнымъ. Такимъ образомъ, въ этой таблицѣ, какъ и въ другихъ, мы соединяемъ эти ре-

месла и промыслы; не соглашающіеся съ такимъ раздѣленіемъ легко могутъ ихъ выдѣлить. Во всякомъ случаѣ такое объединеніе даетъ болѣе точное понятіе о распредѣленіи различныхъ промысловыхъ и ремесленныхъ профессій старой Москвы.

Приводя ниже въ таблицѣ полученныя нами данныя, мы тутъ же замѣтимъ, что, какъ естественно и ожидать, профессіи наиболѣе рѣдкія, наименѣе нужныя для тогдашняго жизненнаго обихода, встрѣчаются въ видѣ единичныхъ явленій. Поэтому наша таблица даетъ возможность опредѣлить, какія профессіи и ремесла являлись наиболѣе распространенными, и въ какихъ населеніе Москвы менѣе нуждалось, или какія изъ ремеслъ, въ той или другой мѣрѣ, удовлетворяли нуждамъ обширной столицы.

	Всего.	%-е отношеніе къ общ. числу.
Металлическія издѣлія *): кузнецы (113), самопальные мастера (ствольники, станочники и замочники) (17), пушкари (248), пушечные литцы, кузнецы и мастера (8), пушечные рѣзцы (1), литцы (1), латные мастера (1), ножевники (1), оловянишники (4), паникадильщики (14), рѣзцы (1), словолитцы (1), плавильные мастера (3), колокольники (5), подковщики (1), бронные мастера (11), пугвишники (8), паяльщики (7), трубники (6), удильщики (1), часовники (1), пряжники (1), оковщики (1), точильщики (1), рѣшеточники (1), скобельщики (3) (скобель ножъ съ двумя рукоятками), мисники (1), мѣдники (4), желѣзники (2), замочники (3), игольники (7), котельники (20) . .	497	21
Приготовленіе продуктовъ изъ хлѣба: квасники и сусленники (49), хлѣбники (52), калачники (80), пряничники и пирожники (43), блинники (17), крупеники (5), сытники (14), житники (12), харчевники (10), просвирницы (50), грешневики (1), кисельники (3), солодовники (28), мушники (17), пивовары (9), медовщики (6), винокуры (1).	397	17
Изготовленіе одежды: портные мастера (119), сермяжники (2), подкладники (4), покромщики (22), монатейщики (3), кафтанники (4), завязочники (2), сарафанники (12), свитники (1), подвязочники (6), шатерники (3), щепетинники (3), шапочники (63), колпачники (8), шляпочники (1), чулочники (3), рукавишники (19).	275	11
Разные промыслы: извощики (208), ярыжники (1), судовщики (2), пастухи (7), водоливы (5), пильщики (1) колодезники (2), рыболовы (1), банщики (14), дровосѣки (3)	244	10
Обработка дерева: дегтяри (2), плотники (131), деревщики (1), коробейщики (6), лѣсники (3), клѣтники (30), обручники (7), судники (3), болванники (6), телѣжники (7), колымажники (8), стрѣльники (1), бердники (1), фонарники (2), лапотники (1), зо́льники (1), спишники (1)—(спичка трость) .	211	9,5
Обработка кожи и издѣлія изъ кожи: кожевники (9), овчинники (12), стригальники (2), гладильщики (1), уздники (4), сырейщики (5), сѣдельники (11), сыромятники (1), шлейники (2), переплетчики (7), подошвенники (7), колошники (1), каблучники (1), саадашники (1), тебеньщики (1), плетники (1), хозовники (1), мочильщики (1—мочка-ремень), сапожники (142)	210	9,5
Скорняжное дѣло: шубники (20), скорняки (64), пушники (13), бобровники (16), собольники (1), векошники (2)	116	5,6
Издѣлія изъ золота и серебра: серебряники (57), сусальники (6), золотошвейники (1), золотари (1), алмазники (4), ожерелейники (1), канительщики (4), золотыхъ дѣлъ мастера (1)	75	3
Обработка химическихъ продуктовъ, глины и кости: зелейщики (12), красильники (13), мыльники (8), бѣлильники (3), крашенинники (4), селитренные мастера (5), бумажники (2), стекольщики и зеркальщики (8), муравщики (1), каменьщики (4), гончари (3), печники (2), гребенщики (4)	69	3
Книгопечатное дѣло: наборщики (9), печатные мастеровые люди (29), батыщики (17), тередорщики (9)	64	2,6

*) Въ скобахъ поставлено число лицъ, зарегистрованныхъ по каждой данной профессіи.

Денежное дѣло: денежные мастера (38), дрягили (1)	39	1,6
Иконное дѣло: иконники (29), крестецники (4), золотописцы (2), знаменщики (1)	36	1,4
Обработка волокнистыхъ веществъ: войлочники (2), канатчики (2), шелковщики (2), холщевники (15)	21	0,88
Интеллигентныя профессіи: артисты: потѣшники (1), домерщики (1), гусельники (1), рожечники (4), миндерщики (1), рудометы (3), аптекари (1), конскіе мастера и коновалы (4), чертежники (2)	18	0,76
Охотничье дѣло: охотники (8), кречатники (2), пичужники (2)	12	0,48
Мельничное дѣло: мельники (9), мельничные мастера (1)	10	0,13
Ученики разные	68	3
Мастера неизвѣстныхъ профессій	5	0,2
ИТОГО	2367	100%

Что касается соотвѣтствія полученныхъ нами чиселъ съ дѣйствительностью, то необходимо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ въ Москвѣ было больше мастеровыхъ, чѣмъ то число ихъ, которое занесено въ перепись. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что дворцовые ремесленники, не несшіе тягла, въ перепись не вошли. Нѣкоторыя профессіи, подлежавшія переписи, «учинились сильны» и не хотѣли давать о себѣ показаній; въ однихъ мѣстахъ Москвы «учинились сильны» извозчики, а въ другихъ кузнецы и пушечные мастера.

Имѣется еще возможность сдѣлать одно дополненіе къ численному составу переписи. Три года спустя послѣ переписи, была составлена спеціальная перепись московскихъ кузницъ, принадлежащихъ какъ посадскимъ людямъ, такъ и бѣломѣстцамъ. Тогда было зарегистровано 152 кузницы, изъ которыхъ однако 24 стояли впустѣ. Во всѣхъ дѣйствующихъ 128 кузницахъ зарегистровано работающихъ кузнецовъ, хозяевъ, работавшихъ въ кузницѣ, арендаторовъ и наемныхъ рабочихъ 172 человѣка.

Очень любопытна спеціализація кузнечнаго дѣла, зарегистрованная описью 1641 года. Оказывается, что всякое мелкое и черное кузнечное дѣло производилось въ 91 кузницѣ; слѣдовательно, таково было количество кузницъ въ собственномъ смыслѣ слова. Затѣмъ, въ 20-ти кузницахъ рабочею спеціальностью показана выработка подковъ, въ 4-хъ—выработка ножей; работа мельничныхъ снастей и сапожныхъ скобъ имѣла по каждой спеціальности по 3 кузницы, сабли вырабатывались въ двухъ, топоры тоже въ двухъ, одна имѣла довольно разностороннюю спеціальность—выработка оружія, замковъ и разнаго чернаго дѣла. Данныя переписи кузницъ 1641 года по существу не различаются въ большой мѣрѣ отъ данныхъ 1638 года, такъ какъ въ опредѣленіи спеціальности допустимы нѣкоторыя неточности при переписи послѣдняго года, но зато перепись 1640 г. вскрываетъ передъ нами одну изъ любопытныхъ частностей столь важнаго тогда ремесла.

Теперь перейдемъ къ выясненію вопроса о матеріальномъ положеніи ремесленниковъ. Здѣсь прежде всего насъ долженъ интересовать вопросъ о существовавшихъ соотношеніяхъ между производителемъ и потребителемъ. Безспорно, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Москвѣ, если не по отношенію и къ другимъ крупнымъ центрамъ XVII вѣка, можно высказать то утвержденіе, что мастеровой дѣлалъ свою работу не только по

Боголюбовъ.

Въ Подмосковной.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

заказу отдѣльныхъ лицъ, но и на рынокъ. По крайней мѣрѣ на московскомъ рынкѣ можно было купить самые разнообразные предметы, вышедшіе изъ ремесленныхъ мастерскихъ. Не говоря о такихъ сложныхъ предметахъ, какими являются художественыя издѣлія, экипажи, оружіе и т. п., даже такіе несложные по способу изготовленія предметы, какъ обувь, принадлежности костюма и бѣлье, можно было пріобрѣсть на московскомъ рынкѣ въ готовомъ видѣ. Все это очень легко установить, просматривая приходо-расходныя записи дворцовыхъ приказовъ и частныхъ лицъ. Что касается нѣкоторыхъ ремеслъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе крупнаго масштаба, то въ нихъ, повидимому, преобладала система непосредственныхъ сношеній потребителя съ производителемъ. Такъ, серебряники, скорняки являлись сами и продавцами своихъ издѣлій; въ кузнечномъ дѣлѣ преобладала система единичныхъ заказовъ. Покупка въ лавкахъ шапокъ, рукавицъ, штановъ, сапоговъ, деревянныхъ издѣлій и т. п. указываетъ на то, что въ области этихъ ремеслъ торговое посредничество было обычнымъ элементовъ.

Вообще надо полагать для XVII вѣка смѣшанную систему отношеній между потребителемъ и производителемъ, при чемъ можно сдѣлать любопытное наблюденіе, просматривая въ хронологическомъ порядкѣ приходо-расходныя записи: въ началѣ XVII вѣка преобладаетъ система заказовъ. Заказы эти отличались нѣкоторыми особенностями: мастеровой получалъ отъ заказчика весь матеріалъ или по разсчету деньги на каждую часть матеріала и особо плату за работу. Онъ нерѣдко работалъ въ домѣ заказчика, потому что среди расхода часто встрѣчаемъ и расходъ на сальныя свѣчи: при такихъ условіяхъ, напр., работали портные. Иногда даже довольно сложныя вещи заказывались такимъ же образомъ: напр., для приготовленія восковыхъ свѣчей закупалось извѣстное количество бумаги, воску, и мастеръ получалъ только за работу. Серебряныя издѣлія, напр. иконные оклады, заказывались такимъ же образомъ. Никонъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ еще въ санѣ новгородскаго митрополита, сравнительно рѣдко покупалъ вещи въ готовомъ видѣ, предпочитая систему заказовъ. Даже мука не всегда покупалась въ готовомъ видѣ, но покупали рожь и мололи ее на мельницѣ. Къ концу XVII вѣка эта разсчетливость начинаетъ уступать другому пріему—заказу той или иной вещи ремесленнику полностью. Можетъ быть, эта система стала преобладать у болѣе состоятельныхъ заказчиковъ, а менѣе состоятельные держались прежней системы: по крайней мѣрѣ дворцовые приказы, ранѣе дѣлавшіе заказы свои точно такимъ же образомъ, какъ и Никонъ, къ концу XVII вѣка почти исключительно примѣняютъ систему заказа того или другого предмета полностью одному мастеру, не прибѣгая къ выдачѣ матеріала или отдѣльныхъ частей его, или къ разсчету каждой части въ отдѣльности.

Итакъ, уже въ XVII вѣкѣ существовали смѣшанныя отношенія между производителемъ и потребителемъ, при чемъ принимало извѣстное участіе и торговое посредничество.

Что касается заказовъ болѣе сложныхъ предметовъ, напр., устройство хоромъ и т. д., то тутъ примѣнялась система подрядовъ, при чемъ под-

рядчиками или уговорщиками являлись отдѣльные предприниматели, въ крупныхъ случаяхъ капиталисты, бравшіе заказъ единолично или въ компаніи, или сами ремесленники, вѣроятно, на артельныхъ началахъ.

Кромѣ наемныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ слова, въ мастерскихъ работаютъ еще захребетники и ученики. Ученики были въ самыхъ различныхъ мастерскихъ, напр., въ портняжномъ дѣлѣ, въ шапочномъ, серебряномъ, иконописномъ и т. д. Иногда бывало по нѣсколько учениковъ, напр. по три., Что касается захребетниковъ, то общее количество ихъ довольно легко поддается учету, хотя указанія на численный составъ мастерскихъ являются лишь единичными. Такъ, напр., у броннаго мастера Стрѣльникова въ числѣ захребетниковъ упоминаются одинъ захребетникъ и сынъ. У пирожника Юшки Перфильева — два захребетника изъ нижегородскихъ посадскихъ людей, которые вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ жили въ одномъ подклѣтѣ. У иконника Ивашки Никитина одинъ захребетникъ. У одного подошвенника встрѣчаемъ захребетника и т. д. Даже у нищихъ были захребетники: у одного нищаго было 6 человѣкъ захребетниковъ. Изъ этихъ немногихъ частныхъ примѣровъ видно, что вообще въ мастерскихъ количество захребетниковъ было, повидимому, очень невелико. Въ самомъ дѣлѣ, на 626 посадскихъ ремесленниковъ, относительно которыхъ имѣются свѣдѣнія по сбору пятинныхъ денегъ 142 года, приходится 138 захребетниковъ ремесленниковъ же. Это и есть приблизительно то количество рабочихъ изъ числа захребетниковъ, которые работали въ мастерскихъ своихъ хозяевъ. Слѣдовательно, далеко не всѣ мастерскія имѣли по крайней мѣрѣ этотъ контингентъ рабочихъ. Любопытно, что наибольшее количество ихъ мы встрѣчаемъ какъ разъ въ тѣхъ профессіяхъ, которыя по существу своему требовали подспорныхъ рабочихъ рукъ: напр., въ мастерскихъ по выработкѣ металлическихъ издѣлій можно насчитать самое большое число захребетниковъ, именно 28 человѣкъ. Такимъ же характеромъ отличается работа въ кожевенномъ дѣлѣ, почему здѣсь мы встрѣчаемъ 13 захребетниковъ въ разныхъ отрасляхъ этого дѣла, а у однихъ только сапожниковъ ихъ было 11 человѣкъ. Такое же число захребетниковъ встрѣчаемъ въ плотничьемъ дѣлѣ, въ портняжномъ — 8 челов., въ скорняжномъ — 7, и далѣе уже идутъ единичные случаи. Довольно значительное количество захребетниковъ среди извозчиковъ, ярыгъ и т. п. рабочихъ (29 человѣкъ) объясняется, конечно, тѣмъ, что захребетники, не обладавшіе никакимъ мастерствомъ, посылались своими хозяевами на эти работы. Осторожность, однако, требуетъ сдѣлать одну оговорку: количество захребетниковъ того или другого дѣла не означаетъ еще, что всѣ они работали въ мастерской своихъ хозяевъ, мастеровъ того же ремесла, такъ какъ, напр., встрѣчаемъ и такой фактъ, что у тяглеца суконной сотни, сапожнаго мастера по спеціальности, живетъ въ захребетникахъ шубникъ. Но, по всей вѣроятности, подобнаго рода факты являются единичными.

Кромѣ учениковъ и захребетниковъ въ мастерскихъ мы встрѣчаемъ и наемныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ. Количество ихъ однако весьма невелико. Такъ, встрѣчаемъ по одному наемному рабочему у пи-

рожника, у портного мастера, у калашника. Примѣненіе труда наемныхъ рабочихъ опять таки было болѣе значительнымъ въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ по существу требовался рабочій. Тутъ опять выдвигается кузнечное дѣло, о которомъ у насъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія.

Въ 1641 году для сибирской посылки приказано было переписать кузницы въ Москвѣ и въ слободахъ. Въ эту перепись вошло всего 152 кузнечныхъ мастерскихъ, изъ которыхъ 24 стояло пустыми. Изъ дѣйствовавшихъ 128 кузницъ въ 83-хъ работали сами владѣльцы кузницъ; сверхъ того, въ 6 кузницахъ работалъ самъ владѣлецъ при помощи наемныхъ рабочихъ, въ пяти кузницахъ было по одному рабочему и въ одной — даже 2 рабочихъ. Въ остальныхъ сами владѣльцы не работали, при чемъ въ 15-ти кузницахъ были наемные рабочіе (въ 2-хъ кузницахъ по два рабочихъ, въ остальныхъ—по одному); остальные 24 сдавались въ аренду, при чемъ одна изъ нихъ имѣла двухъ рабочихъ, остальныя по одному. Такимъ образомъ меньшей половинѣ кузнечныхъ рабочихъ было не подъ силу пріобрѣтеніе собственной мастерской и орудій производства.

Какъ ни мало у насъ свѣдѣній о стоимости орудій производства и вообще о томъ капиталѣ, который долженъ оставить мастеровой на оборудованіе мастерской, все же довольно ясно, что въ сложныхъ профессіяхъ для оборудованія требовался предпринимательскій капиталъ. Это доказывается сравнительно невысокимъ размѣромъ заработной платы, а также другими данными, характеризующими вообще матеріальный бытъ московскаго рабочаго въ довольно мрачномъ свѣтѣ. На Олеарія московскіе ремесленники не производили впечатлѣнія сколько-нибудь состоятельнаго класса. «Для ихъ плохой жизни», говоритъ онъ, «требуется немного, и они трудами рукъ своихъ добываютъ себѣ въ такой большой общинѣ, какъ Москва, денегъ на пищу и на чарку водки и могутъ пропитать себя и своихъ родныхъ». Другой иностранецъ Петръ Петрей, видѣвшій Москву на полстолѣтія раньше, говоритъ о московской бѣднотѣ тоже въ довольно мрачномъ тонѣ.

Когда въ Москвѣ было созвано извѣстное совѣщаніе гостей и торговыхъ людей въ годы выпуска мѣдныхъ денегъ, по вопросу о томъ, почему въ Москвѣ учинилась дороговизна хлѣба, то московскіе гости и торговые люди гостиной сотни, между прочимъ, объясняли возросшую дороговизну слѣдующимъ образомъ: «на Москвѣ и въ городѣхъ учинилися русскіе товары: шапки, сапоги, сѣдла, узды и прочіе всякіе мастерскіе товары и съѣстные всякіе запасы дороги отъ хлѣба потому, что въ прежнихъ лѣтехъ можно было мастерскому человѣку и съ женою быти сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастерскому человѣку одного хлѣба саму другу надобно на 20 алтынъ». Тогда же и въ такихъ же выраженіяхъ характеризовали положеніе ремесленниковъ и выборные отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ. Такъ въ представленіи московскихъ торговыхъ людей отложилась средняя обычная оцѣнка ремесленнаго труда. Ее можно признать вполнѣ точной, какъ среднюю цѣну рабочаго дня почти для всего столѣтія, съ нѣкоторыми отклоненіями въ томъ смыслѣ, что болѣе сложныя спеціальности оплачивались дороже и менѣе сложныя

оплачивались иногда на 2 деньги меньше. Около того же времени ученики живописнаго дѣла обратились къ царю Алексѣю Михайловичу съ челобитной, въ которой указывали: «Работаемъ мы, холопи твои, всякіе твои Великаго Государя живописные дѣла безпрестанно, а твоего Государева жалованья поденнаго корму учинено намъ на день по алтыну; и тѣмъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у твоего Государева безпрестаннаго дѣла, прокормитца не чѣмъ; а людишки бѣдные, платьишкомъ ободрались и обувью обносились, ходимъ наги и босы; а нашей братьѣ, серебреные палаты ученикомъ, корму идетъ на день по два алтына, да имъ же выдано на рубашки холсты и шапки и рукавицы, а намъ холопемъ твоимъ того твоего Государева жалованья ничего не дано». По этой сказкѣ не мастера, а ученики получали алтынное жалованье, но это потому, что это были ученики такого мастерства, для котораго требовался особо подготовленный рабочій, и вообще иконописное мастерство оплачивалось значительно дороже; ученики серебрянаго дѣла получали даже 2-алтынную плату съ прибавкой одежды, опять-таки по той же причинѣ.

Вообще говоря, если исключить небольшое число мастеровъ, обладавшихъ болѣе тонкою спеціальностью и получавшихъ сравнительно значительный окладъ годового жалованья и хлѣбнаго корму на придворной службѣ, то заработная плата рядового мастера различныхъ профессій колебалась сравнительно незначительно. Придворные живописцы и иконописцы, иностранные мастера получали оклады, которыхъ нѣтъ нужды сравнивать съ обычной расцѣнкой рабочаго люда. Трудъ иконописцевъ подвергался наиболѣе индивидуальной таксировкѣ. Такъ, въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія иконописцы, вызванные изъ разныхъ городовъ, получали по 10 денегъ въ день, а иногда и по одному алтыну; нѣкоторые изъ нихъ получали отъ 2 до 3 алтынъ; встрѣчаемъ и оплату дня въ 40 денегъ—это уже очень высокая плата. При иконописномъ дѣлѣ нѣкоторыя спеціальности также цѣнились довольно высоко: напр., золотильщики получали по 30 ден. въ день, олифельщики—отъ 3 алт. 1 д. до 30 денегъ. Другія спеціальности, примѣнявшіяся въ томъ же дѣлѣ, не подлежали такой усиленной оплатѣ: напр., травщики получали только по 1 алт. 4 ден. въ день, а терщики—всего по 8 денегъ въ день, т. е. плату, которой не всегда довольствовался ярыга. Относительно еще выше оплачивались такія профессіи, какъ водяного взвода мастера и водоливы, получавшіе по два алтына въ день въ 40-хъ годахъ, затѣмъ трудъ каменщиковъ. Въ оцѣнкѣ труда каменщиковъ можно сдѣлать слѣдующія любопытныя наблюденія. Сейчасъ послѣ разоренія Москвы въ 1613 году каменщики получали, какъ подмастерья, такъ и мастера, по тому времени очень высокую поденную плату—по 2 алтына въ день; эта поденная плата, съ колебаніемъ отъ 10 денегъ до 2 алтынъ, держится еще въ половинѣ XVII столѣтія, когда каменное дѣло недостаточно еще развилось, но къ концу XVII вѣка, на рубежѣ XVIII, трудъ каменщиковъ оцѣнивается уже ниже другихъ ремеслъ, по 8 денегъ въ день, тогда какъ въ другихъ мастерствахъ оплата труда увеличилась за это время; отсюда естественно предположить объ увеличеніи количества рабочихъ этого мастерства къ концу

Подмосковная кн. Голицыныхъ. *Кузьминки.*

Въ саду у Найденова въ Москвѣ.

XVII вѣка. Поденный трудъ серебряныхъ мастеровъ оцѣнивался всего по 1 алтыну въ день, каковую плату получали иногда и ученики серебрянаго дѣла. Въ металлическихъ мастерствахъ день ствольнаго мастера оплачивался въ половинѣ XVII стол. въ полтора алтына, мѣдника—въ 1 алт. 2 деньги; рядовой кузнецъ въ 20-хъ годахъ того же столѣтія получалъ всего по одному алтыну. Для полноты укажемъ еще на нѣкоторые случаи оплаты труда: въ 40-хъ годахъ фонарники получали отъ 8 до 10 денегъ въ день. Трудъ гончаровъ, печниковъ оплачивали довольно низко, не дороже труда обыкновенныхъ ярыгъ, бравшихся для того или для другого дѣла: такъ, всѣ названныя профессіи получали въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія отъ 6 до 8 денегъ, между тѣмъ простой ярыга въ 40-хъ годахъ получалъ обычныхъ 10—11 денегъ въ день. Трудъ плотниковъ и портныхъ мастеровъ также расцѣнивается не высоко. Принадлежавшіе къ портняжному разряду шатерные мастера получали въ теченіе всего столѣтія отъ 1 алт. до 10 ден. въ день. Трудъ портного мастера въ началѣ столѣтія довольно устойчиво оцѣнивался въ одинъ алтынъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, при болѣе сложныхъ работахъ женскихъ одеждъ, оплачивался въ 8 денегъ; съ половины столѣтія и до конца цѣна рабочаго дня также устойчиво держится въ 10 денегъ, хотя закройщики и шапочники въ это время уже получаютъ по 3 алт. 2 ден. Плотничьи мастера въ началѣ столѣтія также устойчиво получаютъ обыкновенно по 6 ден. въ день, хотя для плотничьихъ старостъ въ лѣтнее время цѣна рабочаго дня подымается до 8 денегъ, а съ половины столѣтія рабочій день опять таки довольно устойчиво держится оплаты въ 10 денегъ. Трудъ оконичнаго мастера по оплатѣ мало отличался отъ другихъ видовъ того же ремесла, подымаясь отъ 1 алтына до 10 денегъ.

Вообще, подводя итоги сказанному, можно придти къ тому заключенію, что дѣйствительно алтынная оплата поденнаго труда для огромнаго количества ремеслъ была въ общемъ минимальной оплатой въ теченіе всей 1-й половины XVII столѣтія, колеблясь отъ 1 алтына до 10 денегъ. Приблизительно около половины того же столѣтія происходитъ нѣкоторое повышеніе заработной платы, выражающееся въ томъ, что средней низшей нормой оцѣнки рабочаго дня является оплата въ 10 денегъ, при чемъ эта плата подымается для болѣе дорогихъ спеціальностей до 12 и даже до 14 алтынъ. Такъ, московскіе торговые люди были совершенно правы, опредѣляя минимальную потребность рабочаго въ размѣрѣ алтынаго хлѣба въ день.

Во всякомъ случаѣ предыдущія данныя даютъ возможность опереться на самый существенный элементъ для опредѣленія матеріальнаго положенія рабочаго, именно на дневную заработную плату. Теперь является очень важный вопросъ о томъ, насколько выведенная средняя заработая плата могла удовлетворять потребностямъ рабочаго населенія Москвы. Вообще говоря, такія деньги, какъ алтынъ или 10 денегъ, на московскій счетъ были небольшими деньгами. Люди съ положеніемъ давали «на чай» по 4 деньги, правда, государевымъ истопникамъ, приносившимъ пищу отъ государева стола. Иногда давали и больше. Духовные люди давали милостыню

пищимъ по 2 деньги. Никонъ, живучи въ Москвѣ еще въ санѣ митрополита, иногда черезъ день, иногда ежедневно выдавалъ своему келейнику на хлѣбъ, калачи и хрѣнъ для митрополичьяго стола по 4, а часто по 6 денегъ; такимъ образомъ митрополитъ потреблялъ хлѣба и хрѣну почти на сумму рабочаго дня, правда, повидимому, при очень суровомъ пищевомъ режимѣ.

Приведенныя выше данныя представляютъ собою весьма важный матеріалъ для характеристики ремесленнаго и частью вообще торгово-промышленнаго класса Москвы первой половины XVII вѣка. Эти данныя рисуютъ намъ большой городъ съ широко-развитою торговлею и ремесленнымъ производствомъ, переходящимъ частью въ фабрично-заводское. Низы этого города и частью срединный его элементъ представляютъ собою довольно мало обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи классъ. Несмотря на удовлетворительную, въ соотвѣтствіи со стоимостью первичныхъ продуктовъ потребленія, рабочую плату нельзя не замѣтить, что въ общемъ столица скопила въ нѣдрахъ своихъ весьма численное, но экономически слабое, бѣдное достаткомъ и капиталомъ ремесленное и частью торговое населеніе. Въ самомъ дѣлѣ, неремесленные тяглецы, наполнявшіе московскія сотни и слободы, какъ мы только что видѣли, въ среднемъ не являются зажиточнымъ элементомъ, а эти тяглецы и представляли собою часть торговаго населенія столицы, занимавшагося, очевидно, мелкимъ торгомъ и промыслами. Надо однако замѣтить, что въ нашемъ распоряженіи, къ сожалѣнію, весьма неполный матеріалъ, именно такой матеріалъ, который преимущественно характеризуетъ окраинное населеніе столицы и только часть болѣе центральной ея мѣстности. Для учета экономическаго положенія ремесленнаго класса нашъ матеріалъ является вполнѣ удовлетворительнымъ по количеству наблюденій, которыя онъ собою представляетъ. Въ самомъ дѣлѣ, такія слободы, какъ Ново-Алексѣевская, Екатерининская, Голутвенная, Воронцовская, Ново-Заяузская, описаніемъ которыхъ мы выше пользовались, представляли собою уже окраины Москвы. Другія слободы и сотни, матеріаломъ которыхъ мы также располагали, какъ Срѣтенская, Мясницкая, Покровская, Ордынская, Кожевницкая, Новгородская, Устюжская и Кузнецкая, представляютъ собою такія части Москвы, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивалось болѣе или менѣе среднее по своему матеріальному положенію торгово-промышленное населеніе.

Нельзя не пожалѣть, что, пока не удалось найти данныхъ, характеризующихъ экономическую мощь болѣе состоятельныхъ сотенъ, особенно Кадашевской и Садовничей. Между тѣмъ по всѣмъ даннымъ видно, что именно въ этихъ сотняхъ сосредоточивался наиболѣе состоятельный торговый и промышленный классъ Москвы. Въ самомъ дѣлѣ 60 тяглецовъ Конюшенной овчинной слободы, занимавшіеся торгомъ и промысломъ въ кожевенномъ дѣлѣ, которое, какъ мы видѣли, вообще было въ числѣ экономически мощныхъ отраслей промышленности, заплатили въ 1663 году пятиннаго сбору 746 руб., при чемъ половина изъ числа плательщиковъ уплачивала менѣе 10 руб., въ среднемъ около 3 руб. каждый,

изъ остальной половины болѣе состоятельныхъ каждый уплатилъ пятиннаго налога около 21 съ четвертью рубля. Слѣдовательно, въ общемъ населеніе Копюшенной овчинной слободы оказывается въ среднемъ зажиточнѣе населенія тѣхъ слободъ, данныя относительно которыхъ мы имѣемъ по сбору пятины 1634 года. Мало того, мы можемъ привести и голую цифру пятиннаго сбора 1634 года, взятаго на тяглецахъ Садовничей слободы, — именно окладъ ея былъ въ 3511 руб. 26 алт. Однимъ словомъ, это указываетъ намъ на то, что при бѣдности московскихъ низовъ и даже при маломъ достаткѣ срединнаго тяглеца, надъ уровнемъ этихъ элементовъ подымались весьма состоятельные верхи тогдашняго торгово-промышленнаго класса, капиталисты въ собственномъ смыслѣ слова. Достаточно сказать, что обычно весьма немногочисленная суконная сотня въ 1634 году уплатила окладъ пятинной деньги 6437 р. 13 ал. 2 д., что составляетъ почти $^3/_4$ того оклада, который уплатили тогда же всѣ 14 сотенъ и слободъ, свѣдѣнія о которыхъ сохранились. Такимъ образомъ, почти $2^1/_2$ тысячи дворовыхъ мѣстъ, т. е. отдѣльныхъ хозяйствъ этихъ слободъ и сотенъ уплатили почти столько же, сколько уплатило нѣсколько десятковъ торговыхъ людей суконной сотни (вообще «полныхъ» членовъ суконной сотни даже и въ 1649 году насчитывалось всего 42 человѣка, остальные были въ числѣ обнищавшихъ, а для 1634 года едва ли можно предполагать число членовъ суконной сотни болѣе 40 человѣкъ). Разумѣется, по размѣрамъ капитала членовъ гостинной и суконной сотенъ въ сильной мѣрѣ превосходили гости, капиталъ которыхъ, по утвержденію Котошихина, простирался отъ 20 до 100 тысячъ тогдашнихъ рублей. Это уже милліонеры въ нашемъ смыслѣ слова. Очевидно, основа торговой жизни Москвы сосредоточивалась въ рукахъ относительно небольшой группы капиталистовъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что Москва заняла доминирующее положеніе въ торговлѣ, притягивая къ себѣ всѣ экономическіе интересы огромной страны и заправляя этими интересами.

Западное вліяніе въ Московскомъ Государствѣ въ XVI—XVII в.в.

В. Я. Уланова.

I.

Западное вліяніе въ Россіи представляется настолько сложнымъ явленіемъ, оно проявлялось такими разнообразными, переплетающимися путями, что трудно установить позицію, съ которой бы удобно было обозрѣть этотъ процессъ во всей полнотѣ и разнообразіи его проявленія, и это тѣмъ болѣе, что сущность его скорѣе психологическая, чѣмъ матеріальная, скорѣе поддается чутью и построеннымъ на отвлеченныхъ соображеніяхъ выводамъ, чѣмъ наглядному учету составляющихъ его матеріальныхъ слагаемыхъ. Это не значитъ, что XVI—XVII в.в. не оставили по себѣ наглядныхъ свидѣтельствъ и памятниковъ съ яснымъ штемпелемъ западнаго вліянія, но это значитъ, что памятники эти далеко не обнимаютъ всей полноты переживаній, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ и наглядымъ воплощеніемъ этихъ переживаній. Въ палатахъ московскаго царя, въ пріемной его боярина мы видимъ цымбалы, нѣмецкіе органы—явный знакъ проникновенія въ домашній обиходъ русскаго человѣка *западныхъ* средствъ удовлетворенія эстетическихъ запросовъ русской души... Стѣны царскихъ, патріаршихъ и боярскихъ палатъ украшены картинами съ «живства»—живописными «парсунами» такъ же, какъ въ избахъ низшихъ классовъ можно было встрѣтить фряжскіе и нѣмецкіе потѣшные листы, самое названіе, происхожденіе и содержаніе которыхъ не даютъ сомнѣваться, что ими вносилось въ домостроевскую атмосферу дыханіе западной культуры; но больше этого ничего не говорятъ намъ эти цымбалы, живописные портреты и фряжскіе листы. На нихъ и тѣни нѣтъ тѣхъ обрядовыхъ сомнѣній, традиціонной боязни новшества и борьбы съ домостроевскими «прещеніями», которыя предшествовали рѣшенію въ домашній обиходъ, пропитанный лампаднымъ масломъ, ладономъ и монотоннымъ исполненіемъ затверженныхъ молитвъ и молитвенныхъ междометій, ввести волны музыкальныхъ звуковъ, вызывающихъ совсѣмъ иныя на-

строенія, чѣмъ тѣ, которыя зарождались въ домостроевской атмосферѣ,—рѣшенію на тѣхъ же стѣнахъ, въ святыхъ углахъ которыхъ висѣли безстрастные, застывшіе въ суровыхъ позахъ аскетически-безжизненные лики святыхъ, повѣсить живописные портреты, по живости лицъ и позы, по потѣшности сценъ и яркости красокъ составлявшіе слишкомъ замѣтный и оскорбительный для освященныхъ иконъ и связаннаго съ ними поклоненія контрастъ...

Если предметы съ западнымъ штемпелемъ ничего не говорятъ о томъ, какъ, подъ ихъ воздѣйствіемъ, преодолѣвалъ въ себѣ старую закваску нашъ предокъ, то, съ другой стороны, дошедшія до насъ рѣчи и сцены, характерныя для этихъ переживаній, слишкомъ индивидуальны и немногочисленны, чтобы въ нихъ мы могли найти полное и вѣрное отраженіе чувствъ и мыслей всѣхъ тѣхъ элементовъ, которыхъ такъ или иначе захлестнули волны западныхъ вліяній. Съ одной стороны, мы видимъ, какъ отдѣльныя лица испытываютъ жажду западной культуры, трепетно ища ея въ ночныхъ бесѣдахъ съ иностранцами при глухо закрытыхъ дверяхъ (кн. Голицынъ), въ опасномъ для себя и близкихъ бѣгствѣ за границу, которое вызвано было тѣмъ, что человѣкъ, тронутый западными вѣяніями (сынъ Ордына-Нащокина), чувствовалъ себя на родинѣ, какъ въ пустынѣ: «На Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жити не съ кѣмъ», говорилъ ранній западникъ (кн. И. Хворостинъ). Съ другой стороны, раздаются возгласы, проклинающіе «прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный», объявляющіе, что «богомерзостенъ предъ Богомъ всякъ, любяй геометрію», и такіе возгласы слышатся не только отъ человѣка, который ставитъ въ заслугу себѣ, что: «элинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ»,—такіе сами не знали, что отрицали; но наряду съ ними встрѣчаются лица, какъ, напр., Лучка Голосовъ, которые сами изучали латынь и познакомились съ западной мудростью; тѣмъ не менѣе они поднимаютъ знамя возстанія противъ этой западной стихіи: «Знать латинскій языкъ не для чего, и многія въ немъ ереси... Впредь учиться никакъ не хочу: кто по-латыни ни учился, тотъ съ праваго пути совратился»...

И тѣ, и другія выраженія отношеній къ Западу представляются намъ крайностями отдѣльныхъ лицъ, и едва ли могутъ считаться за типичное отношеніе къ западной культурѣ безмолвныхъ для насъ массъ, въ тихомолку, можетъ быть, безсознательно, незамѣтно для самихъ себя, проникавшихся повѣявшимъ съ Запада воздухомъ. Для выясненія предстоящей намъ задачи установимъ прежде всего *пути* распространенія западнаго вліянія, *формы и степень* проникновенія его въ народныя массы, а также отмѣтимъ *единичныя и общія явленія,* носящія на себѣ несомнѣнную печать *западнаго вліянія* или являющіяся сопутствующими ему измѣненіями въ московской жизни означеннаго и слѣдующаго за нимъ періода.

Торговыя, военныя и дипломатическія сношенія съ Западомъ, дѣятельность колоніи иностранцевъ въ Москвѣ и другихъ центрахъ, просвѣтительная дѣятельность южно-русскихъ выходцевъ, распространеніе иностранной и переводной литературы—вотъ тѣ шприцы, при посредствѣ которыхъ

вспрыскивался, по характерному выраженію современнаго историка, «ядъ европейской цивилизаціи» въ Русское Государство. Размѣры и пріемы этихъ инъекцій были неодинаковы на протяженіи взятаго нами періода. Переломнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи было Смутное время, когда съ очевидностью обнаружилась необходимость лѣченія приходившаго въ разруху Русскаго Государства, помимо сильно-дѣйствующихъ домашнихъ средствъ, усиленною дозою «заморскаго зелья».

До Смуты общество пассивно, съ наивнымъ любопытствомъ относилось къ вторгавшимся въ русскую среду иноземнымъ людямъ и привозимымъ ими диковинкамъ, по волѣ и съ разрѣшенія правительства. Послѣднее, поставленное границами объединеннаго Московскаго Государства въ сосѣдство съ западными народами, пробовало запугать западную дипломатію пышнымъ костюмомъ своихъ историческихъ и фантастическихъ титуловъ и притязаній, бряцая не столько азіатскимъ оружіемъ, не всегда надежнымъ, сколько дутою численностью своихъ силъ и средствъ.

Это раздуваніе существующаго и прикрытіе бутафоріей несуществующаго были вызваны впечатлѣніемъ отъ знакомства съ превосходствомъ западной культуры. Превосходство это было быстро сознано, и такъ же быстро отмѣчены отечественныя прорѣхи, которыя теперь и стремятся или зачинить на бѣлую нитку, отчасти западными же наемными силами и средствами; или прикрыть отъ взоровъ Западной Европы какою бы то ни было цѣною, задерживая силою присмотрѣвшихся къ русской жизни выходцевъ изъ чужихъ странъ, сообщая чрезъ приставовъ иностранцамъ-дипломатамъ небывалыя цифры и невѣроятныя характеристики. Уже со времени Ивана Грознаго чувствуется въ руководящихъ слояхъ Москвы неувѣренность въ устояхъ національной культуры, даже брезгливое отношеніе къ нимъ. Напомнимъ, какъ щеголяетъ кн. Курбскій предъ Западомъ и своимъ русскимъ корреспондентомъ схваченными налету обрывками европейской учености. Самъ Грозный, котораго славянофилы превратили въ идейнаго носителя и вдохновеннаго проявителя истинно-русскихъ началъ, не прочь былъ предъ западными мастерами отречься отъ родной культуры. Флетчеръ даетъ характерную въ этомъ отношеніи сценку. Отдавая слитки золота золотыхъ дѣлъ мастеру, англичанину, царь велѣлъ ему хорошенько смотрѣть за вѣсомъ.—«Русскіе мои всѣ воры», сказалъ Грозный. Мастеръ, слыша это, взглянулъ на царя и улыбнулся. Тогда царь, человѣкъ весьма проницательнаго ума, приказалъ объявить ему, чему онъ смѣется.—«Если ваше величество простите меня,—отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ,—то я вамъ объясню. Ваше величество изволили сказать, что русскіе всѣ воры, а между тѣмъ забыли, что вы сами русскій.»—«Я такъ и думалъ», отвѣчалъ Царь, «но ты ошибся: я не русскій, предки мои германцы»...

Даже православные отцы Стоглаваго Собора стыдятся за пороки своей паствы предъ мнѣніемъ иноземцевъ не менѣе, чѣмъ боятся божественной кары: «Садомская пагуба... многимъ людямъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель, а отъ множества народа и отъ *иновѣрныхъ поношеніе и укоризна* нашей православной христіанствѣй вѣрѣ» . Также «строи и бабы, отъ сновъ смущени, мнятъ пророчествовати и... по торгомъ ходятъ съ образами

безчинно, и о *томъ иноземцы и иновѣрцы дивятся*»... (Стогл. гл. 33 и 74).

Но, стыдясь мнѣнія иноземцевъ, когда передъ ними вскрывались особенно дикія стороны русскаго быта, руководящіе слои Руси далеки были отъ мысли передѣлывать національный укладъ по западному образцу. Наоборотъ, ихъ пугала мысль, что руководимое ими общество слишкомъ склонно нарушать хорошую старину и подражать иноземцамъ. Грозный, чуравшійся родства съ національной русской культурой, уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVI в. отмѣчалъ, что нѣкоторые «обычаи въ прежнія времена послѣ отца моего и до настоящаго времени поизшатались»... Въ тонъ ему Стоглавый Соборъ тоже билъ тревогу, заявляя, что въ то время, какъ «въ каждой странѣ (есть свой) законъ и отчина, а не приходятъ другъ къ другу, но своего обычая кійждо законъ держатъ, мы, православніи, законъ истинный отъ Бога пріемше, разныхъ странъ беззаконія воспріемше и осквернихомся ими» (гл. 4 и 39). Вся эта шумная націоналистическая тревога была вызвана всего-на-всего тѣмъ, что нѣкоторые «въ тридцать лѣтъ и старые главы и брады бреютъ и усъ подкусываютъ (по латынскому преданію), и платье и одежду иноземныхъ земель носятъ», а другіе «въ тафьяхъ безбожнаго Махмета въ церквахъ на молитвѣ стоятъ».

Этотъ сильный шумъ со стороны руководителей Московской Руси, поднятый ими изъ-за пустяковъ, обнаруживалъ подозрительную чувствительность и боязливость. Царь и его синклитъ, съ одной стороны, стыдились предъ иноземцами, когда предъ ними вскрывались, дѣйствительно, «смѣху достойные пороки и суевѣрія», способные уронить Русь въ глазахъ культурной Западной Европы; съ другой стороны, боялись проникновенія въ русскій бытъ «обычаевъ и беззаконій разныхъ странъ» отчасти, можетъ быть, изъ-за религіозной брезгливости и пуризма, какъ то объясняли отцы Собора, отчасти изъ опасенья возможной ломки отношеній и переворотовъ, могущихъ произойти отъ ознакомленія съ высшею культурою. Такъ, по крайней мѣрѣ, склонны были объяснять эту чужебоязнь современные ей иноземцы. По увѣренію Флетчера, русскіе «не имѣютъ тѣхъ средствъ, какія есть у другихъ народовъ для развитія ихъ дарованій воспитаніемъ и наукою. Правда, — замѣчаетъ онъ, — они могли бы заимствоваться въ этомъ случаѣ отъ поляковъ и другихъ сосѣдей своихъ; но уклоняются отъ нихъ изъ тщеславія, предпочитая свои обычаи обычаямъ всѣхъ другихъ странъ. Отчасти причина этому заключается и въ томъ, что образъ ихъ воспитанія, чуждый всякаго основательнаго образованія и гражданственности, признается ихъ властями самымъ лучшимъ для ихъ государства и наиболѣе согласнымъ съ ихъ образомъ правленія, *которое народъ едва ли бы сталъ переносить, еслибы получилъ какое-нибудь образованіе* и лучшее понятіе о Богѣ, равно какъ и хорошее устройство. *Съ этой цѣлью цари уничтожаютъ всѣ средства къ его улучшенію и стараются не допускать ничего иноземнаго, что могло бы измѣнить туземные обычаи...*» Это мнѣніе наблюдательнаго и очень освѣдомленнаго Флетчера подтверждается извѣстіемъ, что попытка Бориса Годунова вы-

писать иноземцевъ для обученія русскихъ иностраннымъ языкамъ потерпѣла неудачу вслѣдствіе настойчиваго представленія духовенства, что мѣра эта можетъ вызвать разбродъ и переворотъ въ государствѣ. Это стремленіе оградить московское общество отъ вліянія иноземной культуры, при потребности въ усвоеніи государствомъ техническихъ средствъ этой культуры, вызвало своеобразныя отношенія иноземцевъ къ русскимъ. Военно-техническія и промышленныя нужды удовлетворялись непосредственно западными силами и средствами: выписывались фабрикаты, нанимались мастера только правительствомъ; съ послѣднимъ иноземцы имѣли сношенія и для послѣдняго работали: московскихъ «людей» не допускали къ иноземцамъ, ни въ качествѣ учениковъ, ни въ качествѣ работодателей; да и заурядные московскіе люди скорѣе дивовались на иноземцевъ, чѣмъ интересовались ими и въ рѣдкихъ случаяхъ пріобрѣтали отъ нихъ, за остаткомъ отъ потребленія двора и государства, заморскіе товары и издѣлія. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о западномъ вліяніи на русское общество: искать его нужно не по ту, а по сю сторону Смутнаго времени, когда русскіе люди даны были въ выучку иноземцамъ, когда не одно государство, но и общество стало обслуживаться производителями и благами иноземной культуры, и руководители Московской Руси своими руками разрушили построенную ими искусственную дамбу, отдѣлявшую русскую народную стихію отъ притока западной культуры. Вліяніе это должно было проявляться съ большею силою, когда Смутное время ближе познакомило русское общество съ иностранцами и разсѣяло чрезъ частое общеніе старую брезгливость къ поганству иностранцевъ, и когда большое количество послѣднихъ наводнило не только столицу, но и другіе центры Московскаго Государства.

II.

Въ періодъ XVI—XVII в. торговыя сношенія Московской Руси съ Западной Европой были однимъ изъ самыхъ постоянныхъ и непрерывныхъ проводниковъ главнымъ образомъ матеріальной культуры Запада не только въ самой Москвѣ въ кругу руководящихъ классовъ, но и въ глубь и ширь народныхъ массъ.

При объединеніи Сѣверо-восточной Руси подъ властью Москвы пали Новгородъ и Псковъ, эти главные органы матеріальнаго и духовнаго общенія Удѣльной Руси съ Западной Европой. У вотчинниковъ «всеа Русіи» голова кружилась при разборѣ доставшихся имъ пестрыхъ наслѣдствъ отъ удѣльнаго порядка. Поэтому дѣдъ и отецъ Грознаго не могли удѣлять много вниманія опредѣленію своихъ отношеній къ торговой Западной Европѣ, и только съ половины XVI в. начинаютъ налаживаться разстроившіяся за это время связи.

Само Московское правительство теперь ищетъ дѣятельныхъ торговыхъ сношеній съ Западными государствами. Съ каждымъ пятидесятилѣтіемъ составъ иноземныхъ торговыхъ людей усложняется представителями все новыхъ и новыхъ народностей. До средины XVI в. завсегдатаями русскихъ рынковъ были польскіе и литовскіе купцы; въ слѣдую-

„Миловида“ въ саду Найденова въ Москвѣ.

щее пятидесятилѣтіе мы видимъ оживленное участіе въ русской торговлѣ англійской компаніи и шведскихъ купцовъ; въ то же время возстанавливаются торговыя сношенія съ ливонскимъ и германскимъ купечествомъ, для котораго были отведены спеціальные рынки въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ слѣдующее затѣмъ пятидесятилѣтіе мы видимъ свободную торговлю по всей Россіи польскаго, нѣмецкаго, голландскаго, шведскаго, англійскаго, датскаго и ганзейскаго купечества, которое конкурируетъ и интригуетъ при Московскомъ дворѣ и развиваетъ свою дѣятельность настолько, что Московское правительство должно было пойти навстрѣчу неотступнымъ просьбамъ русскихъ торговыхъ людей, жаловавшихся на разорительную конкуренцію и льготы, предоставленныя иноземцамъ, особенно англійскому купечеству.

Торговыя компаніи разныхъ Западныхъ государствъ, получивши у Московскаго правительства право на торговлю по Руси, сейчасъ же стремились обзаводиться своими конторами и постоянными складочными пунктами для своихъ товаровъ въ важныхъ торговыхъ городахъ, главнымъ образомъ по воднымъ системамъ путей. Такъ, по Двинской системѣ англійское и голландское купечество имѣло свои склады и конторы въ гавани Св. Николая, при устьѣ Сѣв. Двины, въ Архангельскѣ, Холмогорахъ и Вологдѣ. На Волжской системѣ такимъ же значеніемъ пользовались Москва, Молога, Ярославль и Астрахань. Во второй половинѣ XVI в. возстанавливается торговое значеніе для иностранной торговли Новгорода и Пскова въ Прибалтійскомъ краѣ. По предписанью англійской компаніи своимъ агентамъ, послѣдніе строили для себя и всѣхъ своихъ людей нѣсколько домовъ съ магазинами, погребами и другими службами и строго смотрѣли, чтобы никто изъ служителей не ночевалъ внѣ агентскаго дома безъ позволенія. Англійское купечество, видимо, подолгу заживалось въ названныхъ пунктахъ. Это видно изъ того, что въ концѣ XVI в. въ Вологдѣ и Холмогорахъ многіе англійскіе купцы имѣли собственную землю и прекрасные дома. Судить о количествѣ представителей той или другой торговой компаніи иноземнаго купечества можно, напр., по сообщенію Невиля, будто въ одномъ Архангельскѣ голландцы держали 200 агентовъ.

«Въ самой Москвѣ между храмомъ Василія Блаженнаго и Красной стѣной находился обширный Гостиный дворъ, называвшійся персидскимъ, который былъ наполненъ лавками персіянъ, армянъ и татаръ, *числомъ до 200*; кромѣ этого двора въ Китай-городѣ было еще два гостиныхъ двора для иностранныхъ купцовъ: въ одномъ, старомъ, продавались товары для ежедневнаго употребленія; въ другомъ, новомъ и самомъ обширномъ, помѣщались нѣмецкіе товары и платилась «вѣсчая пошлина» (Проф. Ключевскій).

Кромѣ постоянной торговли въ мѣстахъ склада, бывали еще періоды особенно интенсивной торговли съ иноземцами,—это время прибытія заграничныхъ купеческихъ судовъ и ярмарки. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ одинъ Архангельскъ, по свидѣтельству иностранцевъ, приходило до 30 иностранныхъ судовъ. Отъ іюля до сентября происходила бойкая мѣновая торго-

вля на сѣверѣ, пока нагруженныя русскими товарами суда не расходились до льдовъ въ родные края. Изъ торговыхъ портовъ иностранцы развозили свои товары водными путями въ Вологду, Ярославль, Москву и др. города, поспѣшая туда къ ярмарочнымъ днямъ. По Сѣверной Двинѣ, Волгѣ и Окѣ съ ихъ притоками, по сообщенію иностранцевъ, ходило множество товарныхъ насадовъ и струговъ, принадлежавшихъ главнымъ образомъ вологжанамъ, но были барки, принадлежавшія англійской компаніи. Не замирала иноземная торговля и зимою. По словамъ Невиля, агенты голландскаго купечества изъ Архангельска саннымъ путемъ ѣздили въ Москву и другіе города для закупки русскихъ товаровъ.

Мы подробно остановились на обзорѣ формъ и размѣровъ торговаго общенія Руси XVI—XVII вв. съ иноземцами, чтобы воочію убѣдиться, какъ торговля ставила русскихъ людей вплотную къ иноземцамъ, разбрасывавшимся по всей Руси, и къ предметамъ ихъ торговли. Проводимая этимъ путемъ культура носила главнымъ образомъ матеріальный характеръ. Это ясно изъ указанія предметовъ потребленія иностранныхъ товаровъ, какъ государствомъ и верхними слоями русскаго общества, такъ и его низами.

Мы не говоримъ уже о томъ, что для государства эта торговля представляла крупную доходную статью. Одинъ Архангельскъ, если вѣрить Олеарію, въ иные годы давалъ торговой пошлины до 300 тыс. рублей. Извѣстно, что дѣеспособность Монетнаго двора Московскаго Государства въ значительной степени зависѣла отъ поступавшихъ въ него иноземныхъ рейхсталеровъ, ефимковъ и др. монетъ, въ перечеканкѣ которыхъ въ русскую монету и состояла его дѣятельность. Проф. Ключевскій приводитъ перечень товаровъ по счету, представленному англійской компаніей Ивану IV.

«Въ 1574 году взято было у англійскихъ купцовъ для царя 12 пуд. сахару, по 8 руб. пудъ, и 200 стопъ бумаги, по 20 алт. стопа; въ 1576 г. взято мѣди на 1082 руб., въ слѣдующемъ году взято сукна разныхъ сортовъ нѣсколько кусковъ, въ 1580 г. взято свинцу на 267 руб. и 15 кусковъ толстаго сукна на 210 руб. Въ 1557 г. компанія отправила въ Россію 4 корабля съ товарами, между которыми было 25 тюковъ толстаго сукна, одинъ тюкъ фіолетоваго и одинъ алаго, 40 тюковъ бумажной матеріи, 518 кусковъ гемпширской каразеи, именно 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочекъ олова. Изъ письма компаніи къ агентамъ отъ 1560 г. узнаемъ, что она посылала въ Россію бастръ, изюмъ, чернослівъ и миндаль.

Англичане привозили въ Россію оружіе и лошадиную сбрую. Горсей пишетъ, что онъ закупалъ въ Англіи для Царя львовъ, позолоченныя алебарды, пистоли, ружья и другое оружіе, разныя аптекарскія снадобья, органы, клавикорды и другіе музыкальные инструменты, карминъ, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; въ 1585 г. онъ накупилъ такихъ вещей на 4000 ливровъ».

Подобные же предметы роскоши потреблялись и высшими слоями Московскаго общества. По извѣстіямъ XVII в. голландскіе и ан-

глійскіе купцы черезъ Архангельскъ развозили по русскимъ городамъ пряные коренья, сахаръ, шафранъ, соленыя сельди, вина, разныя ткани, голландскія сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, пистолеты, мушкеты, мѣдь, свинецъ, олово, серебро, золото, тафту, бархатъ, парчу, шерстяные и бумажные чулки, золото, жемчугъ, алмазъ и др. предметы роскоши (ibid).

Въ Россію проникали и польскіе фабрикаты. По свидѣтельству одного современника, «при проходѣ польскихъ пословъ... купцы съ товарами проходятъ подъ началъ и оборонь пословъ безъ всякаго мыта (пошлины). А товары тѣ суть, которые изъ Литвы, съ Руси, съ польской и изъ иныхъ украйнъ купцы къ Москвѣ приносятъ... *Временемъ и безлѣпицы кое-какія привозятъ*, откуда имъ отъ того и большая прибыль бываетъ, понеже бо Московскіе люди временемъ худое скорѣе доброво купятъ; кому што попало по рукѣ, тотъ за то больши и денегъ даетъ».

Приведенный перечень иноземныхъ товаровъ показываетъ, что привозимыя заграничныя издѣлія за немногими исключеніями (оружіе, олово, сельди, ножи и нѣкоторыя «безлѣпицы») едва ли были по карману широкимъ слоямъ русскаго народа. Дорогіе предметы роскоши находили своихъ потребителей среди боярства, дьяковъ, дворянъ, да развѣ еще среди зажиточнаго купечества. Въ этихъ слояхъ и нужно искать тѣхъ переворотовъ и вліяній, которые вносились въ домашній обиходъ заморскими диковинками и роскошью, поскольку послѣднія способны вызвать рядъ необычныхъ мыслей и чувствъ въ душѣ, сложившейся подъ вліяніемъ домостроевскаго уклада. Широкимъ слоямъ русскаго народа, поскольку ему приходилось переносить и перевозить эти товары въ тюкахъ, да дивоваться ими издали, когда они выставлялись на прилавкахъ, иноземная торговля, за рѣдкими исключеніями, давала столько же, сколько глазѣніе на разряженный кортежъ торжественно проѣзжавшаго мимо посольства.

Намъ скажутъ, что торговля не молчаливая процессія, и иноземцы не прочь были поговорить со словоохотливыми проводниками и обывателями изъ русскихъ. Конечно, изрѣдка такимъ путемъ обмѣнъ культуръ совершался, и, какъ увидимъ, имѣлъ свое глубоко-культурное захватывающее вліяніе на нѣкоторыхъ русскихъ людей даже не изъ руководящихъ только классовъ, какъ иногда воровскимъ образомъ или въ видѣ рѣдкаго подарка въ рукахъ простолюдина появлялась иноземная диковинка, недоступная его средствамъ; но этотъ путь былъ двойною контрабандой. О стремленіяхъ русскаго правительства и духовенства оградить душу русскаго отъ иноземныхъ обычаевъ мы уже говорили. Но и купцы иностранные не были вольны всякій разъ, какъ захочется, вступать въ собесѣдованія, и особенно въ культурные споры съ русскими. Агентамъ англійскихъ компаній инструкціями послѣднихъ опредѣленно заказывалось «остерегаться, чтобы никакой законъ русскій, ни религіозный, ни гражданскій не былъ нарушенъ ни ими, ни людьми ихъ, ни моряками, ни кѣмъ-либо изъ англичанъ... чтобы все происходило покойно и т. д.».

III.

Но вліяніе Западной Европы на Русь не исчерпывалось его молчаливыми фабрикатами и осторожными распространителями ихъ. Западъ пришелъ въ самую Москву во всей обстановкѣ своего обихода—своихъ храмовъ, школъ, забавъ и мастерскихъ въ видѣ нѣмецкой колоніи, этого микрокосма Западной Европы, вторгшагося въ самый центръ Московіи, какъ музей наглядныхъ пособій, экспонаты и пріемы производства котораго тѣмъ неотразимѣе бросались въ глаза, чѣмъ рѣзче окружавшая его бытовая атмосфера отличалась отъ домостроевскаго уклада жизни. Этотъ проводникъ западной культуры по крайней мѣрѣ для Москвы былъ старымъ спутникомъ ея развитія. Уже при Герберштейнѣ, бывшемъ въ Россіи въ царствованіе отца Грознаго, въ Москвѣ было «1500 чел. пѣхоты изъ литовцевъ и другихъ иностранцевъ, стекшихся изъ разныхъ мѣстъ... Князь имѣетъ пушечныхъ литейщиковъ изъ нѣмцевъ и итальянцевъ, которые, кромѣ пищалей, льютъ пушки, также ядра и пули такого же рода, какія употребляютъ и наши государи» (Герберштт.). Иностранные писатели о Россіи даютъ подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ этихъ иноземцевъ въ Россіи. Шлейзингъ (XVII в.) разсказываетъ: «Большая часть европейцевъ въ Россіи и притомъ знатнѣйшіе—нѣмцы; поэтому русскіе называютъ нѣмцами всѣхъ иностранцевъ, хотя между ними есть голландцы, англичане, французы и др. Нѣмцы—въ большинствѣ офицеры, другіе—лейбъ-медики, художники, ремесленники. За исключеніемъ купцовъ и ремесленниковъ, всѣ они состоятъ на царской службѣ. Въ обществѣ офицеровъ замѣтно различіе: одни изъ нихъ называются старыми, другіе новыми нѣмцами. Старые нѣмцы родились въ Россіи поколѣніи въ третьемъ и хотя бы были хорошаго происхожденія, однако нѣмецкая кровь въ нихъ испортилась; большею частью они съ русскими манерами, ходятъ въ русскомъ платьѣ, и очень плохи въ военномъ дѣлѣ. Для лучшихъ офицеровъ эти несчастныя залетныя птицы—точно колючки на глазу,—такъ они имъ непріятны». Знатные и способные иноземцы переселялись въ Москву, окружая себя спеціалистами, чтобы тѣмъ прочнѣе цѣлымъ кустомъ пустить корни въ Московіи. Такъ, полковникъ Лесли прибылъ въ Россію съ шестью слугами и привезъ съ собою двухъ капитановъ, трехъ поручиковъ, пушечнаго мастера, дѣлавшаго кожаныя пушки, другого мастера, вырабатывавшаго золотые атласы, бархаты и кружева, прапорщика и одного писаря-австрійца.

Многіе изъ иноземцевъ были разсѣяны по разнымъ городамъ Руси. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ сдѣлали перепись иноземныхъ начальниковъ, жившихъ въ Сѣвскѣ и другихъ ближайшихъ городахъ и державшихся своихъ вѣроисповѣданій. Въ вѣдѣніи иноземнаго приказа такихъ нашлось 383 человѣка; многіе изъ нихъ были съ женами и дѣтьми.

Но центромъ жизни иноземцевъ была Нѣмецкая слобода въ Москвѣ, называвшаяся иначе Кокуемъ, составлявшая пятую часть Москвы. Она состояла изъ деревянныхъ домиковъ нѣмецкой архитектуры.

Подмосковная кн. Трубецкихъ. Ахтырка.

«Таннеръ передаетъ слышанные имъ въ Москвѣ разсказы о возникновеніи этой слободы. Когда иноземные солдаты и мастера, привлеченные въ Москву, не могли мирно ужиться съ москвичами въ самомъ городѣ, ихъ поселили за Москвой-рѣкой, въ слободѣ *Наливкахъ*. Но иноземцамъ и тамъ не дали покоя: москвичи постоянно кололи имъ глаза названіемъ ихъ новаго мѣстожительства, упрекая ихъ въ пьянствѣ; чтобъ избавиться отъ насмѣшекъ и оскорбленій, иноземцы выпросили у царя позволеніе поселиться въ другомъ мѣстѣ подлѣ города. Здѣсь они построили нѣсколько красивыхъ деревянныхъ домиковъ, и это новое поселеніе названо было Нѣмецкою слободою, которая, по словамъ Таннера, вполнѣ имѣла видъ и устройство маленькаго нѣмецкаго города. Незадолго до пріѣзда Олеарія, туда же переселены были, вслѣдствіе разныхъ непріятностей, иноземные купцы и офицеры, жившіе прежде въ Бѣлгородѣ (часть Москвы за Китай-городомъ). Олеарій разсказываетъ, что жены иноземныхъ купцовъ, не желая уступить женамъ иноземныхъ офицеровъ, которыя большею частью были прежде служанками, однажды подрались съ послѣдними въ лютеранской церкви, находившейся въ Бѣлгородѣ, вслѣдствіе чего патріархъ приказалъ перенести ихъ церковь въ Скородомъ. Къ этому присоединились и другія непріятности. Чтобы не подвергаться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны москвичей, иноземцы, по словамъ Олеарія, стали одѣваться по-русски; но патріархъ, замѣтивъ при одномъ церковномъ торжествѣ, что иноземцы, вмѣшавшись въ толпу русскихъ, непочтительно относятся къ обрядамъ православной церкви, испросилъ у государя указъ, чтобы иностранцы ходили въ своемъ, а не въ русскомъ платьѣ. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большимъ насмѣшкамъ и обидамъ со стороны русскихъ, и, чтобъ избавиться отъ этого, выселились, съ разрѣшенія царя, изъ города и основали особое предмѣстье, Иноземную слободу, подлѣ старой Нѣмецкой, съ которой она скоро и слилась въ одно предмѣстье» (Ключевскій: «Сказанія иностранцевъ»).

Хотя иноземцы и пользовались свободой вѣроисповѣданія, но не всѣ: Московское правительство было терпимо только къ протестантамъ и кальвинистамъ. Первые имѣли въ слободѣ два храма, вторые — одинъ. Но въ Москвѣ, особенно послѣ Смутнаго времени, совершенно не терпѣли католиковъ.

Если въ числѣ привезенныхъ изъ-за границы солдатъ оказывался католикъ, его немедленно выпроваживали на казенный счетъ за рубежъ. О полной терпимости къ протестантамъ со стороны правительства, а тѣмъ болѣе московскаго населенія, тоже не можетъ быть рѣчи. Мы уже видѣли, какъ ихъ переводили изъ одной части Москвы въ другую. Не одинъ разъ погромно жгли ихъ слободу и срывали до основанія храмы. Нѣмцевъ на улицахъ сопровождали насмѣшливыми возгласами: «Нѣмецъ, шишъ на Кукуй!», а мальчишки не прочь были пустить въ догонку и болѣе матеріальный предметъ выраженія національнаго недоброжелательства. Особенно тяжелыя минуты переживали заурядные жители Нѣмецкой слободы въ годины Смуты.

Многіе не выдерживали своей обособленности въ морѣ русской стихіи,

и отчасти изъ желанія избавиться отъ этого гнета, или вслѣдствіе привычки къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, а чаще изъ желанія получше устроиться, принимали православіе, и это тѣмъ болѣе, что Московское правительство щедро награждало «перекрестовъ» жалованьемъ и службой, видя въ переходѣ въ православіе иноземцевъ не только «торжество православія», но и государственную пользу, такъ какъ «обратившійся» мастеръ или офицеръ изъ иноземца превращался въ своего: путь для него на родину тѣмъ самымъ былъ прегражденъ, какъ вслѣдствіе боязни преслѣдованія на родинѣ, за измѣну вѣрѣ, такъ и въ силу прямого перехода вмѣстѣ съ православіемъ въ подданство Московскому государю.— «Которые изъ *некрещеныхъ* нѣмцевъ, писалъ въ 1629 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ воеводамъ въ Новгородъ,—похотятъ креститься въ нашу православную вѣру Греческаго Закона... и вы бы тѣхъ крещеныхъ (правильнѣе «перекрещеныхъ») нѣмцевъ въ свою землю отпускать не велѣли, а сказали бы то имъ до крещенія, что имъ отпуску съ нашея стороны не будетъ, а присылали бы такихъ, крестя, къ намъ къ Москвѣ или велѣли имъ быть въ Новгородѣ, кто къ кому пойдетъ по своей волѣ». Число «перекрестовъ» въ царствованіе Алексѣя Михайловича стало столь велико, что прежнее щедрое жалованье имъ было понижено, и установилась устойчивая такса. «Въ видахъ большаго удобства, обратившіеся обыкновенно отдѣлялись отъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ. Если часть ихъ по полученіи награды и продолжала держаться своего языка, обычаевъ и жить въ Нѣмецкой слободѣ, то большинство поселялось между природными русскими, или же въ отдѣльныхъ слободахъ. Подъ Москвой изъ такихъ перекрещенцевъ составилось нѣсколько слободъ: одна Басманная,— рядомъ съ нѣмецкой слободой; другая, Польская — на противоположной сторонѣ Москвы» (Цвѣтаевъ). Эти многочисленные перекресты очень часто вступали въ браки съ русскими, и такимъ образомъ входили во всемъ своемъ культурномъ объемѣ въ русскую стихію, растворяясь въ ней и въ свою очередь сообщая ей, можетъ быть, вопреки своей волѣ, если не ярко выраженныя свойства своей культуры, то по крайней мѣрѣ—возможность примиренія и тѣснаго общенія съ этой культурной атмосферой, которая, конечно, не снималась въ перекрестѣ «баню пакибытія».

Но иноземный островъ, стиснутый московской стихіей, давалъ послѣдней свою окраску не только въ видѣ растворявшихся въ ней отторгнутыхъ отъ этого мірка элементовъ: сами московскіе люди массами входили въ эту московскую «заграницу» и выходили изъ нея не безъ новыхъ навыковъ, чувствъ и представленій. Мы не говоримъ о многочисленной прислугѣ изъ русскихъ, обслуживавшей за жалованье нужды жителей Нѣмецкой, Басманной и Польской слободъ: характерно сообщеніе Таннера, что иноземцы одѣвали въ нѣмецкое платье своихъ служанокъ изъ татарокъ и русскихъ. Послѣ Смуты отъ иноземныхъ мастеровъ требовали, какъ обязательнаго условія, выучки своему ремеслу и искусству приставленныхъ къ нимъ подмастерьевъ изъ русскихъ. А поучиться было чему у московскихъ нѣмцевъ въ XVII в. Близъ Нѣмецкой слободы находились три завода—стеклянный, желѣзно-плавильный и бумажный.

При царѣ Михаилѣ на Поганомъ прудѣ при р. Неглинной былъ заводъ, на которомъ иноземными мастерами при сотрудничествѣ русскихъ отливались пушки и колокола. Голландскій купецъ Андрей Виніусъ и гамбургскій Марселисъ получили право на устройство чугунно-плавильныхъ, желѣзо-дѣлательныхъ и оружейныхъ заводовъ близъ Тулы и по рѣкамъ Шекснѣ, Костромѣ и Вагѣ. О размѣрахъ этой заводской промышленности можно судить по сообщенію Невилля, будто доходы отъ желѣзныхъ рудниковъ въ XVII в. равнялись 50 тысячамъ рублей.

Помимо крупныхъ заводовъ, на Москвѣ, какъ и въ провинціи, было множество частныхъ мастерскихъ, иноземцы-мастера которыхъ выписывались съ обязательнымъ условіемъ—«нашего бъ государства люди то ремесло переняли». И русскіе люди, дѣйствительно, перенимали, не на радость иноземнымъ учителямъ.

Олеарій прямо свидѣтельствуетъ, что русскіе ремесленники—«очень способны къ разнымъ ремесламъ, легко перенимаютъ все, что увидятъ у нѣмцевъ, и въ немного лѣтъ они научились и переняли у послѣднихъ много такого, чего прежде совсѣмъ и не знали. Поэтому въ настоящее время они улучшенныя издѣлія свои продаютъ уже за гораздо высшую цѣну въ сравненіи съ прежними цѣнами. Особенно удивили меня—говоритъ Олеарій, русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ теперь серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ искусствомъ и изяществомъ, что не уступаютъ въ томъ нисколько нѣмцамъ».

Поэтому, даетъ Олеарій соотечественникамъ нѣсколько запоздалый совѣтъ,—если кто въ какомъ-нибудь ремеслѣ обладаетъ особеннымъ знаніемъ, или пріемомъ, которымъ хотѣлъ бы пользоваться только онъ одинъ, то онъ не долженъ показывать своего искусства ни одному русскому. «Такъ вначалѣ и поступилъ знаменитый литейный мастеръ Гансъ Фалькъ, который требовалъ, чтобы во время отливки имъ и выдѣлки значительнѣйшихъ пушекъ и другихъ предметовъ русскіе подмастерья оставляли его одного и уходили прочь. Теперь, впрочемъ, русскіе уже сами умѣютъ лить большія пушки и колокола».

Такъ не безъ зависти учитывали иноземцы плоды ими же привитой Западной культуры. Еще замѣтнѣе были результаты иноземной науки въ военномъ дѣлѣ. Побѣдоносныя въ стычкахъ съ азіатскими толпами, русскія войска «конны и оружны» терпѣли пораженія отъ обученныхъ Западному строю войскъ сосѣднихъ государствъ, и это побудило Московское правительство крѣпко призадуматься надъ организаціей своихъ военныхъ силъ. Начиная съ Василія III, отца Грознаго, на помощь русскимъ коннымъ ополченіямъ принимали иноземную пѣхоту съ артиллеріей, больше для острастки азіатамъ, чѣмъ для дѣйствій противъ западныхъ враговъ.

Объ этомъ говоритъ Герберштейнъ: русскіе хотя и имѣютъ пушки, «однако не умѣютъ пользоваться ими въ сраженіи, потому что все полагаютъ въ быстротѣ... Считаю лишнимъ говорить, продолжаетъ Герберштейнъ, что они не знаютъ, когда должно употреблять большія пушки, которыми разрушаютъ стѣны, или малыя, которыми разрываютъ ряды или остана-

вливаютъ натиски непріятеля. Это часто бываетъ и особенно случилось въ то время, когда носился слухъ, что татары вотъ-вотъ осадятъ Москву. Ибо, растерявшись, намѣстникъ приказалъ поставить большую пушку передъ воротами крѣпости,—при смѣхѣ бомбардира,—потому что едва въ три дня можно было бы привезти ее туда, и къ тому же, выстрѣливъ одинъ разъ, она разрушила бы сводъ и ворота». Во времена Флетчера (при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ) «наемныхъ солдатъ изъ иностранцевъ было уже до 4300 чел.»; при чемъ и въ это время западныхъ иноземцевъ противопоставляли сибирякамъ и татарамъ, а съ западными сосѣдями предпочитали драться, помимо своей конницы, наемными отрядами восточныхъ инородцевъ.

Но послѣ Смутнаго времени Московское правительство не скупится на расходы и тысячами приглашаетъ иноземныхъ обученныхъ «огненному бою» солдатъ на подмогу своимъ инвалиднымъ ополченіямъ помѣщиковъ. Но позорная неудача подъ Смоленскомъ разочаровала Московское правительство въ наемныхъ иноземныхъ «регементахъ», тѣмъ болѣе, что сами полковники, командовавшіе иноземными полками, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ. Правительство, разувѣрившись въ иноземныхъ солдатахъ, не потеряло вѣры въ силу иноземнаго строя, и отъ системы найма иноземныхъ «регементовъ» перешло къ обученію своихъ воиновъ «огненному бою». Еще до Смоленской неудачи, когда «Лесли съ товарищами устраивалъ своимъ полкамъ различныя экзерсиціи, русскіе воеводы наблюдали и старались примѣнять къ своимъ полкамъ» (Цвѣтаевъ). Послѣ же Смоленскаго похода правительство стало приглашать иноземныхъ генераловъ, полковниковъ, офицеровъ и вообще людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ на болѣе продолжительный срокъ уже въ качествѣ инструкторовъ.—«А прибираючи тѣхъ рейтаръ полные полки, отдаютъ иноземцамъ и русскимъ людямъ полковникомъ, и бываетъ имъ ученіе», говоритъ Котошихинъ. При Мейербергѣ (въ 1662 г.) въ Москвѣ было 4 генерала, болѣе 100 иноземныхъ полковниковъ, множество подполковниковъ, маіоровъ и др. Успѣхи Алексѣя Михайловича въ борьбѣ съ прежними побѣдоносными соперниками на западной границѣ оправдали разумность предпринятой формы использованія иноземнаго опыта. По росписи разнымъ людямъ 1681 г. показано полковъ иноземнаго строя 63, численностью до 90 тыс.

Командовали всѣми этими полками, за исключеніемъ трехъ, иноземные офицеры. Любопытно отмѣтить, что «нашего государства люди то ремесло переняли» не только практически, подъ команду иноземныхъ инструкторовъ, но, видимо, многіе интересовались и теоріей военнаго искусства. Объ этомъ говоритъ нахожденіе въ перечняхъ книгъ частныхъ библіотекъ любопытныхъ экземпляровъ съ характерными въ этомъ отношеніи названіями. Таковъ переводъ, съ латинскаго, «О случаяхъ военныхъ» Юлія Фронтина, сенатора римскаго; «Совѣтъ воинскій» Бартоша Папроцкаго (переводъ съ польскаго). Извѣстно также, что по приказу Василія Шуйскаго (1606 г.) Анисимомъ Михайловымъ начатъ былъ переводъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ «О пушечныхъ и иныхъ разныхъ ратныхъ дѣлахъ и мастерствахъ», каковой былъ законченъ въ 1621 г.; при ца-

Подмосковная кн. Трубецкихъ. Ахтырка.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

рѣ Михаилѣ былъ составленъ, а при его сынѣ напечатанъ (1647 г.) уставъ для обученія ратныхъ людей иностранному строю подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей».

Но не однимъ практическимъ «перенятіямъ» и теоретическимъ «хитростямъ» въ области промышленности и военнаго дѣла служила источникомъ Нѣмецкая слобода.—У русскихъ было дѣлу время, и потѣхѣ—часъ, и въ послѣднемъ случаѣ иноземная колонія въ Москвѣ могла научить русскаго человѣка удовлетворять своимъ эстетическимъ запросамъ въ формахъ культурнаго Запада. Здѣсь не послѣднюю роль сыграла школа Нѣмецкой слободы. Въ книгѣ Д. Цвѣтаева «Первыя нѣмецкія школы въ Москвѣ» по документамъ изучена судьба этого перваго свѣточа западно-европейской образованности въ русской столицѣ. Судьба нѣмецкой школы была тѣсно связана съ измѣненіями въ жизни самой колоніи: она переносилась, разрушалась вмѣстѣ съ храмомъ, при которомъ была построена, и свѣтила не только для иноземцевъ, но и для русскихъ.

Это была элементарная школа, преподавателями въ которую приглашались образованныя лица, дѣлавшіяся потомъ пасторами при киркахъ. Направленіе ея, какъ и другихъ духовно-просвѣтительныхъ учрежденій на Западѣ, нужно думать, было церковное, судя по преподавателямъ и особенно по письму Саксенъ-Готскаго герцога Эрнеста Благочестиваго, который, субсидируя ее значительными суммами, высказывалъ такія пожеланія: «Если вы не обучите юношество христіанству, то все христіанское у васъ потеряно. Подумайте только, какъ трудно потомъ увѣрить стараго человѣка въ вѣчномъ благѣ, котораго онъ никогда не видалъ и о которомъ никогда не слыхалъ».

Отчасти о направленіи этого очага нѣмецкаго просвѣщенія въ Москвѣ можно судить и по составу книгъ, присланныхъ гр. Эрнестомъ. Это были: Евангеліе, Псалтирь, Катихизисъ Лютера, Книга церковныхъ пѣсней, Письма Лютера, Радостное Зеркало вѣчной жизни, Проповѣди предъ покаяніемъ, Азбука, Книга для чтенія, Ариѳметика, Физика, Латинская и Греческая грамматика, Школьная методика, Письма Цицерона, Земельный уставъ, Уставъ судебныхъ процессовъ и т. д. Мы видимъ, что эта школа не замыкалась въ узкомъ кругѣ долбленія Псалтиря и Молитвослова, но знакомила учениковъ съ естественными, математическими, юридическими и филологическими науками. Съ несомнѣнностью можно утверждать, что въ школѣ этой преподавалось и цѣніе. Въ погребальной процессіи принца Ивана Датскаго, жениха Ксеніи Борисовны Годуновой, участвовало 30 учениковъ школы. Изъ школьниковъ же былъ организованъ постоянный хоръ для пѣнія въ киркѣ изъ 6—8 голосовъ.

Занимались ли въ этой школѣ разучиваніемъ мистерій, какъ то было очень принято въ это время на Западѣ, утверждать положительно нѣтъ прямыхъ данныхъ; но то обстоятельство, что изъ этой именно школы вышелъ первый русскій театръ, заставляетъ думать, что неспроста Алексѣй Михайловичъ взялъ подъ свое матеріальное покровительство экономически падавшую школу и къ ней именно обратился для организаціи придворнаго спектакля.

Иноземныя потѣхи исподоволь, по задворкамъ крадучись, проникали въ закрытыя отъ взоровъ заурядныхъ подданныхъ хоромы благочестивыхъ Московскихъ царей, особенно новой династіи.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, для поднятія престижа своей династіи—извѣстно, его долго сосѣди называли въ офиціальныхъ граматахъ уменьшительнымъ именемъ,—не прочь былъ обзавестись родствомъ съ иноземными «потентатами» и обставить свой дворъ по образцу иностранныхъ. А при иностранныхъ дворахъ водились потѣхи, имѣвшія мало общаго съ драками придворныхъ карликовъ и остротами лейбъ-шутовъ.

Уже въ началѣ XVII в. Московскій дворъ тѣшился рѣдкими представленіями нѣмецкихъ фигляровъ, балансеровъ, фокусниковъ и др. У Михаила Ѳеодоровича въ теченіе 10 лѣтъ состоялъ на офиціальной службѣ въ Потѣшной палатѣ канатный плясунъ, нѣмчинъ Ладыгинъ. Но всего этого было мало для скучающаго двора, особенно, когда повелительницей его стала молодая эмансипированная Наталья Кирилловна Нарышкина. Чтобъ развлечь свою молодую жену, Алексѣй Михайловичъ послалъ полковника Николая ванъ-Стадена въ Курляндію, Пруссію и Швецію для найма музыкантовъ, танцовщиковъ и комедіантовъ. Въ то же время именнымъ указомъ Алексѣя Михайловича повелѣвалось «иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Эсфирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь». Такъ возникъ нашъ свѣтскій, пока только придворный театръ.

Черезъ годъ послѣ перваго представленія въ нѣмецкую школу для обученія «комидейному дѣйству» было отдано 26 «мѣщанскихъ» и подьяческихъ мальчиковъ изъ Московской Новомѣщанской слободы. Въ 1675 году «комидейному дѣлу» училось уже «80 человѣкъ всякаго чину людей», въ числѣ которыхъ преобладали русскіе.

Такъ нѣмецкая школа нѣсколько неожиданно явилась родоначальницей русскаго театра, перенося въ придворный театръ драму и театральную обстановку нѣсколько устарѣвшей западно-европейской формаціи, такъ какъ на Западѣ театръ ушелъ уже отъ школьныхъ схолярій и церковныхъ мистерій. Послѣднія, собственно говоря, не были новостью въ Россіи. Нова здѣсь была постановка, да цѣль—«потѣха». Церковныя же дѣйства западнаго образца уже были въ употребленіи въ нашей церкви наряду съ обрядами.

Уже при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Флетчеръ наблюдалъ обрядъ шествія патріарха на осляти, ведомомъ царемъ, а также обрядъ «пещнаго дѣйства»: «каждый епископъ въ своей соборной церкви,—разсказываетъ Флетчеръ,—показываетъ трехъ отроковъ, горящихъ въ пещи, куда ангелъ слетаетъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха, такъ называемыми халдейцами, которые въ продолженіе 12 дней должны бѣгать по городу, переодѣтые въ шутовское платье и дѣлая разныя смѣшныя штуки, чтобы оживить обрядъ, совершаемый епископомъ». Объ этихъ халдеяхъ, выносящихъ церковную игру изъ церкви на улицу и превращающихъ священное «дѣйство» въ уличное озорничество, подробное описаніе находимъ у

Олеарія (1630-е годы). «Въ бытность нашу въ Москвѣ, разсказываетъ авторъ, это были извѣстные безпутные люди, которые ежегодно получали отъ Патріарха дозволеніе, въ теченіе 8-ми дней передъ Рождествомъ Христовымъ и вплоть до праздника 3-хъ Святыхъ Царей (Богоявленія), бѣгать по улицамъ города съ особаго рода потѣшнымъ огнемъ, поджигать имъ бороды людей и въ особенности потѣшаться надъ крестьянами. Въ наше время такіе халдеи подожгли у одного крестьянина возъ сѣна, и когда этотъ бѣдняга хотѣлъ было оказать имъ сопротивленіе, то они сожгли ему бороду и волосы на головѣ; не желающій подвергаться подобнымъ грубымъ выходкамъ халдеевъ долженъ заплатить имъ копейку (6 пфенниговъ). Халдеи эти одѣвались, какъ масляничные шуты, или штукари, на головахъ носили деревянныя раскрашенныя шляпы и бороды свои обмазывали медомъ для того, чтобы не поджечь ихъ огнемъ, который они пускали для потѣхи. Назывались эти люди халдеями и представляли собою тѣхъ прислужниковъ, которые мѣшали огонь въ печи, приготовленной для сожженія трехъ отроковъ: Садраха, Месаха и Авденаго, при царѣ Навуходоносорѣ...

Сказанные халдеи, во все время ихъ потѣхъ и бѣганья по городу, считаются какъ бы язычниками и нечистыми, такъ что если они умрутъ въ это время, то ихъ причисляютъ къ осужденнымъ на вѣчное мученье. Поэтому, въ день Богоявленія (Крещеніе), какъ вообще въ великій священный день, надъ ними совершается снова крещеніе, чтобы омыть ихъ отъ такой безбожной нечистоты и сдѣлать ихъ снова причастными Церкви Христіанской. Послѣ этого новаго крещенія они опять дѣлаются такъ же чисты и святы, какъ и всѣ другіе. Иной такой молодецъ могъ поэтому креститься разъ 10, и даже болѣе. Но такъ какъ эти забавники причиняли уже черезчуръ большія неудовольствія, и даже вредъ своими потѣхами крестьянамъ, вообще простому народу, а иногда и беременнымъ женщинамъ, и такъ какъ отъ потѣшнаго огня ихъ была также не малая опасность, то бывшій патріахъ окончательно запретилъ эту глупую игру и бѣганье по городу въ шутовскомъ нарядѣ». Невѣрно въ этомъ описаніи развѣ то, что Олеарій принималъ за повторное крещеніе обычай бросаться въ воду на Іордани 6-го января. Автору не такъ давно пришлось слышать отъ одного старика, въ Курской губерніи, что «непутево поступаетъ попѣшняя молодежь, надѣвая маски на святкахъ. Рядились и въ наше время, но зато рядившіеся омывалися въ Крещеніе на Іордани»... Трудно установить, какимъ путемъ «пещное дѣйство» зашло въ нашъ храмъ и на улицу; но несомнѣнно, обрусѣвшій теперь Петрушка введенъ у насъ голландцами Нѣмецкой слободы, на что указываетъ Олеарій.

Обитатели же Нѣмецкой слободы пріучили слухъ русскаго человѣка, получавшаго музыкальное воспитаніе на гусляхъ каликъ, дудкахъ и сопѣлкахъ, къ музыкальнымъ звукамъ иного строя. Уже Горсей въ числѣ предметовъ, присланныхъ Грозному, называетъ цымбалы и органы.

Въ 1631 г. въ Москву пріѣхали «Яганъ и Мелхертъ Луневы». Они привезли съ собой изъ Голландіи «стрементъ на органное дѣло... Около него сдѣлали станокъ съ рѣзью, и рѣзь цвѣтили краскою и золотомъ и

на стрементѣ дѣлали соловья и кукушку съ ихъ голосами, и какъ заиграютъ органы, обѣ птицы запоютъ сами собою безъ человѣческихъ рукъ». Нѣмецкая слобода явилась убѣжищемъ для музыки даже тогда, когда на нее началось неистовое гоненіе со стороны духовенства. По словамъ Олеарія, «въ домахъ своихъ, особенно во время пиршествъ, русскіе любятъ музыку. Но такъ какъ ею стали злоупотреблять, распѣвая подъ музыку въ кабакахъ, корчмахъ и вездѣ на улицахъ всякаго рода срамныя пѣсни, то нынѣшній Патріархъ, два года тому назадъ, сперва строго воспретилъ существованіе такихъ кабацкихъ музыкантовъ, и инструменты ихъ, какіе попадутся на улицахъ, приказывалъ тутъ же разбивать и уничтожать, а потомъ и вообще запретилъ русскимъ всякаго рода инструментальную музыку, приказавъ въ домахъ вездѣ отобрать музыкальные инструменты, которые и вывезены были, по такому приказанію, на пяти возахъ за Москву-рѣку и тамъ сожжены. Впрочемъ, нѣмцамъ дозволяется употреблять музыку въ ихъ домахъ, равно какъ и другу нѣмцевъ, великому боярину Никитѣ, которому Патріархъ многаго приказывать не осмѣливается, и который имѣетъ у себя позитивъ (Positiv) и всякаго рода другіе музыкальные инструменты».

Кромѣ того, извѣстно, что бояринъ Матвѣевъ имѣлъ дворовыхъ музыкантовъ, изъ которыхъ и былъ составленъ придворный оркестръ, подъ управленіемъ органиста и «игреца» изъ Нѣмецкой слободы. Служившій у царя Михаила мастеръ «Потѣшной Палаты» оставилъ по себѣ музыкальную школу изъ русскихъ—«по барабанамъ выучилъ бить 24 человѣка». Тщетно православное духовенство закрывало двери своихъ храмовъ отъ вторгавшихся въ нихъ звуковъ западно-европейской музыки. Любопытную замѣтку по этому поводу дѣлаетъ Олеарій, указывая, что органистъ стучался въ дверь православнаго храма.—«Русскіе не терпятъ въ церквахъ своихъ ни органовъ, никакихъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ, говоря: «Инструменты, не имѣя никакого духа и жизни, не могутъ восхвалять Бога». Но когда вошелъ въ храмъ человѣкъ съ живымъ голосомъ и сталъ передавать и духъ и жизнь западнаго церковнаго пѣнія, духовенство раскололось. Патріархъ Никонъ въ 1664 г. потребовалъ присылки въ Новый Іерусалимъ «девятиголосыхъ кантыковъ, да осмоголосныхъ псалмовъ и обѣдню Милевскаго, да трехголосные концерты».

Въ 1666 году въ царскомъ хорѣ является новый Кіевскій «спѣвакъ Іоаннъ Календа». Симеонъ Полоцкій въ предисловіи къ своей риѳмованной Псалтири говоритъ: «Мнози во всѣхъ странахъ малыя, бѣлыя, черныя и червонныя Россіи, пачеже, во велицей Россіи въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, возлюбивше сладкое и согласное пѣніе польскія Псалтири, стихови приложенныя, обыкоша тыя псалмы пѣти». Тщетно ретрограды ворчали: «Пѣніе поютъ новоизданное отъ своего сложенія, а не отъ святыхъ преданное, но латынское и римское баснословіе и *партесное висканіе*, святыми отцы отлученное». Для всѣхъ было ясно, насколько «партесное висканіе» умилительнѣй «рыканія неподобнаго», хотя бы и «отъ святыхъ отецъ преданнаго», и даже такой латинофобъ, какъ патр. Іоакимъ, покривилъ душою, когда поставилъ на соборѣ 1675 г. въ вину смоленскому

архіепископу Симеону, что у него «передъ херувимскою пѣснью пѣли *съ партесъ* на хорахъ», на что смоленскій владыка замѣтилъ: «надобно было бы Святѣйшему Патріарху оное пѣніе истреблять, аще негодно, вопервыхъ, въ церквахъ близъ себе; а то пѣніе въ смоленской странѣ прилично и людямъ любезно: тамъ повелѣваетъ, а здѣ запрещаетъ», укоряетъ еп. Симеонъ въ непослѣдовательности русскаго архипастыря. И былъ правъ, потому что, какъ говоритъ историкъ церковнаго пѣнія въ Россіи г. Разумовскій—«Москва въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича имѣла собственныхъ знатоковъ церковнаго пѣнія и композиторовъ... Тихонъ Макаріевскій, монахъ и *казначей патріаршаго дома,* предложилъ въ своемъ ключѣ правила для мусикійскаго пѣнія, чинно и согласно сочиненнаго; къ этимъ правиламъ приложена великая ектенія на восемь голосовъ». Видимо, не для одного собственнаго удовольствія, но удовлетворяя запросамъ хотя бы немногихъ избранныхъ среди русскихъ, нѣкій Дилецкій перевелъ въ 1679 г. съ польскаго «Идею грамматикіи мусикійской».

Незамѣтно проникалъ Западъ въ православный храмъ и другимъ путемъ, а именно внося новыя краски, композицію и сюжетъ на иконы и стѣны храма, и въ этой области вліяніе Запада стало ощущаться современниками ранѣе всего. Уже Стоглавый Соборъ въ числѣ многаго другого, для возстановленія «поисшатавшихся обычаевъ», требовалъ, «чтобы гораздые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, *а самомышленіемъ бы и своими догадками Божества не описывали*». Чуткій взоръ дьяка Висковатаго подмѣтилъ въ иконахъ Благовѣщенскаго собора, написанныхъ псковскими иконописцами въ срединѣ XVI в., черты «своего разума, а не божественнаго писанія: то же писано, а не тѣмъ видомъ». Духовный соборъ 1554 г. успокоилъ сомнѣнія Висковатаго и заставилъ его покаяться въ «хульныхъ словахъ», но художественное чутье не обмануло чуткаго дьяка.—Знатокъ русской иконографіи, Ровинскій, оправдалъ правоту сомнѣній Висковатаго, указавши на одной изъ иконъ Благовѣщенскаго собора, писанныхъ псковичами, части, прямо скопированныя съ рисунка флорентійскаго художника, Чимабуэ, а другая икона—является точной копіей рисунка Перуджино. Но помимо этихъ западныхъ новшествъ, залетѣвшихъ въ православный храмъ по винѣ Новгорода и Пскова, этихъ старыхъ грѣшниковъ, неравнодушныхъ къ европейской культурѣ, сама Москва обзавелась художниками прямой западной школы. Придворными живописцами во второй половинѣ XVII в. были Станиславъ Лопуцкій, смоленскій шляхтичъ, и Иванъ Мировскій. Полякъ Семенъ Лисицкій писалъ во дворцѣ настѣннымъ письмомъ страшный судъ въ 1684 г. Не только непосредственное вліяніе этихъ иноземцевъ сказывалось на русской иконографіи—западная иконопись давалась, какъ пропись, для учениковъ. Такъ, въ 1676 г., по сообщенію Забѣлина, была куплена для живописцевъ въ Оружейную палату письменная въ *лицахъ латинская библія* въ бѣлой кожѣ *отъ живописца Ивана Безмина*. Неудивительно поэтому, что не только въ теремѣ Софьи Алексѣевны находимъ образъ Божіей Матери Ченстоховской, въ палатахъ бояръ—польскія иконы, отобранныя Никономъ, и фряжскіе листы съ изображе-

ніемъ святыхъ, запрещенные для продажи, но и въ самыхъ церквахъ «изображеніе Гишпанской Божьей Матери съ цѣлой легендой изъ Великаго Зерцала»: такой образъ видѣлъ въ одной изъ Суздальскихъ церквей И. А. Шляпкинъ. Тщетно охранители старины грубоватымъ языкомъ протопопа Аввакума бичевали новшества: «По попущенію Божію умножились въ нашей русской землѣ живописцы неподобнаго письма иконнаго. Пишутъ они Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, также и у ногъ бедра толстыя, и весь, *яко нѣмчинъ*, брюхатъ и толстъ учиненъ, только что сабли при бедрѣ не написано... А все то Никонъ-врагъ умыслилъ—будто живыхъ писать; все устрояетъ по фряжскому, сирѣчь—по нѣмецкому». Но теперь поздно было запугивать страшными словами сторонниковъ фряжскаго письма. Среди нихъ были не только ученики, рабски копировавшіе свои западные образцы, но и художники, прочувствовавшіе направленіе и продумавшіе его мѣсто въ исторіи своего искусства. «Неужели ты скажешь, писалъ западникъ—«изуграфъ» Іосифъ Ушаковъ отвергавшему его направленіе сербскому архидіакону Плешковичу,—неужели только однимъ русскимъ дано писать иконы и только русскому иконописанію поклонятъся, а отъ прочихъ земель не принимать и не почитать?.. Спроси отца своего и старцевъ, пусть скажутъ тебѣ, что во всѣхъ нашихъ христіанорусскихъ церквахъ всѣ утвари священныя, фелони и омофоры, пелены и покровы, и всякая хитро-ткань, и златоплетеніе и каменье дорогое, и жемчугъ—все это ты отъ иноземца получаешь и въ церковь вносишь и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь и ничего сквернымъ и отметнымъ не называешь... Въ наши времена ты требуешь отъ живописца, чтобы онъ писалъ образы мрачные и неподоболѣпные; и учишь насъ лгать противъ древняго писанія... Гдѣ найдено такое указаніе, чтобы лица святыхъ писать смугло и темновидно? Развѣ весь родъ человѣческій созданъ въ одно обличіе? Развѣ всѣ святые были смуглы и тощи? Если и имѣли они здѣсь на землѣ умерщвленные члены, то тамъ, на небесахъ, оживотворенны и просвѣщенны явились своими душами и тѣлами. Какой же бѣсъ позавидовалъ истинѣ и воздвигъ ковы на свѣтообразныя персоны святыхъ? Кто изъ благомыслящихъ не посмѣется такому юродству, будто бы темноту и мракъ паче свѣта почитать слѣдуетъ?.. Нѣтъ, не таковъ обычай премудраго художника. Что онъ видитъ или слышитъ, то и начертываетъ въ образахъ или лицахъ и согласно слуху или видѣнію уподобляетъ. И каковы были въ древнемъ завѣтѣ, такъ и въ новой благодати—многіе святые мужескаго и женскаго рода были на видъ благообразны... Истинному и благочестивому христіанину, и на самихъ блудницъ взирая, прельщаться не подобаетъ, а не то что на благообразныя живописанія разжигаться. Это—мысль послѣдняго безстрашія и крайняго нечестія, чтобы кому отъ иконъ соблазняться. Тѣлесно, а не духовно эти люди пришли къ такой мысли въ своемъ неразуміи: злоба ихъ ослѣпила».

Эта негодующая отповѣдь «премудраго художника» сторонніку «предпочтенія темноты и мрака паче свѣта», какъ и другіе вышеотмѣченные

факты, ясно показываетъ, насколько «живописное фряжское» вліяніе стало не только техническимъ пріобрѣтеніемъ, но и продуктомъ сознанія значительной части русскаго общества.

Не безъ вліянія ближайшаго Запада была введена Никономъ попытка говорить проповѣди въ храмѣ. Ревнители старины и здѣсь видѣли фряжское новшество: «Заводите вы, ханжи, ересь новую, людей въ церкви учите, а мы людей прежъ сего не учивали. Бѣса де вы имѣете въ себѣ и всѣ ханжи»,—говорилъ Никольскій попъ Прокопій.

Мы разсмотрѣли тѣ пути и формы, какими «нѣмецкій» Западъ проникалъ въ русскую жизнь, отслаивая въ ней главнымъ образомъ матеріальную сторону своей культуры, а духовную настолько, насколько она неизбѣжно сопровождала формы западной техники, обстановки и прикрасъ быта, вызывающихъ соотвѣтственныя представленія и чувства, подъ часъ настолько сильныя, что «въ удивленіи... смотрѣли десять часовъ, не вставая съ мѣста». Правда, и здѣсь вниманіе русскаго человѣка больше захватывалось не тѣмъ, что «играютъ органы», а тѣмъ, какъ «сдѣланные на стрементѣ соловей и кукушка, когда заиграютъ органы, поютъ сами собой безъ человѣческихъ рукъ». Это были зрители, которые апплодировали больше декораціямъ, чѣмъ артистамъ; но даже зрители съ такимъ примитивнымъ художественнымъ развитіемъ чувствуютъ потребность въ текстѣ, поясняющемъ декорацію, и мы уже видѣли, какъ наряду съ мастеромъ, подъ живымъ руководствомъ котораго русскій человѣкъ перенималъ всякія хитрости и ремесла, въ его рукахъ иногда появлялась книга, уясняющая ему душу этихъ хитростей и ремеслъ.

Въ XVI—XVII в. в. не было большою рѣдкостью, когда москвичъ читалъ книгу на латинскомъ и польскомъ языкахъ. По даннымъ, приводимымъ г. Шляпкинымъ въ книгѣ «Св. Димитрій Ростовскій», можно составить довольно значительный перечень русскихъ, которые въ этотъ періодъ владѣли названными языками. Въ частности, по этимъ даннымъ насчитывается болѣе 20 человѣкъ, знавшихъ латинскій, одиннадцать—польскій, и это въ опредѣленныхъ случаяхъ, не считая частыхъ указаній общаго характера, въ родѣ, напр., извѣстія, что «сигклитъ (боярство) царскаго пресвѣтлаго величества польскаго языка не гнушается, но чтутъ книги ляцкія въ сладости», или что русская знать способствовала распространенію неправославныхъ мнѣній тѣмъ, что стала держать у себя домашнихъ иностранныхъ учителей и читать *латинскія* книги. Внѣ сомнѣнія, ничѣмъ другимъ, какъ знаніемъ латинскаго и польскаго языковъ, объясняется обиліе книгъ на этихъ языкахъ, какія встрѣчались въ каталогахъ библіотекъ монастырскихъ, царской и частныхъ лицъ. По сдѣланному нами подсчету на основаніи данныхъ у г. Шляпкина, въ извѣстныхъ русскихъ библіотекахъ XVI—XVII в. в. книгъ на латинскомъ языкѣ насчитывается 565, на польскомъ 149, на латино-польскомъ 4, не включая въ этотъ счетъ такихъ общихъ указаній, какъ данный въ 1672 г. наказъ изъ Разряду въ Перемышль: «что бы польскія и латинскія печати книгъ и всякихъ писемъ, которыя взяты въ польскихъ городѣхъ во время войны... отподь втаи и явно не держали»... Что это были за книги, мож-

по видѣть изъ описей библіотекъ митр. Сарскаго Павла и Заиконоспасскаго монастыря. Это были—«книга Баронѣушъ полѣская, Мессіа правдивый польская, граматика Донатова латино-польская, часть Библіи толковыя латинская, толкованіе на Еклисіаста латинская, Мисалъ (Missalć) латинская, Виргиріи (sic), Орологіи принципумъ (Horologium principum?), псалтырь толковая, Кикеронова книга, грамматики двѣ Алвары, политика Саксонская, Кикероново посланіе, на латинскомъ; кромѣ того, Лютня и Житія святыхъ польскія (Барановича), Кнапіушъ польская и Камень польская; Версификація, Ариѳметика, Цифирь польской, Геометрія, книга докторская, Таемница докторская, Травникъ полѣскій, О цеплицахъ (о оранжереяхъ?), О поступкахъ воинскихъ, О поступкахъ судовныхъ, Чиновникъ польскаго королевства, Уставъ польскаго королевства общей привилегіи, Уложеніе польскаго королевства, О столовыхъ ѣствахъ, Выдворный политикъ, Монархія Турецкая, Война домовая, Мартинъ Бѣльскій и пр.

Нужно думать, что еще для большаго круга читателей была доступна богатая *переводная* литература этого времени. Уже Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII в., разсказываетъ, что «свѣдущій во многихъ языкахъ тайный переводчикъ фонъ-Дельденъ доставилъ русскимъ возможность читать въ переводахъ нѣсколько книгъ съ латинскаго и французскаго языковъ точно такъ же, какъ и прежде него сдѣлалъ это бывшій посланникъ римскаго Императора, Адамъ Дорнъ... Онъ издалъ по-русски краткую космографію, а Дельденъ, кромѣ другихъ книгъ, перевелъ на русскій языкъ исторію Могола. *Книги эти начинаютъ уже обращаться между любознательными знатными русскими людьми*». Извѣстны были и другіе переводчики, которые suo motu или по порученію свѣтской и духовной власти переводили съ западныхъ языковъ на русскій самыя разнообразныя сочиненія. .

На основаніи данныхъ, собранныхъ г. Шляпкинымъ, можно составить слѣдующую таблицу, характеризующую количество, составъ и содержаніе книгъ, извѣстія о которыхъ дошли въ періодъ отъ 1500 по 1699 г.г.

Всѣхъ книгъ переводныхъ	153	названія.
Религіозно-нравственнаго содержанія	37	»
Историческаго	18	»
Литературнаго	15	»
Космографіи и географіи	15	»
Энциклопедій, словари и справочники	12	»
Астрономіи	9	»
Медицинскихъ	8	»
Юридическихъ и политическихъ	6	»
Военныхъ	5	»
Естественныхъ	4	»
Разныхъ	20	»

По пятидесятилѣтіямъ развитіе переводной литературы показывается въ такихъ говорящихъ за себя цифрахъ:

1501—1550 г.г.	1550—1600 г.г.;	1600—1650 г.г.	1650—1699 г.г.
7 кн.	19 кн.	13 кн.	114 кн.

Подмосковная Всеволожскаго; собственность П. П. Рябушинскаго.

Москва и ея прошлое и настоящее

Уменьшеніе переводовъ въ первомъ пятидесятилѣтіи XVII в. объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что этотъ періодъ былъ періодомъ Смуты и тяжелыхъ ея послѣдствій. Нужно замѣтить, что таблица эта далеко не передаетъ дѣйствительнаго количества обращавшихся въ то время среди русскихъ читателей переводныхъ книгъ, такъ какъ многія книги, какъ и цѣлыя библіотеки, погибли безслѣдно для историка. Но и эта таблица довольно ярко рисуетъ усиливавшійся съ каждымъ пятидесятилѣтіемъ ростъ интереса русскаго общества къ переводной книгѣ, такъ какъ и на книжномъ рынкѣ предложеніе стоитъ въ зависимости отъ спроса.

Для характеристики состава читателей интересно отмѣтить, что книги эти принадлежали библіотекамъ царской, патріаршей, монастырей (большинство), архіереевъ, ученыхъ монаховъ и учителей, частныхъ лицъ, начиная отъ московскихъ бояръ и кончая «всякихъ чиновъ людьми» гор. Перемышля.

Свѣдѣнія, которыя здѣсь черпалъ изъ этой литературы русскій грамотей, были далеко не послѣднимъ словомъ западно-европейскаго знанія XVI—XVII вв. Въ то время, когда въ Европѣ уже разгорались такія свѣтила, какъ Беконъ, Монтань, Гарвей, Спиноза, Лейбницъ, Декартъ, Коперникъ и Кеплеръ, у насъ пережевывались средневѣковыя фантасмагоріи подъ схоластическимъ соусомъ. Астрономія учила о звѣздахъ, передвигаемыхъ звѣрями или ангелами такъ, что по ихъ расположенію «звѣздочетъ» можетъ понять судьбы міра и отдѣльныхъ людей, которые, обладая преимущественно или студенистымъ, или влажнымъ, или сухимъ, или горячимъ свойствомъ соотвѣтственно свойству отдѣльныхъ планетъ, естественно, находятся подъ ихъ непосредственнымъ количественнымъ и качественнымъ вліяніемъ. Гарвей и Везалій у насъ еще замѣнялись «Прохладнымъ Вертоградомъ», рекомендовавшимъ комическія средства для сохраненія красоты, способы обезвредить «всякаго супостата... звѣря и гада» и даже «нечистаго духа», предотвратить градобитіе, узнать полъ ребенка, который еще не родился и т. п. Въ то время, когда въ Западной Европѣ развивалась уже прагматическая исторія въ трудахъ знаменитыхъ итальянскихъ историковъ-психологовъ, у насъ зачитывались «Хронографомъ», пополненнымъ новѣйшими открытіями въ родѣ того, что у родоначальника Новгородскихъ славянъ Словена была жена Щелонь и сынъ Волховъ, и, для разнообразія, заимствованными изъ стариннаго Шестоднева и Луцидарія географическими, астрономическими, метеорологическими и естественно-историческими свѣдѣніями, которыя имѣли больше аллегорическій, чѣмъ научный интересъ. «Естество слона, по ученію «Физіолога», таково: если упадетъ, не можетъ встать; не сгибаются у него колѣни. Когда онъ захочетъ спать, то засыпаетъ, прислонившись къ дубу. Охотники, зная слоновое естество, подпиливаютъ дерево. Когда слонъ обопрется о него, дубъ сломится, и слонъ начнетъ ревѣть... Придетъ малый слоникъ, просунетъ хоботъ подъ слона и подыметъ его. Естество малаго слона таково: если покадишь или волосомъ или костью его,—ни бѣсъ, ни змѣя туда не войдутъ. Пришелъ великій слонъ: это значитъ законъ, и человѣкъ его не можетъ поднять» и т. д.

Впрочемъ, немудрено, что подобныя свѣдѣнія, почерпаемыя москвичомъ изъ заходившей съ Запада литературы, являлись для него «послѣднимъ словомъ науки». Олеарій, этотъ «географусъ, вѣсьма наученъ и навыченъ астрологіи и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ», несмотря на свою дѣйствительно обширную эрудицію, писалъ въ своемъ «Путешествіи»: «Единорогъ, рогомъ котораго торгуютъ гренландцы, не есть четвероногое, на землѣ живущее животное, а особый родъ кита, водящійся въ Гренландскомъ морѣ. Рогъ у этого животнаго растетъ впереди носа, и потому скорѣе можетъ быть названъ зубомъ, нежели рогомъ. Что этотъ рогъ не есть принадлежность четвероногаго животнаго, доказывается тѣмъ, что онъ имѣетъ силу и дѣйствіе, приписываемыя рогу морского единорога, именно, что онъ употребляется противъ яда, какъ это дознано въ разныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, 3 года тому назадъ въ Копенгагенѣ, покойнымъ и знаменитымъ врачомъ Олаемъ Вурмомъ, а еще недавно и у насъ въ опытахъ надъ нѣсколькими собаками».

Да еще является большимъ вопросомъ, смогъ ли бы русскій человѣкъ сразу усвоить себѣ послѣднее слово европейскаго знанія, не пройдя задовъ средневѣковыхъ знаній, которыя такъ или иначе сдвигали его съ позиціи «душеполезныхъ чтеній» и фантастическими занимательными описаніями возбуждали въ немъ живой интересъ къ книгѣ. Слишкомъ большая толща предразсудковъ и связанныхъ съ «древлимъ православіемъ» сомнѣній отдѣляла его отъ тѣхъ открытій въ области науки, воспринять которыя могъ только эмансипировавшійся отъ традиціонныхъ наслоеній умъ.

Отношеніе большинства современниковъ къ открытіямъ Галилея и Коперника, къ произведеніямъ Шекспира достаточно подтверждаетъ нашу мысль. Умный Посошковъ, своимъ умомъ дошедшій до уровня европейскаго міровоззрѣнія по отношенію ко многимъ сторонамъ жизни, никакъ не могъ въ толкъ взять открытій Коперника.

Несмотря на то, что ему въ точности была извѣстна теорія, Иванъ Тихонычъ неожиданно, вопреки своему обычному ясному разсудку, примыкаетъ къ ученію древнихъ греческихъ философовъ о сферахъ, о тончайшей и легчайшей матеріи, выдѣляющейся изъ тверди, что въ «кентрѣ (sic) всего міра», и сгустившейся въ верхнихъ слояхъ, — только потому примыкаетъ, что эта теорія ближе стоитъ къ астрономическимъ представленіямъ Іисуса Навина и царя Давида.

За «лжесоставное и богопротивное умствованіе» Посошковъ разжаловалъ «Куперника въ Богу суперника» и не жалѣетъ «крѣпкихъ» словъ для опороченія его законовъ, «ничтожащихъ Моисеево писаніе, отъ откровенія написанное»...

За переводными книгами XVI—XVII в.в. мы видимъ большую заслугу въ томъ, что онѣ отвлекли русскаго грамотея отъ «душеполезнаго», возбудили интересъ къ книгѣ, какъ къ источнику «потѣшнаго», котораго «зѣло дивно есть послушати». Переводная книга «потѣшнаго» фантастическаго содержанія имѣла значеніе для русскаго читающаго общества XVI—XVII в.в. то же, какое имѣетъ для начинающаго учиться ребенка книжка съ картин-

ями или наглядное пособіе: игрушечная картинка пріучала незамѣтно преодолѣвать трудный процессъ чтенія и пониманія прочитаннаго; съ возрастаніемъ же ума читателя расширяется интересъ и къ серьезному содержанію. Литература Петровскаго времени стала доступной для современниковъ Петра только благодаря отмѣченной нами литературѣ XVI—XVII в.в.

Впрочемъ, говоря о послѣдней, мы не должны заблуждаться относительно размѣровъ ея распространенія среди читателей XVI—XVII в.в. Большему распространенію среди широкихъ слоевъ русскаго общества мѣшала прежде всего дороговизна этой литературы. Въ описи имущества воеводы Ив. Мещеринова мы находимъ указанія на цѣны книгъ, когда рубль равнялся приблизительно 13 руб. на наши деньги: «Мечъ духовный, цѣна 4 руб., (т. е. 52 р. на наши деньги). Ключъ разумѣнія—7 руб., Библія Острожская – 6 руб., Псалтирь Кіевскій—ц. 2 р., Новый Завѣтъ Кіевскій – ц. 2 р. и т. д.

Вторымъ препятствіемъ къ широкому распространенію этихъ книгъ даже среди богатыхъ москвичей была безграмотность русскаго населенія, о которой мы уже говорили въ статьѣ о духовенствѣ. Но и для грамотныхъ людей, начетчиковъ того времени, многія изъ переводныхъ книгъ этого времени были недоступны по своей схоластической шумихѣ. Авторъ «Статира», который «вельми присѣдѣ книгъ премудраго Транквилліона, многая же слова отъ поученій его устно навыче», откровенно признавался, что «книги «Обѣдъ и Вечеря» люботоруднаго и премудраго мужа Симеона Полоцкаго тяжки за высоту словесъ».

Для чтенія такихъ «тяжкихъ» книгъ недостаточно было подготовки у старыхъ мастеровъ, которые учили «буквамъ благодатнаго закона», не касаясь ихъ смысла. Новая литература всю цѣнность и привлекательность свою имѣла именно въ своемъ «смыслѣ»—содержаніи, для преодолѣнія формы котораго требовалась спеціальная школьная подготовка, требовались иные мастера, которые «должны сами различать ять съ естемъ, и не писать одного вмѣсто другого»: безъ грамматическаго любомудрія «кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть». Въ этомъ убѣждалъ не совсѣмъ гладкій для русскаго самолюбія исходъ преній о вѣрѣ русскихъ начетчиковъ съ пасторомъ Фельгаберомъ въ 1644 г. «Лютый попъ» датскій не только разбилъ своихъ православныхъ оппонентовъ, но еще великодушно выяснилъ независящую отъ нихъ причину ихъ пораженія, говоря, что «они ничего не разумѣютъ въ книгахъ», потому что у нихъ нѣтъ школъ и академій, потому что они не знаютъ языковъ... Расколъ еще ярче доказалъ, какъ опасно оставлять во главѣ религіозной жизни лицъ, которыя выше всего ставятъ знаніе «буквъ благодатнаго закона». Опровергая Соловецкую челобитную раскольниковъ, Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ писалъ: «Искалъ я корня сего недуга (раскола) и въ концѣ концовъ нашелъ два источника его: отсутствіе училищъ и недостаточность библіотекъ. Еслибы меня спросили, что служитъ опорой духовнаго и гражданскаго сана, то я отвѣтилъ бы: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ—училища и въ-третьихъ—училища. Изъ училищъ жизненный духъ разливается, какъ сквозь жилы

по всему тѣлу». Подъ вліяніемъ всего этого во второй половинѣ XVII в. стали хлопотать о заведеніи въ Москвѣ разсадника болѣе широкаго образованія, чѣмъ то, которое могли дать доморощенныя школы.

Послѣ частныхъ попытокъ удовлетворить нужду открытіемъ временныхъ курсовъ (школа Сим. Полоцкаго) и кружка самообразованія (Ртищева), рѣшено было, наконецъ, завести государственную высшую школу. Образца ея искать было недалеко. Въ присоединенномъ недавно Кіевѣ процвѣтала реформированная Петромъ Могилой по образцу іезуитскихъ коллегіумовъ академія. Вызванная нуждою просвѣщенной борьбы съ наступавшимъ католичествомъ, Кіевская академія, естественно, должна была усвоить себѣ пріемы, образовательныя средства и политическій духъ іезуитской образованности съ ея всемірнымъ латинскимъ языкомъ и всеоружіемъ схоластики. Организація Кіевской академіи была настолько дѣеспособной, что питомцы этой школы, «черкасы», не только съ честью боролись съ просвѣщеннѣйшими и могучими своей организаціей миссіонерами ордена Іисуса, но и въ теченіе второй половины XVII и большей части XVIII в. вели неутомимую наступательную борьбу противъ восточнаго невѣжества, поддерживаемаго архіереями изъ великороссовъ. Повидимому, лучшаго образца и не могли найти москвичи для заводимой у себя школы. Благо и силы, воспитанныя Кіевской академіей, были уже въ Москвѣ въ лицѣ знаменитаго Медвѣдева, убѣжденнаго ученика Сим. Полоцкаго, и старцевъ Ртищевскаго кружка. Но подозрительные къ латинскому Западу во всемъ, что касается дѣла вѣры, представители православія не рѣшились цѣликомъ пересадить въ Москву Кіевскую академію съ ея типичными свойствами и силами. Трагизмъ раскола въ томъ и состоялъ, что руководители сторонъ, на которыя раскололась русская церковь, придавали формѣ и обряду религіозному существенное значеніе въ дѣлѣ спасенія. Если для тѣхъ и другихъ было не все равно, тригубить или двугубить аллилуйя, креститься «щепотью» или «копытцемъ», то тѣмъ болѣе не могло быть для нихъ безразличнымъ, если станутъ во главѣ богословской мысли на Руси облатинившаяся школа и ея пропагандисты, которые вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ усвоили и латинскую мысль, а съ Ѳомой Аквинатомъ—схоластическое пониманіе догматики.

Поэтому вопросъ о типѣ школы всколыхнулъ московское общество и, какъ ножомъ, раздѣлилъ его на сформировавшіеся уже къ этому времени слои, настолько ясные въ проявленіяхъ ихъ типичныхъ отличительныхъ чертъ и стремленій, что ихъ нельзя не отмѣтить. Рѣзко выдѣлялась партія, для которой высшая латинская школа казалась ненужной, потому что была опасной для «древляго православія» и формъ спасенія. Эта партія стояла совсѣмъ въ другой плоскости, чѣмъ «латынники», и понять другъ друга они никакъ не могли.

Убѣжденія ретроградовъ выливались въ формулу: «Лучше изучать (т. е. зубрить) часословъ, псалтирь, октоихъ, апостолъ и евангеліе и любить простыню (простоту) паче мудрости, и тѣмъ грѣшную душу очистить отъ грѣховъ и жизнь вѣчную получить, чѣмъ постигнуть Аристотеля и Платона и, философомъ въ сей жизни называясь, въ геену отойти».

Боголюбовъ. ***Подмосковная кн. Голицыныхъ.*** Кузьминки.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Латынники на это отвѣчали: «Чтобы спастись, для этого мало любить «простыню» и «учиться буквамъ», нужно понимать смыслъ благодатнаго закона, что дается только владѣющему общимъ образованіемъ, которое есть «руководитель неблазненъ во всякое благочестіе, вождь къ боговидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію...» И тѣ, и другіе, имѣя одну цѣль—спасеніе, въ средствѣ противника видѣли прямое уклоненіе отъ пути къ этой цѣли, и не могли сговориться въ этой области такъ же, какъ и создать компромиссный типъ школы, которая для ретроградовъ казалась вовсе ненужною, для «латынниковъ» возможною только въ привычной для нихъ формѣ.

Программа латынниковъ вызывала противъ себя оппозицію другой группы, которая, сходясь съ латынниками въ мысли о необходимости введенія высшаго образованія въ Москвѣ, расходилась съ ними во взглядѣ на латинскій языкъ и выработанные въ іезуитскихъ школахъ схоластическіе пріемы, какъ на единственное средство сообщенія русскимъ «неприступнаго богословія»; признавая дисциплинирующее значеніе схоластической системы, они думали если не обрусить, такъ ославянить ее, перевести на грекославянскій языкъ и растворить въ матеріалахъ, представляемыхъ родною церковью. Не отрицая значенія знанія латинскаго языка, какъ и латинскихъ авторовъ, представители этого оппозиціоннаго теченія ополчались на латынниковъ за ихъ презрѣніе къ національнымъ средствамъ, за пользованіе схоластическими познаніями, часто поверхностными, какъ самодовлѣющимъ благомъ, безъ желанія обратить его, какъ средство, на развитіе родного языка и родного православія, наконецъ, за пренебреженіе къ практическимъ подвигамъ благочестія въ видѣ «отбрасыванія» поклоновъ.

Авторъ Книги о вѣрѣ (изд. М. 1648 г.) жалуется: «Мнози же и отъ нашихъ гордостію превознесшеся, *языкомъ словенскимъ гнушаются*... и мнози нынѣ свои хлѣбъ и сокровища духовная во чтеніи и поученіи изобильныхъ книгъ словенскихъ оставивше, за чужій, иже смертоноснымъ ядомъ устроенный хлѣбъ хапаются».

Составитель Зерцала духовнаго (около 1652 года) говоритъ: «На Руси—«пакость душевредная распространяется», ибо многіе «словенскимъ смиреннымъ языкомъ гнушаются и отъ чюжихъ возмущенныхъ водъ, наблеванныхъ прелестью, лакоме напаяваются».

«Присмотрися», говоритъ въ позднѣйшемъ посланіи Вишенскій: «что пользуютъ ихъ черниломъ хитрости, а не Духа Святаго словесы, вспитанные школьные казнодѣи, которые зъ латинской ереси себѣ способъ ухвативши заразъ школы баютъ проповѣдуютъ и учатъ, а полѣровнаго и безстрастнаго житія не хочють... теперешніе наши новые русскіе философы не знаютъ въ церкви ничтоже читати ни тое самое псалтыри, ни часослова... А знать если бы хто трохи и зналъ, якъ южъ досягнетъ стиха якого басней аристотельскихъ, тогды южъ псалтыри читатися соромѣетъ... латинскихъ басней ученицы, зовемыя казнодѣи, трудитися въ церкви не хочютъ, толко комедіи строютъ и играютъ».

Къ этой партіи примкнули и образованные греки (Лихуды), которые, собственно, по складу своего ума, по образовательнымъ пріемамъ, полу-

ченнымъ на Западѣ, ближе подходили къ латынникамъ, но не сошлись съ ними изъ-за запоздалой ревности, боясь, что покорная до сихъ поръ въ вопросахъ высшаго богословія русская церковь, съ подчиненіемъ латынникамъ, разорветъ даже ту идейно-платоническую связь съ греческою церковью, которая до сихъ поръ выражалась не столько въ руководствѣ греческой церкви русскою, сколько въ оказаніи матеріальной поддержки Москвой своимъ бывшимъ туторамъ. Лихуды въ общемъ не расходились въ образовательной программѣ съ латынниками, если не считать, что наряду съ латинскимъ языкомъ они преподавали и греческій. Впрочемъ, Лихудамъ удалось осуществить націонализацію и «оправославленіе» схоластической системы преподаванія, и этимъ ихъ школьная система отличалась отъ Кіевской. Въ Новгородѣ, куда ихъ въ началѣ XVIII в. призвалъ митр. Іовъ, они вовсе не приняли схоластическаго богословія, риторикѣ же дали своеобразную постановку. «Въ основѣ ея лежалъ тотъ же Аристотель, но они его искусно сокращали и принаровляли къ національному характеру своихъ учениковъ: примѣры брались ими преимущественно изъ твореній св. отцовъ, а не изъ сочиненій древнихъ мудрецовъ и риторовъ. Божественное и героическое краснорѣчіе, т. е по ихъ терминологіи—св. писаніе и творенія отцовъ, они ставили выше человѣческаго, т. е. заключающагося въ твореніяхъ Цицерона, Демосѳена и др. языческихъ ораторовъ, которыми исключительно занимались въ Кіевѣ... Вслѣдствіе этого ихъ риторика, сохранившаяся въ рукописи новгородской софійской библіотеки, совершенно отлична и отъ древнихъ и отъ современныхъ имъ западныхъ руководствъ по этой наукѣ... Латинскому языку они не давали предпочтенія предъ греческимъ, преподавали, напротивъ, преимущественно на греческомъ, на которомъ написана была и ихъ риторика». (Знаменскій—«Исторія дух. шк.»).

Такъ, подъ дѣйствіемъ лучей юго-западнаго просвѣщенія проявились въ Москвѣ въ концѣ XVII в. три программныхъ теченія, которыя, исходя изъ разныхъ истоковъ, слились въ общемъ натискѣ противъ латынниковъ, ходомъ событій поставленныхъ, было, во главѣ просвѣтительнаго направленія въ Москвѣ. Предлогомъ борьбы была школа; самая борьба была греками Лихудами поведена подъ флагомъ защиты православныхъ догматовъ отъ латинской ереси (хлѣбопоклонная ересь), чтобъ очернить въ глазахъ народа обвиненіемъ въ латинской заразѣ все направленіе юго-западныхъ просвѣтителей. Маневръ удался, латынники были устранены съ пути, но побѣдоноснымъ оружіемъ Лихудовъ сейчасъ же воспользовались ретрограды противъ самихъ грековъ, которые, устранивши латынниковъ, не устранили изъ Московской академіи ни латинскаго языка, ни усвоенной ими въ Италіи общеобразовательной программы и методовъ преподаванія.

Этого было достаточно, чтобы и Лихудовъ признали источникомъ еретической заразы и устранили ихъ отъ руководства Московской академіей, попавшей въ руки ретроградовъ. Обративши ее изъ «храма взысканія юныхъ мудрости свободныхъ ученій» въ инквизиціонный трибуналъ этихъ «свободныхъ ученій», они довели ее до измора физическимъ и ду-

ховнымъ голодомъ. По кончинѣ патріарха Адріана, Курбатовъ доносилъ Петру Великому: «Школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха (врага латынниковъ) въ разстройствѣ; ученики очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолки и печи обвалились»...

Разсматривая эпизодъ возникновенія Московской академіи, чувствуешь, что шумъ, поднятый вокругъ этой школы, не былъ борьбою разныхъ партій только за преобладаніе въ этой школѣ, и что вопросъ о времени пресуществленія даровъ также былъ вплетенъ въ борьбу только съ тактическою цѣлью борцами; это была борьба открыто встрѣтившихся въ тѣсномъ помѣщеніи школы двухъ культуръ и двухъ началъ, ясно обнаружившихся къ концу XVII в., стараго византійско-церковнаго, всосавшагося въ повседневный умственный и бытовой обиходъ русской жизни, и новаго свѣтскаго, государственнаго, мощно вторгшагося въ просвѣщенные умы руководителей московской жизни вмѣстѣ съ техническими усовершенствованіями во всѣхъ областяхъ русской дѣйствительности, вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ умственныхъ интересовъ и запросовъ почувствовавшей жажду новыхъ знаній и развитія души.

Это была борьба закостенѣвшей формы домостроевскаго уклада съ разрушительно дѣйствовавшимъ на него новымъ содержаніемъ, борьба тѣмъ болѣе интенсивная, чѣмъ яснѣе она отражалась въ сознаніи московскаго общества, дробя его на группы съ разными лозунгами и программами. Безсознательная «чужебоязнь», зоологическій націонализмъ переходитъ теперь въ значительныхъ группахъ московскаго общества въ сознательное національное самоопредѣленіе, вызванное вторженіемъ въ русскую стихію западно-европейскихъ началъ, которыя помогли русскому человѣку чрезъ противопоставленіе своего чужому открыть глаза на свое, замѣтить въ немъ недостойное и взять изъ чужого потребное. Различные углы зрѣнія породили въ самомъ русскомъ обществѣ неодинаковое отношеніе къ чуждой стихіи, и описанный эпизодъ конца XVII в. можетъ считаться началомъ той борьбы двухъ теченій въ русскомъ обществѣ, которыя всегда имѣли однородную сущность, принимая въ разное время различныя формы,—это борьба петровской реформы съ ретроградствомъ сына его Алексѣя, церковной и духовной школы съ реальною народною и свѣтскою, цезаре-папизма съ независимымъ духомъ въ церкви, «самодержавства» по византійскому образцу съ конституціонными и демократическими теченіями, черносотенства съ народничествомъ... Все это отдѣльныя только кольца того вихря, который зачался въ концѣ XVII в. отъ колебанія застоявшейся русской стихіи ворвавшимися въ нее волнами Западнаго вліянія XVI—XVII вв. По равнодѣйствующей этихъ борющихся силъ двинулась русская общественная жизнь. Но отъ этой равнодѣйствующей въ XVII же вѣкѣ пошли двѣ крайнихъ волны духовной жизни русскаго общества,—это, прежде всего, старообрядчество и сектантство.

Первое, въ началѣ по крайней мѣрѣ, зародилось и развивалось въ формѣ прямого отрицанія всего, что было связано съ Западомъ; второе,—разумѣю «ереси» Башкина, Артемія, Тверитинова, «евангелическое» и «ду-

ховное» христіанство,—было прямымъ усвоеніемъ охватившихъ въ то время Западную Европу религіозныхъ движеній.

Въ значительной степени плодомъ западнаго вліянія являются и конституціонныя движенія XVI — XVII вв. среди русскаго общества. Достаточно указать на конституцію 1610 г., въ значительной степени сколокъ съ политическаго строя Польши.

Наконецъ, теперь уже считается общимъ мѣстомъ въ русской исторіи то, что Петровскія реформы, ихъ программа, средства и, наконецъ, самъ Петръ и его помощники являются въ значительной степени продуктомъ западныхъ вліяній предшествующей имъ эпохи. Даже въ народныхъ массахъ въ результатѣ этого двухвѣкового вліянія создалась вполнѣ подготовленная среда для воспринятія большинства Петровскихъ реформъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ Посошковъ, который совершенно самостоятельно составлялъ проекты разныхъ реформъ въ то же время, когда онѣ вырабатывались въ кабинетахъ сотрудниковъ Петра. Усвоеніе и выраженіе Посошковымъ меркантилизма въ самыхъ ясныхъ его положеніяхъ говоритъ только за то, что практическія сношенія съ Западомъ разсѣяли и въ этой области среди русскихъ сѣмена, собрать которыя въ самостоятельную систему уже не представлялось труднымъ для недюжиннаго ума.

На перечисленныхъ крупныхъ явленіяхъ русской жизни, подробное изложеніе которыхъ не входитъ въ нашу задачу, можно лучше всего прослѣдить мощь вызвавшаго ихъ западнаго вліянія въ Россіи XVI—XVII вв.

Бѣлая гостинная въ подмосковной Всеволожскаго, нынѣ Рябушинскаго.

Театръ въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ.

С. К. Богоявленскаго.

Пользуясь оживленными сношеніями съ Западной Европой, правительство царя Алексѣя приглашало оттуда множество нужныхъ людей: офицеровъ, чтобы реформировать войско, инженеровъ, чтобы добывать руду, докторовъ и пр. Но русскіе послы, побывавшіе за границей, разсказывали, что тамъ и «потѣха» интереснѣе той, какую можно найти въ Москвѣ. Не понимая иностранныхъ языковъ и потому не вникая въ смыслъ театральныхъ представленій, они однако такъ увлекательно разсказывали объ иноземныхъ потѣхахъ, что не могли не вызвать живого интереса среди своихъ соотечественниковъ. Вотъ какъ дворянинъ В. Б. Лихачевъ, бывшій во Флоренціи, описываетъ спектакль, видѣнный имъ на придворной сценѣ: «Объявилися палаты: и бывъ палата, и внизъ уйдетъ, и того было 6 перемѣнъ. Да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море, колеблемо волнами, въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ; а на верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди. И почали облака и съ людьми на низъ опущаться; подхвативъ съ земли человѣка подъ руку, опять вверхъ же пошли. А тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялись вверхъ, за тѣми на небо. Да опущался съ неба же на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ каретѣ да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами какъ быть живы, ногами подрягиваютъ... А въ иной перемѣнѣ объявилося человѣкъ съ 50 въ латахъ и начали саблями и шпагами рубиться и изъ пищалей стрѣлять, а человѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ и многія диковинки дѣлали».

Такіе разсказы не могли не возбудить у царя и группы его придворныхъ, охотно перенимавшихъ все иностранное, желанія устроить въ Москвѣ подобныя представленія. Любимецъ царя, боярин А. С. Матвѣевъ, женатый на шотландкѣ Гамильтонъ, побывавшій во Франціи и устроившій свой домъ на западный образецъ, энергично занялся устройствомъ театра. Прежде

всего онъ сталъ подыскивать помѣщеніе и призналъ наиболѣе подходящимъ чердакъ въ отошедшемъ въ казну домѣ покойнаго боярина И. Д. Милославскаго. 10 мая 1672 г. приказъ Галицкой четверти получилъ предписаніе отпустить гамбургскихъ и англійскихъ суконъ для обивки стѣнъ и оконъ въ этомъ помѣщеніи. Артистовъ надѣялись найти въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ, можетъ быть, уже бывали театральныя представленія, но руководителей приходилось искать за границей. 15 мая 1672 г. Матвѣевъ объявилъ своему «пріятелю», полковнику Николаю фанъ-Стадену, царскій указъ ѣхать «къ Курляндскому Якубусу князю и, будучи въ Курляндской землѣ, приговаривать великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые въ руды всякія подлинно знали и плавить ихъ умѣли, да 2 человѣкъ трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, 2 человѣкъ, которые въ умѣли всякія комедіи строить». Если такихъ людей въ Курляндіи не окажется, то Стаденъ долженъ былъ искать ихъ въ Швеціи и Пруссіи.

Первые шаги Стадена были удачны. Расширивъ свою задачу, онъ вступилъ въ переговоры съ лучшими артистами того времени, съ Фельтеномъ и Анной Паульсенъ, приглашая ихъ въ Москву съ цѣлой труппой, снабженной костюмами и аксесуарами. Но слухи о томъ, что въ Москвѣ худо обходятся съ иностранцами, заставили артистовъ отказаться отъ рискованнаго предпріятія. Стаденъ вернулся только съ трубачами и утѣшалъ Матвѣева тѣмъ, что «къ комедіантомъ тѣ трубачи гораздо годны».

Но нетерпѣніе царя было такъ велико, что онъ, не дождавшись первыхъ писемъ отъ Стадена, приказалъ «учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есфирь». Вмѣстѣ съ тѣмъ указано было построить новую «комедійную хоромину» въ селѣ Преображенскомъ, любимой резиденціи царя въ лѣтнее время. Близкій къ иноземцамъ Нѣмецкой слободы Матвѣевъ отыскалъ лицо, волею или неволею взявшее на себя трудную задачу устроить театръ. Это былъ пасторъ Іоганнъ Готфридъ Грегори, долго жившій въ Москвѣ и лишившійся своего мѣста при лютеранской церкви вслѣдствіе интригъ. Судьба этого человѣка была замѣчательна: онъ былъ и солдатомъ въ польскихъ и шведскихъ полкахъ, и учителемъ, и пасторомъ и, наконецъ, директоромъ Московскаго театра. Театральное дѣло было ему, вѣроятно, знакомо: въ нѣмецкихъ школахъ представленія, устраиваемыя учениками, были дѣломъ обычнымъ. Получивъ въ свое распоряженіе значительныя денежныя средства, Грегори энергично принялся за дѣло и черезъ $4^1/_2$ мѣсяца послѣ того, какъ получилъ приглашеніе, окончилъ постройку театра, обучилъ труппу артистовъ, приготовилъ декораціи и костюмы. 17 октября 1672 года царь присутствовалъ на первомъ представленіи «Артаксерксова дѣйства» и цѣлыхъ 10 часовъ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за игрой артистовъ. Новая «потѣха» такъ понравилась царю, что онъ 2 ноября приказалъ повторить представленіе. Въ теченіе Рождественскаго поста театръ бездѣйствовалъ, а въ январѣ 1673, вѣроятно, царь снова былъ на представленіи, и Грегори, наконецъ, получилъ осязательные знаки царской милости: «за комидійное строеніе, что объ Артаксерксовѣ царствованіи», ему было выдано соболей на 108 рублей. Царская

милость простерлась до того, что Грегори съ своими артистами на Свѣтлой недѣлѣ «были у великаго государя у руки и видѣли его, великаго государя, пресвѣтлыя очи». Положеніе театра упрочилось, царь Алексѣй каждый мясоѣдъ тѣшился новой потѣхой, и для него ставились все новыя піесы.

Потѣшныхъ хоромнъ было устроено три: въ домѣ Милославскаго, во дворцѣ надъ Аптекой и въ селѣ Преображенскомъ. Первой пользовались очень мало или же совсѣмъ не пользовались, признавъ помѣщеніе неудобнымъ. Театръ надъ Аптекой былъ приспособленъ для зимы и былъ обитъ войлокомъ. Хоромина въ Преображенскомъ служила для представленій въ болѣе теплое время. Строеніе это было значительныхъ размѣровъ, судя по тому, что на его устройство пошли 7 и 10-саженныя бревна. Потолокъ поддерживался деревянными столбами. Къ хоромнѣ былъ прирубленъ рундукъ шириной въ 3—4 сажени, къ которому вела широкая лѣстница. Строеніе было обнесено заборомъ съ широкими воротами. Одного лѣсного матеріала пошло на огромную для того времени сумму—болѣе, чѣмъ на 800 рублей. Внутреннее убранство было роскошное: полъ устланъ коврами, а стѣны обиты заграничными алыми и зелеными сукнами. Сцена отдѣлялась отъ зрительнаго зала брусомъ и раздвижными занавѣсами-«шпалерами». Для зрителей были устроены скамьи, крытыя краснымъ сукномъ, а для царя было приготовлено особое, богато изукрашенное мѣсто. Сбоку были устроены ложи для царицы и царевенъ, затянутыя частой рѣшоткой, сквозь которую царское семейство могло, оставаясь невидимымъ для зрителей, видѣть то, что происходило на сценѣ.

Въ 1675 г. комедійная хоромина въ Преображенскомъ была расширена, и къ ней была прирублена 3-саженная горница съ особыми сѣнями, «чтобы въ камидейное дѣйство утѣсненія не было». Въ этой горницѣ была поставлена облицованная зелеными изразцами круглая печь, чтобы хороминой можно было пользоваться и въ зимнее время.

Приготовленіе декорацій было поручено иноземцамъ-живописцамъ, которые получили названіе «перспективнаго дѣла мастеровъ». На деревянныя рамы натягивался холстъ, на которомъ и рисовались «перспективы»: напр., для Темиръ-Аксаковой комедіи городокъ съ башнями, окрашенными въ красный цвѣтъ. Декораціи перевозились изъ одного театра въ другой; нѣкоторыя изъ нихъ пришлось устроить складными, такъ какъ ходъ въ палаты надъ Аптекой былъ очень узокъ. На «строеніе неба» пошло 500 аршинъ лазоревой крашенины. Русскіе живописцы быстро усвоили технику перспективнаго письма и оттѣснили иноземцевъ. Къ каждой комедіи приготовлялась соотвѣтствующая бутафорія: къ комедіи о Георгіи Побѣдоносцѣ паяльщикъ Ѳедька дѣлалъ змѣю, вѣроятно, изъ жести; на змѣѣ хоботъ, хвостъ и «весь нарядъ» были прикрѣплены ремнями. Къ Адамовой комедіи было сдѣлано 6 деревьевъ райскихъ съ зелеными листиками и восковыми яблоками. Почти во всѣхъ комедіяхъ участвовали воины, которые держали въ рукахъ щиты, сабли и копья, сдѣланные изъ дерева и окрашенные голубцомъ и бѣлилами.

На приготовленіе костюмовъ не жалѣли ни денегъ, ни трудовъ. Атласъ, камка, гамбургское сукно, кружева, ленты большими партіями закупались

въ московскихъ рядахъ по росписи, которую подавалъ устроитель спектакля. Шишаки и латы дѣлались изъ бѣлаго желѣза или изъ клеенаго полотна. На артистахъ были красные или зеленые чулки, а обувью служили польскіе сафьяные черевики, красные сафьяные сапоги и бѣлые нѣмецкіе башмаки. Послѣднихъ въ Москвѣ было очень трудно достать — въ лавкахъ не нашлось даже 10 паръ, которыхъ требовалъ устроитель, и пришлось дѣлать на заказъ московскимъ сапожникамъ. Для примѣра приведемъ опись костюмовъ, приготовленныхъ для «комедіи о Давыдѣ съ Голіадомъ».

«Давыду сдѣлано исподней кафтанъ киндячный, да верхняя одежда ферезея, китайское золото мишурное, да сумка кожаная, латы отъ головы до колѣнъ желѣза бѣлаго. Голіаду кафтанъ большой изъ пестрыхъ выбоекъ, латы большія жъ отъ головы до колѣней; да ему же сдѣлана голова большая клееная полотняная съ накладными волосы и съ бородой да на голову большой шеломъ бѣлаго желѣза, да для вышины поддѣланы ноги большія деревянныя и обиты кожей красной, да руки большія, да копье деревянное. 20 человѣкомъ солдатомъ сдѣлано 20 паръ латъ бѣлаго желѣза, да 20 копій деревянныхъ, да 20 штановъ киндячныхъ. 10 человѣкомъ санатыремъ сдѣлано 10 кафтановъ да 10 ферезей киндячныхъ съ кружевы мишурными, да 10 шапокъ суконныхъ, да 10 штановъ» и т. д.

Особенно роскошны были костюмы у танцоровъ, одѣтыхъ въ красное и зеленое тафтяное платье нѣмецкаго покроя, съ кружевами и лентами; одна группа танцоровъ имѣла черныя нѣмецкія шляпы, а другая была въ полотняныхъ капорахъ; на рукахъ были перчатки или «рукавицы персчатыя оленьи». Все платье было мѣстами подкрашено золотомъ. Для костюмовъ каждой комедіи покупались особыя большія коробья. Гримировка была очень несложной и ограничивалась тѣмъ, что для нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ приготовлялись бороды, и для этой цѣли шла черная или бѣлая овчина, а также конскій хвостъ и грива. Объ употребленіи бѣлилъ и румянъ нѣтъ ни слова въ расходныхъ по театру книгахъ, въ которыхъ записывалась всякая мельчайшая покупка, связанная съ устройствомъ театра.

Костюмы и бутафорію приготовить было нетрудно при той готовности, съ какой исполнялись всѣ требованія устроителей: надо было сдѣлать платье понарядѣе и попестрѣе, а насколько костюмъ вѣренъ исторически, для этого не было знающихъ цѣнителей.

Наибольшія затрудненія представлялъ наборъ и обученіе артистовъ. Въ первомъ представленіи приняло участіе 64 комедіанта, а потомъ, когда въ одинъ спектакль стали ставить двѣ, а, можетъ быть, и больше піесъ, число комедіантовъ возросло до 133. Артистовъ набирали среди молодежи въ Нѣмецкой и Мѣщанской слободахъ, и къ нимъ были присоединены молодые подъячіе. Въ Нѣмецкой слободѣ была устроена школа для обученія, и для нея отведено особое зданіе, на содержаніе котораго шли средства изъ казны. Учителями въ этой школѣ были нѣмцы Грегори, Гиппиръ и Пальцеръ и русскій—Юрій Михайловъ. Въ 1675 г. была еще другая школа, устроенная въ Мѣщанской слободѣ, давшей наибольшее число актеровъ. Здѣсь «бакаляръ» Иванъ Ѳедоровъ обучалъ 70 мѣщанскихъ дѣ-

тей комедійному дѣлу. Наконецъ, на Покровкѣ, во дворѣ, предназначенномъ для пріема иностранныхъ пословъ, докторъ Лаврентій въ томъ же 1675 г. обучалъ иноземскихъ дѣтей.

Комедіанты получали очень небольшое жалованье: 4—6 денегъ на день человѣку, тогда какъ плотникамъ и столярамъ, нанятымъ на мелкую подѣлку въ комедійной хороминѣ, уплачивалось по 10—12 денегъ на день. Но эту ничтожную плату комедіанты получали неаккуратно и должны были подавать челобитія, составленныя въ обычныхъ выраженіяхъ приказной риторики: «помираемъ голодною смертью» и т. д. При такомъ слабомъ вознагражденіи артисты не проявляли особой преданности къ своему дѣлу, и руководителямъ приходилось прибѣгать къ мѣрамъ строгости, тѣмъ болѣе, что необходимо было удовлетворять нетерпѣніе царя, желавшаго видѣть все новыя и новыя піесы. Подавая челобитіе о выдачѣ жалованія, 60 человѣкъ мѣщанскихъ дѣтей говорятъ про себя: «мы, холопи твои, учимся въ Новомѣщанской слободѣ денно и ношно *за карауломъ*».

Въ расходныхъ книгахъ Приказовъ Владимірской и Галицкой четвертей, которые закупали все необходимое для постановки комедій, мы находимъ свѣдѣнія о репертуарѣ московскаго театра. Послѣ комедіи «Эсфирь или Артаксерксово дѣйство» поставлены были комедіи «Товія» и «Іудифь или Олоферново дѣйство». Сюжеты, какъ видно изъ названій, взяты изъ Библіи. Въ 1675 году стали ставить комедіи не только библейскаго, но и историческаго содержанія: «Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ», «Прохладная комедія объ Іосифѣ», «Баязетъ и Тамерланъ или Темиръ-Аксакова комедія», «Георгіева комедія», «О Давыдѣ съ Голіадомъ» и, наконецъ, была приготовлена къ постановкѣ піеса чисто шутовского и даже фривольнаго характера, «О Бахусѣ и Венусѣ», въ которой фигурируютъ Бахусъ на бочкѣ, украшенный рогожной шапкой, его жена Венусъ, сынъ ихъ Купидонъ въ латахъ съ крыльями, 10 пьяницъ въ рогожныхъ, опушенныхъ медвѣжьимъ мѣхомъ шапкахъ, «10 человѣкъ дѣвицъ», отецъ пьяницъ, трое пьяницъ «лежащихъ» горбатыхъ, шутъ и т. д. Комедіи о Давыдѣ съ Голіадомъ и о Бахусѣ и Венусѣ готовились по указу, сказанному Матвѣевымъ 15 января 1676 г., т. е. за двѣ недѣли до кончины царя Алексѣя и, вѣроятно, не были поставлены на сценѣ.

Текстъ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ комедій сохранился до нашего времени или цѣликомъ, или въ отрывкахъ. Повидимому, большинство комедій переведено было съ нѣмецкаго, при чемъ сохранены были и нѣкоторые обороты нѣмецкой рѣчи. Комедія начиналась прологомъ или предисловіемъ, которое произносилъ особый артистъ – «предисловія читатель». Въ прологѣ мы находимъ восхваленіе царской милости и просьбу о снисхожденіи артистамъ. Далѣе идетъ самая комедія, раздѣленная на нѣсколько «дѣйствъ», а дѣйства дѣлились на картины или «сѣни». Комедія «Іудифь» имѣла 7 дѣйствъ и 29 сѣней; кромѣ того, между 3-мъ и 4-мъ дѣйствами было вставлено «междосѣніе» съ исполненіемъ вокальныхъ номеровъ. Почти въ каждой комедіи, несмотря на драматическій сюжетъ, находимъ комическія сцены, которыя исполняли шуты, носившіе или голландское названіе Пикельгеринга (маринованная селедка), или нѣмецкое—

Тельпеля. Эти шуты издѣваются надъ простодушными персонажами, бьютъ ихъ, воруютъ вино и «жаренки» и т. д. Кромѣ шутовъ, мы находимъ чисто комическія роли, разработанныя съ большой подробностью. Такъ, въ комедіи «Іудифь» солдатъ Сусакимъ, трусъ, обжора и пьяница, и служанка Абра неизмѣнно говорятъ шутовскія рѣчи, даже если подвергаются крайней опасности.

Драматическій элементъ подчеркивается такими потрясающими сценами, какъ смерть Амана на висѣлицѣ или отчаяніе Баязета, заключеннаго въ клѣтку, о которую онъ такъ бьется, что «голову всю сокрушилъ и мозгъ видѣть». Въ общемъ надо сказать, что дѣйствіе развивается медленно, съ излишними подробностями. Для примѣра мы приведемъ изъ комедіи «Іудифь» двѣ сцены, въ томъ числѣ и комическую. Іудифь рѣшилась идти въ станъ Олоферна, и это возбуждаетъ тревогу среди Вефульскихъ гражданъ.

«**Іосія**. Что глаголеши, Хабри? Тако ли Іудифь украшается лѣпо и хощетъ къ Олоферну въ станы изыти?

«**Хабри**. Ей, ныпѣ бо отъ нея пріидохъ и видѣхъ самъ ее облечену во одѣяніе благостыни своей, истинно сообразну нѣкоему ангелу; повелѣ же и отроковицѣ своей, да лагвицу вина, и сосудъ елея, и крупъ, и смоквы, и хлѣбъ, и сыръ съ собою въ путь возьметъ. Мене же моляше, яко да васъ, господъ, подъ врата созову, и сама восхотѣ, не медля, сѣмо пріити.

«**Хармі**. Зрите же: се тамо уже грядетъ.

«**Іосія**. О Боже! Каковъ сей есть ангельскій образъ! Не видѣхъ ю никогда же въ сицевой красотѣ, и мнится мнѣ, яко Господь Богъ самъ оной сіе благозрачіе во очеса вложилъ есть.

«**Іудифь**. Богъ вамъ на помощь да будетъ, возлюбленная вы! Отворите ми малыя двери вратъ сихъ и пустите мя, да изыду.

«**Гофоніілъ**. Но, пречестнѣйшая госпожа, не приведешь ли сама себе въ зѣльное опаство чести и живота своего, наипаче же несоравненныя красоты ради твоея?

«**Іудифь**. Не отъ похоти коея плотскія украсихся, но Господу Богу на славу и честь; Онъ же убо ту красоту мою тому, иже о ней соблазнится, въ ловитву претворитъ. Но не воздержите мене вящши.

«**Іосія**. Благо же тогда: ничто же по словеси твоему вопрошаемъ тя вящши, ниже помышленія твоего увѣдати желаемъ. Иди въ мирѣ! Богъ отецъ нашихъ да дастъ тебѣ благодать и весь совѣтъ твой силою своею да укрѣпитъ, яко да славится о тебѣ Израиль, и да будетъ имя твое въ числѣ святыхъ и преподобныхъ.

«*Вси рекутъ*: Аминь! буди то, буди!

«**Іудифь**. Абра! Иди во слѣдъ мене.

«**Абра**. Охъ, милостивая госпожа, страхъ таковъ на мя пришелъ, что чуть сердце мое изъ утробы не выскочитъ.

«**Іудифь**. Чего для ты сице страшишься, безумная?

«**Абра**. Скажи мнѣ, госпожа моя, каковы ассиріяне: таковы ль, что люди?

«**Іудифь.** А хотя бы были это тельцы, что тебѣ въ томъ?

«**Абра.** Тельцовъ азъ не боюся, ниже людей; но что ассиріяне за скоты, того вѣдати не могу.

«**Іудифь.** Но когда азъ не боюся, что же тебѣ боятися?

«**Абра.** О! Животъ мой ми такожде любезенъ, матери бо моей много стало, до коихъ мѣстъ меня на сей свѣтъ принесла. Егда же мя ассиріяне убіютъ, то воистинну таковъ прекрасной животъ не возмогу въ торгу и за пять алтынъ купити.

«**Іудифь.** Молчи же, велерѣчивая, съ такими басни, молися паче да иди за мною».

Далѣе мы приведемъ комическую сцену казни захваченнаго еврсями въ плѣнъ Сусакима, но не мечомъ, а лисьимъ хвостомъ.

«**Сусакимъ.** Первое Сусакима повѣсить, второе вопросить по достоинству, третье главу ему отсѣщи... О! зѣло изрядныя потѣхи. Азъ же то все въ шутку почитаю.

«**Ванея.** Скоро то провѣдаешь, что не шутка есть, какъ сей мастеръ большимъ мечемъ своимъ главу твою отсѣчетъ, что на 2 сажени отъ тѣлеси слетитъ.

«**Сусакимъ.** Голова моя съ шеи слетитъ? Можетъ ли мастеръ сотворити, что главамъ летающимъ быти, и я прошу, чтобъ онъ крылѣ моему тѣлеси притворилъ, и я главу и тѣло на тысящу верстъ отрину.

«**Ванея.** Ну, ну! И то учинится можетъ, что воронъ твое воровское тѣло и дале пронесетъ».

«**Сусакимъ.** Слышу! Тогда я для уподобанія ворону свое тѣло жареною свининою выкормилъ есмь».

Испросивъ позволеніе, Сусакимъ прощается съ бѣлымъ свѣтомъ: «Прости, чудный и изрядный свѣтъ честной! Азъ желаю, чтобъ при житіи своемъ былъ и азъ не грѣшенъ; а понеже злодѣйской спекуляторъ мнѣ жить больши не допущаетъ, и я молю у тебе, благородный свѣте— ибо впредь тя не обращу—: не вельми печальтеся о моемъ скоромъ умерщвленіи, останутся еще многіе воры и злодѣи по смерти моей къ покоренію. Простите мя, пять мои братіи, иже въ Ниневѣ обитаете! Аще же нынѣ и не творите мнѣ провожденія, однако жъ и вы вскорѣ сицевымъ путемъ пойдете! Прости, моя старая сестра, яже въ Ниневѣ большой торгъ имѣеши сѣрными трески, веревками, сапожными колодками и вшаною отравою! Ялъ есмь у тебе часто блины пряженые, а здѣшніе же кишки сотворили то, что все въ забвеніи учинилось; ты же по смерти моей товары и блины свои да употребляеши! Простите вы, благородные сродники мои изъ пятерыхъ чиновъ: ярыжки, чуры, трубочистники, бренія возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаются! Аще ли же бы и азъ учихся такова же художества, и на пути сицевые горькіе смерти не наступилъ бы!.. Простите жъ мя вы, девять художествъ, яже плоти моей угождаете: піянство, блудодѣяніе, убивство, костарничество, оболганіе, обманство, крадежство, разбойничество и мошенничество...»

Самая казнь должна быть произведена такимъ образомъ:

«Здѣ Сусакима о землю ударять и бьютъ по ногамъ и лисьимъ хвостомъ по шеѣ сво, вмѣсто меча, ударя, дондеже отъ того падетъ и будто мертвецъ лежитъ на землѣ. Ванея съ товарыщи отступятъ со смѣхомъ. Тогда приподымется Сусакимъ и со страху, паки вставъ, речетъ.

«**Сусакимъ**. Якоже надо мною нынѣ творится, не вѣдаю. Живъ ли я или мертвъ? Право вирямъ того знать не могу, подлинно ли умеръ есмь. Азъ подлинно слышу, что отъ мене животъ отступилъ изъ нутренних потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань, и правымъ ухомъ вышла душа; токмо еще мнится ми, яко нѣсколько свѣта помню: здѣ мои чулки и башмаки, тамо лежитъ моя шляпа, здѣ мой кафтанъ и штаны; токмо того не знаю, гдѣ глава моя *(Онъ вездѣ ищетъ главы своея)*. О вы, господа! Аще ли кто отъ васъ изъ любви и пріятства мою главу скрылъ, и того покорно безъ шляпы прошу и молю, чтобъ мнѣ онъ возвратилъ. Или воръ Доохъ съ собою въ жилище свое взялъ? Азъ же по сей смерти инако не буду, токмо аки привидѣніемъ или мечтаніемъ: нощію войду въ чертогъ Дооховъ и сво такъ устрашу, что онъ главу мою мнѣ возвратитъ». *(По семъ выдетъ изъ строенія)*.

Представленіе нѣкоторыхъ комедій сопровождалось танцами. Такъ, подготовляя постановку Темиръ-Аксакова дѣйства, иноземецъ Яковъ Гиперъ купилъ «на камедійное танцовное платье на опушку мѣхъ заячій». Можетъ быть, устраивались даже балетные спектакли. Роль балетмейстера исполнялъ инженеръ Николай Лима, который обучалъ танцовальному искусству 20 мѣщанскихъ дѣтей. Для танцоровъ шили нѣмецкое платье, которое не подходило ни къ одной изъ извѣстныхъ намъ комедій. Представленіе комедій оживлялось музыкой, которая была необходима и для балета, такъ какъ безъ музыки «невозможно танцовать, якобы безъ ногъ».

Съ кончиной царя Алексѣя Михайловича «комедіи мипули». Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не былъ врагомъ иноземной культуры, но равнодушно относился къ театру, который и заглохъ, лишенный царской поддержки. Что сдѣлалось съ театромъ въ селѣ Преображенскомъ, намъ неизвѣстно, а про театръ надъ Аптекой мы знаемъ, что палаты было велѣно очистить, а всякіе «комедійные припасы» вывезти въ другое мѣсто. Костюмы и бутафорія были заперты по коробамъ и отданы на попеченіе подъячаго Василія Никитина, которому приказано было «нарядъ комедійной, платье и что есть какова строенья, беречь впредь до указу и просушивать, чтобъ не погнило».

Московскій театръ существовалъ недолго, но значеніе его было велико: увлеченіе имъ благочестиваго царя показало русскимъ людямъ, что въ заморской потѣхѣ нѣтъ ничего вреднаго для души. Но театръ этотъ былъ только придворной потѣхой и для своего дальнѣйшаго развитія требовалъ другихъ условій: во-первыхъ, быть народнымъ, во-вторыхъ, быть не только потѣхой, но и образовательнымъ средствомъ. О томъ и о другомъ озаботился Петръ Великій.

Памятникъ первопечатнику
Ивану Ѳедорову.

Книгопечатаніе въ Москвѣ въ XVI—XVII вв.

В. Я. Уланова.

I.

ъ исторической литературѣ, повидимому, прочно установилось мнѣніе, что первымъ русскимъ книгопечатникомъ былъ діаконъ Иванъ Ѳедоровъ съ товарищемъ Петромъ Мстиславцемъ, первою типографіей — та, въ которой работали эти книгопечатники съ 1553 г.

Но изъ признанія всего этого вытекаютъ вопросы: у кого же научились искусству дѣлать формы, отливать буквы, вырѣзать гравюры, устраивать печатные станки Иванъ Ѳедоровъ съ товарищами? Самое совершенство ихъ перваго изданія говоритъ за то, что эти книгопечатники не были новичками типографскаго дѣла, и предполагаетъ предшественниковъ, у которыхъ усвоили технику дѣла наши первопечатники. Въ XVII в. смутно, но еще помнили объ этихъ предшественникахъ Ивана Ѳедорова. Въ дошедшемъ до насъ отъ того времени «Сказаніи о воображеніи книгъ печатнаго дѣла» мы читаемъ: «Глаголютъ нѣцыи о нихъ (т. е. объ Иванѣ Ѳедоровѣ и П. Мстиславцѣ), яко отъ самѣхъ Фрягъ то ученіе пріяста. Повѣствуютъ же о нѣкихъ, яко прежде ихъ (первыхъ печатниковъ) нѣцыи... (очевидно, изъ русскихъ) сами малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатаваху книги». Какъ ни смутны эти воспоминанія о предшественникахъ Ѳедорова изъ «фрягъ» и русскихъ, однако они получаютъ реальное содержаніе послѣ открытія библіографами изданій, напечатанныхъ до появленія перваго изданія изъ-подъ печатнаго станка Ѳедорова. Таковы два «напрестольныхъ Евангелія», «учебная Псалтирь» и «Тріодь постная», напечатанныя безъ «выходныхъ листовъ», т. е. «извѣщеній», въ которыхъ указывалось мѣсто и годъ печатанія книги, что вошло въ обычай только послѣ 1564 г. въ изданіяхъ Царскаго печатнаго двора. Кромѣ того, собственниками этихъ книгъ отмѣчались во «вкладныхъ записяхъ» годы, предшествующіе изданію Ѳедоровскаго Апостола. Все это даетъ утвердительное рѣшеніе вопроса о

предшественникахъ Ѳедорова—таковые были; но кто они были, объ этомъ до послѣдняго времени знали то же, что и авторъ «Сказанья о воображеніи книгъ печатнаго дѣла»: одни утверждали, что это были нѣмцы, другіе считали учителями Ѳедорова итальянцевъ, третьи приписывали эту честь воображаемымъ выходцамъ изъ южныхъ и юго-западн. славянскихъ странъ, основываясь на болѣе или менѣе остроумныхъ соображеніяхъ, не находившихъ себѣ, впрочемъ, документальнаго базиса. Но напечатанные въ 1909 г. С. В. Арсеньевымъ матеріалы, если не выводятъ насъ окончательно изъ области гипотезъ по вопросу о предшественникахъ Ивана Ѳедорова, то все же указываютъ, повидимому, на самаго ранняго «мастера печатнаго дѣла», познакомившаго Москву съ книгопечатаніемъ лѣтъ за 60 до появленія на сцену Ивана Ѳедорова. Уже въ «Памятникахъ дипл. сношеній др. Руси» (т. 1) разсказывается, что послы Ивана III къ императору Максимильяну Юр. Траханіотъ и Михаилъ Яропкинъ въ 1492 г., находясь въ Любекѣ, получили отъ короля Максимильяна грамату, писанную по-нѣмецки «высокимъ языкомъ», которую перевелъ имъ «Любской печатникъ Вартоломей» — «А привели есмя, государь,—пишутъ послы въ отпискѣ,— Вартоломея къ цѣлованью на томъ, что ему служити тебѣ, государю, вѣрно и твоимъ посламъ, а тое ему граматы не проносити (т. е. не сообщать) никому». Эта «отписка» сообщаетъ только о томъ, что «Любской печатникъ Вартоломей» зналъ русскій языкъ и обязался, живя въ Любекѣ, переводить для Московской дипломатіи документы, сохраняя содержаніе ихъ въ строгомъ секретѣ. Внѣ всякаго сомнѣнья, что этотъ «Любскій печатникъ Вартоломей» является тождественнымъ лицомъ съ Варѳоломеемъ Готаномъ, который, по изслѣдованію нѣмецкихъ ученыхъ, былъ «Любекскимъ типографщикомъ, издававшимъ въ этомъ городѣ книги съ 1480 по 1492 годъ. Послѣ 1484 г. Варѳоломей Готанъ троекратно посѣтилъ Швецію и по порученію шведскаго монастыря св. Бригитты въ Вадстенѣ издалъ въ Любекѣ въ 1492 г. житіе св. Бригитты. Послѣ 1492 г. книгъ изъ типографіи Варѳоломея Готана въ типографіи не появлялось». Это прекращеніе издательской дѣятельности Варѳоломея Готана какъ разъ совпадаетъ по времени съ приведенными уже извѣстіями о договорѣ «Любскаго печатника Варѳоломея» съ послами Ивана III, которые, повидимому, склонили Готана переселиться на службу въ Москву, согласно данному имъ еще раньше порученію вербовать мастеровъ. Реймаръ Кокъ, переселившійся въ Любекъ въ 1518 г. и умершій здѣсь въ 1569 году въ званіи любекскаго оберъ-цастора, составилъ хронику г. Любека, въ которой между прочимъ подробно разсказываетъ о судьбѣ Варѳоломея Готана, въ связи съ попытками папы подчинить себѣ восточную церковь. Подъ вліяніемъ этихъ сношеній съ Римомъ, разсказываетъ Реймаръ Кокъ, «русскій князь имѣлъ дѣйствительно (?) желаніе, чтобы состоялось соединеніе церквей, и уже уговорился съ типографщиками въ Любекѣ относительно печатанія на латинскомъ и русскомъ языкахъ для введенія въ Россіи обрядовъ Римской церкви. Одинъ Любекскій типографщикъ, по имени Варѳоломей Готанъ (Bartholomaeus Gothan),—добавляетъ авторъ хроники — былъ по этой причинѣ въ большой милости у великаго князя и поста-

взялъ ему книги, за что вел. князь его богато одаривалъ; но вслѣдствіе алчности папы все это дѣло рушилось. Когда Варѳоломей Готанъ хотѣлъ вернуться изъ Россіи, то русскіе, ограбивъ его, бросили въ воду и утопили». Въ этомъ сообщеніи Реймара Кока можно указать много наивностей и неточностей: дипломатическія сношенія съ Римомъ онъ принимаетъ за желаніе вел. князя принять католичество; вербовка мастеровъ печатнаго дѣла объясняется не стремленіемъ пересадить это мастерство на русскую почву, а желаніемъ ввести на Руси латинскія книги и обряды римской церкви; недостаточно мотивированной кажется и расправа съ Варѳоломеемъ Готаномъ, хотя невозможнаго въ ней мало, по тогдашнимъ временамъ. Но одно намъ кажется въ этомъ сообщеніи заслуживающимъ довѣрія, — это извѣстіе, что Варѳоломей Готанъ былъ на Руси и познакомилъ русскихъ съ своимъ мастерствомъ, какъ это онъ дѣлалъ въ Швеціи: — благо ему былъ извѣстенъ русскій языкъ. Реймаръ Кокъ могъ черпать свѣдѣнія о судьбѣ Готана изъ устъ жившаго въ Любекѣ сына Готана и другихъ его родичей, несомнѣнно, освѣдомленныхъ о судьбѣ Варѳоломея. Конечно, самъ Варѳоломей Готанъ не могъ быть учителемъ Ивана Ѳедорова, такъ какъ, въ бытность перваго въ Москвѣ, нашего «первопечатника» не было еще на свѣтѣ, но Варѳоломей могъ научить своему мастерству современныхъ ему русскихъ, которые хранили его искусство и «сами малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатаваху книги», которыя и открыты нашими библіографами. Изъ этой то школы, по всей вѣроятности, и вышли какъ Иванъ Ѳедоровъ съ Петромъ Тимоѳеевымъ Мстиславцемъ, такъ и другіе мастера печатнаго дѣла, извѣстные въ это время. На заимствованіе отъ нѣмца искусства книгопечатанія указываетъ и названіе «друкарня» (druckerey) и «друкарь», какое мы встрѣчаемъ въ послѣсловіи къ Апостолу 1574 г. Все это ставитъ на вполнѣ реальную почву какъ появленіе «русскихъ мастеровъ печатнаго дѣла» при открывшейся въ нихъ нуждѣ, такъ и энергичную безтрепетную дѣятельность въ такомъ щекотливомъ предпріятіи Московскаго правительства, уже подготовленнаго прежними опытами къ мысли о безгрѣшности и преимуществахъ новаго способа производства церковныхъ книгъ. Преимущества эти были тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ больше нелѣпостей вносили въ свои произведенія многочисленные переписчики. Максимъ Грекъ въ ужасъ приходилъ отъ «многой грубости и неродѣнія преписующихъ переписчиковъ рукописи, ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ и хитрости грамматикійской», отчего церковныя книги оказались «вси растлѣны»... Грозный заявлялъ на Стоглавомъ Соборѣ: «Божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ, не правятъ же; опись (описка) къ описи прибываетъ и недописи и точки не прямыя; и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ Божіихъ чтутъ и поютъ, и учатся, и пишутъ съ нихъ».

Ближайшимъ поводомъ къ рѣшенію завести книгопечатаніе на Москвѣ былъ обнаружившійся недостатокъ въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, когда Иванъ IV устраивалъ епархію въ новозавоеванномъ Казанскомъ царствѣ. Это обстоятельство заставило царя «помышляти, како бы изло-

жити печатныя книги, яко же въ грекехъ и въ Венецыи, и во Фригіи и въ прочихъ языцѣхъ, дабы впредь святыя книги изложилися праведнѣ». Изъ имѣвшихся на Руси «мастеровъ печатнаго дѣла» выборъ царя и патріарха палъ на Ивана Ѳедорова, можетъ быть, потому что онъ былъ духовное лицо, довѣрить которому производство перемѣнъ въ церковномъ дѣлѣ было какъ то сподручнѣе.

О прошломъ Ивана Ѳедорова до выступленія его въ царскомъ печатномъ дворѣ сохранились скудныя извѣстія. Есть указанія на то, что онъ былъ уроженцемъ села Николы Гостуни, въ Лихвинскомъ уѣздѣ, Калужской губ. Ему было около тридцати лѣтъ, когда онъ появляется въ печатномъ дворѣ. Одно время Иванъ Ѳедоровъ занимаетъ мѣсто діакона при кремлевской церкви Николы Гостунскаго. Но такъ какъ онъ овдовѣлъ, то, надо думать, долженъ былъ оставить эту должность, какъ того требовало постановленіе Стоглаваго Собора «о вдовѣхъ попѣхъ и дьяконѣхъ», опредѣлившее, чтобы «вдовые попы и діаконы не служили литургіи». Это неопредѣленное положеніе при церкви и въ обществѣ вдоваго діакона Ивана Ѳедорова, имѣвшаго къ тому же сына, можетъ быть, и заставило его заняться книгопечатнымъ мастерствомъ. Есть основанія думать, что Иванъ Ѳедоровъ выдѣлялся по своей начитанности изъ среды современнаго ему духовенства, которое вообще, по свидѣтельству Стоглава, «грамотѣ мало умѣло». Изъ написанныхъ Иваномъ Ѳедоровымъ послѣсловій къ его изданіямъ видно, что онъ хорошо владѣлъ перомъ, умѣлъ сильно выражать свои задушевныя мысли и чувства, поднимаясь порой до чистаго лиризма и прекрасныхъ образовъ. Изъ послѣсловій же обнаруживается знакомство Ѳедорова не только съ церковной, но и съ современной ему публицистической литературой. Такъ онъ нерѣдко заимствуетъ выраженія и мѣста изъ сочиненій Максима Грека и его знаменитаго ученика кн. А. М. Курбскаго. Можно думать, что онъ знакомъ былъ и съ греческимъ языкомъ, судя по тому, что въ его послѣсловіи къ острожскому изданію Новаго Завѣта встрѣчается греческая фраза.

У кого бы Иванъ Ѳедоровъ ни научился книгопечатному мастерству, его дѣятельность въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ объ его всесторонемъ знакомствѣ съ тогдашней техникой типографскаго дѣла. Онъ не только былъ печатникомъ, но умѣлъ отливать формы для буквъ и буквы, дѣлать пунсоны, т. е. рѣзаныя на стали буквы для выбиванія изъ мѣди матрицъ. Объ этомъ отчасти свидѣтельствуетъ оставшееся послѣ его смерти описанное за долги имущество, въ составѣ котораго отмѣчены «матрицы» и «формы словолитныя»; отчасти то обстоятельство, что Иваномъ Ѳедоровымъ въ теченіе его кочевой жизни было основано нѣсколько типографій (въ Москвѣ, Львовѣ, Острогѣ), и всякій разъ ему приходилось обзаводиться новымъ типографскимъ инвентаремъ, такъ какъ прежній оставался на покинутомъ мѣстѣ или въ качествѣ долгового заклада, или по «независящимъ обстоятельствамъ». Сходство шрифтовъ и одинаковая чистота и совершенство разнородныхъ изданій Ивана Ѳедорова говорятъ объ одномъ и томъ же мастерѣ этихъ шрифтовъ и о большой опытности его въ печатномъ мастерствѣ. Но не въ одной технической опытности

Подмосковная кн. Щербатова. Братцево.

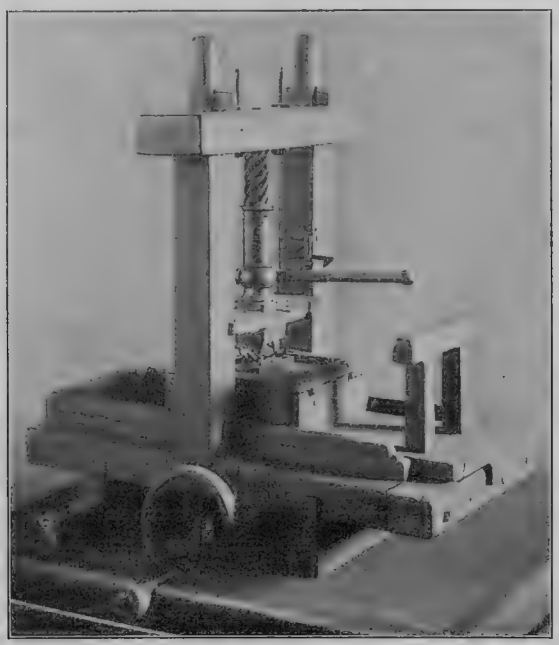
Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Ивана Ѳедорова нужно искать объясненія его книгопечатной дѣятельности, при враждебныхъ условіяхъ, которыя ему пришлось всюду и вездѣ плодотворно преодолѣвать.

Это былъ не мастеровой, а пламенный художникъ своего дѣла, какіе, впрочемъ, не рѣдко встрѣчаются среди цеховыхъ мастеровъ. Устроенный имъ типографскій станокъ не былъ въ его глазахъ мертвою машиной, разрушающей поэзію ручного книгописнаго дѣла, а тою евангельской машницей, изъ которой ему предназначено было «богодухновенные догматы распространевати»; на свое мастерство онъ смотрѣлъ, какъ «на богоизбранное дѣло», а въ своемъ искусствѣ видѣлъ тотъ евангельскій талантъ, зарыть который въ землю сытаго ничегонедѣланія мѣшала ему его дѣятельная вѣра. «Не пристало мнѣ, пишетъ Иванъ Ѳедоровъ въ одномъ изъ послѣсловій,—въ паханіи да сѣяніи сѣмянъ жизнь свою коротать: вмѣсто сохи вѣдь у меня искусство ремесленное, вмѣсто сосудовъ съ хлѣбными сѣменами — сѣмена духовныя, которыя надлежитъ по свѣту разсѣевать и всѣмъ по чину раздавать эту духовную пищу... Но болѣе всего ужаснулся я вопроса Владыки моего Христа, безпрестанно взывающаго ко мнѣ: лукавый рабъ и лѣнивый! Зачѣмъ не отдалъ ты мое серебро торговцамъ, чтобы я, пришедши, получилъ свое съ лихвою. И когда, бывало, останусь наединѣ, часто слезами я орошалъ постель мою, размышляя, какъ бы не скрыть въ землю таланта, врученнаго мнѣ Богомъ»... При всей своей опытности въ «печатномъ мастерствѣ», Иванъ Ѳедоровъ далекъ былъ отъ самомнѣнья и мысли о непогрѣшимости. Со свойственнымъ выдающимся практическимъ умамъ смиреннымъ сознаніемъ слабости человѣческихъ силъ, при осуществленіи великаго дѣла, онъ предвидитъ свои ошибки и пишетъ: «Всѣмъ же повсюду православнымъ христіанамъ... раболѣпно метаніе до лица земнаго умиленно сотворяю, отъ усердія же души смиренно молю, если приключится нѣко погрѣшеніе (ошибка), прощайте, сами же получившіе отъ Богатодавца большія духовныя дарованія, исправляйте, помня, что Господинъ винограда сего пріемлетъ послѣдняго, какъ и перваго, и отъ единонадесятаго часа дѣлавшаго, яко и тяготу вседневнаго вара понесшаго»...

Таковъ былъ нравственный обликъ книгопечатника, поставленнаго Грознымъ во главѣ печатнаго двора. Не мудрено, что подъ его руководствомъ организація типографіи стала сразу же на прочные устои. Разъ была ярко сознана благодѣтельная цѣль книгопечатанія, Грозный, этотъ «словесной мудрости риторъ», со свойственной ему рѣшительностью двинулъ въ ходъ всѣ имѣвшіяся у него средства къ ея осуществленію. Нужно было прежде всего обзавестись соотвѣтственнымъ помѣщеніемъ, и, какъ говоритъ самъ Иванъ Ѳедоровъ въ 1554 г., «царь повелѣлъ устроить домъ отъ своея царскія казны, гдѣ бы печатному дѣлу строиться (организоваться)». Для этого дома было отведено видное мѣсто на Никольскомъ крестцѣ между Никольскимъ греческимъ монастыремъ и дворомъ пѣмчина Бѣлобородa (близъ Кремля и торговыхъ рядовъ). Но главная трудность состояла въ оборудованіи типографіи мѣстными средствами и силами. Со всѣхъ сторонъ стягиваютъ въ Москву на печатный дворъ людей, пригодныхъ для затѣваемаго дѣла. Помимо главныхъ «дѣлателей»—Ивана Ѳедорова и

его помощника Петра Тимофеева Мстиславца—въ распоряженіи печатнаго двора, видимо, былъ «мастеръ печатныхъ книгъ» Маруша Нефедьевъ, котораго царь послалъ въ 1556 г. въ Новгородъ для осмотра камня, приготовленнаго для одной изъ московскихъ церквей. Маруша Нефедьевъ доложилъ царю, что «есть въ Новгородѣ человѣкъ, — Васюкомъ зовутъ Никифоровымъ, — умѣетъ рѣзать рѣзь всякую», т. е. — гравировать, и царь приказалъ «наборзѣ» выслать его въ Москву. Документы не сохранили другихъ именъ помощниковъ Ивана Ѳедорова, но, несомнѣнно, такіе были, какъ учились у главныхъ «дѣлателей» прикомандированные къ нимъ ученики-подмастерья, или, какъ ихъ называетъ Иванъ Ѳедоровъ,—«клеврети».



Первый древнѣйшій станокъ.

По его словамъ, царь... нещадно давалъ отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателемъ — Ѳедорову и Мстиславцу на составленіе печатному дѣлу и къ ихъ упокоенію (содержанію), пока и на совершеніе дѣло ихъ изыде... И многимъ клевретамъ ихъ, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — царь давалъ покой не малъ и уроки довольны». Это были граверы, знаменщики (рисовальщики), литейщики, наборщики и др. Къ числу такихъ «клевретовъ» относились упоминаемые ниже Андроникъ Тимофеевъ Невѣжа и Никифоръ Тарасіевъ, продолжавшіе дѣло своихъ учителей послѣ ихъ бѣгства въ Литву. Потребовалось цѣлое десятилѣтіе для Ивана Ѳедорова съ «клевретами» на оборудованіе первой типографіи. Нужно было сдѣлать гравировальныя доски, составить штамбы и проч., для чего нужны было не только умѣнье, но и предварительная заготовка матеріаловъ и инструментовъ. Трудность этого дѣла выясняется хотя бы изъ того, что, напр., въ вырѣзываніи пунсоновъ и буквъ изъ стали часто примѣнялся ручной граверскій трудъ. Одновременно съ оборудываніемъ типографіи шла подготовительная работа по «справѣ» предназначенныхъ къ изданію церковныхъ книгъ. Иниціаторовъ заведенія офиціальной типографіи въ Москвѣ, между прочимъ, окрыляла надежда, что съ введеніемъ книгопечатанія «впредь святыя книги изложатся праведнѣ». Участники Стоглаваго Собора должны были вскорѣ убѣдиться въ непрактичности соборной

мѣры, предписывающей во избѣжаніе усиливающихся описокъ переписывать и исправлять книги съ экземпляровъ, признанныхъ протопопами и старѣйшими священниками за добрые переводы. Непрактичность ея состояла въ томъ, что Соборъ не указалъ критерія «нерастлѣнности» «добрыхъ переводовъ» и предоставилъ протопопамъ соборнѣ съ старѣйшими священниками руководствоваться въ установленіи «добрыхъ переводовъ» своимъ чутьемъ, разумомъ и опытомъ. Насколько этотъ критерій былъ непостояненъ, многообразенъ и ненадеженъ, можно заключить изъ отзыва Арсенія Глухого о «честныхъ протопопахъ», которые не различали «ни православія, ни кривословія, Божественныя писанія проходили по чернилу, разума же въ нихъ не нудилися свѣдѣти». Но еслибы даже этимъ комиссіямъ по «справѣ» и удалось указать неиспорченный рукописный образецъ, то въ чемъ гарантія, что переписчики при копированіи послѣдняго не надѣлаютъ новыхъ описокъ: вѣдь услѣдить за дѣятельностью размножившихся «доброписцевъ» и «борзописцевъ» подобныя комиссіи были не въ силахъ, да этого имъ и Соборомъ не предписывалось. Другое дѣло—изданіе книгъ печатныхъ: достаточно было найти неиспорченную рукопись, основательно прокорректировать ея наборъ, и можно быть увѣреннымъ, что всѣ экземпляры изданія «изложатся праведнѣ». Съ такими надеждами приступали царь и митрополитъ Макарій къ организаціи типографіи.

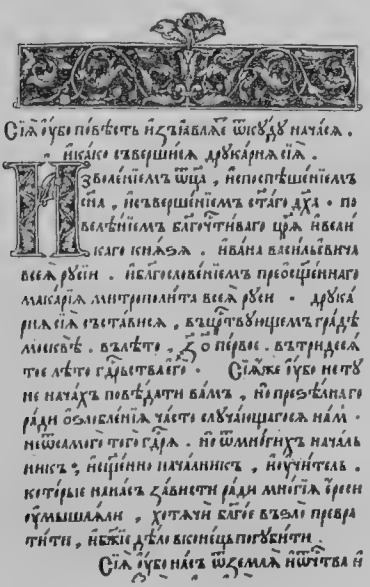
То, чего не могъ сдѣлать освященный Соборъ, долженъ былъ выполнить вдовый діяконъ Иванъ Ѳедоровъ со своими «клевретами».

Хотя первый редакторъ и корректоръ печатнаго двора и вполнѣ подходилъ подъ эти скромныя требованія, но и онъ, при всей опытности и осторожности своей, не могъ однообразіемъ своего прокорректированнаго изданія ликвидировать «растлѣнное» наслѣдство «доброписцевъ», и опять таки потому, что ему изъ существующихъ русскихъ переводовъ приходилось выбирать за оригиналъ не греческій текстъ—до этого въ XVI в. хотя и додумались (Максимъ Грекъ), но въ практическомъ осуществленіи не дошли,—а церковно-славянскій, повидимому, неискаженный, въ чемъ убѣждать должно было справщиковъ ихъ механическая подлинная извычность въ книжномъ ученіи, граматика и исторія» въ предѣлахъ, доступныхъ для самоучекъ-начетниковъ XVI в., такъ какъ въ школахъ «мастеровъ» этому «хитростнонаукъ ученію» въ то время не обучали.

Въ итогѣ десятилѣтней технической и справочной подготовки печатнаго двора въ 1563 г. приступили къ напечатанію и въ мартѣ 1564 г. окончили печатаніе «Дѣяній Апостольскихъ и Посланій Соборныхъ и св. ап. Павла». Несмотря на успѣшное выполненіе возложенныхъ на «печатный дворъ» надеждъ, самый этотъ успѣхъ возбудилъ страстную ненависть противъ первыхъ печатниковъ у тѣхъ, чьи интересы и самолюбіе были затронуты или обойдены этимъ предпріятіемъ. Типографія была подожжена, и первопечатники вынуждены были бѣжать за рубежъ.

Вотъ какъ объ этомъ они сами разсказываютъ въ послѣсловіи къ одному изъ своихъ позднѣйшихъ изданій: «Нами устроена была въ Москвѣ книгопечатня,—читаемъ мы здѣсь,—но часто мы стали подвергаться жесто-

чайшему озлобленію не со стороны самого царя, а со стороны многихъ начальниковъ, священноначальниковъ и учителей, которые, по зависти къ намъ, заподозривали насъ въ разныхъ ересяхъ, желая благое во зло превратить и дѣло Божіе въ концъ погубить: не потому, чтобъ они были очень учены или исполнены духовнаго разума, а такъ понапрасну пронесли о насъ злое слово. Эта зависть и ненависть принудили насъ покинуть нашу землю, родъ и отечество и бѣжать въ стороны чуждыя, незнакомыя»



Слѣдить подробно за судьбою Ивана Ѳедорова съ Мстиславцемъ за границей въ нашу задачу не входитъ: они и тамъ продолжали «сѣять духовныя сѣмена», основывая типографіи во владѣніи Ходкевича, въ Острожскомъ Замкѣ и во Львовѣ. Хотя и пользовались наши книгопечатники почетомъ и покровительствомъ западныхъ магнатовъ изъ православныхъ, но это не избавило ихъ отъ необходимости, «шествуя въ путь» изъ одного мѣста жительства въ другое, «многи скорби и бѣды обрѣтать» и переживать «вся злая и злыхъ злѣе». Конецъ Ивана Ѳедорова напоминаетъ судьбу Гутенберга: типографію его описали за долги въ то время, когда кредиторы убѣдились, что хозяинъ ея уже не можетъ служить надежнымъ плательщикомъ процентовъ. Впослѣдствіи печатныя принадлежности Ѳедорова были пріобрѣтены Гедеономъ Балабаномъ для просвѣтительныхъ нуждъ львовскаго братства. Но дѣло, по нуждѣ покинутое Ѳедоровымъ въ Москвѣ, пустило здѣсь жизненные корни, которые давали ростки даже въ самое тяжелое время русской дѣйствительности. Учениками и наслѣдниками дѣла Ивана Ѳедорова въ Москвѣ были Андроникъ Невѣжа и Никифоръ Тарасіевъ. Въ 1568 г. царь приказалъ построить новый печатный дворъ, уступавшій, впрочемъ, по своему оборудованію первому. Здѣсь названные мастера напечатали Псалтирь, но въ 1571 году и эта типографія погибла въ стихійномъ пожарѣ, уничтожившемъ добрую часть Москвы. Иванъ Грозный, переселившійся въ слободу Александровскую, въ своей новой резиденціи устраиваетъ маленькую типографію, гдѣ тотъ же Андроникъ Невѣжа тиснетъ на бумагѣ псалмы Давида, видимо, для успокоенія «мятущагося духа» русскаго Саула, уже составлявшаго подъ звуки этихъ псалмовъ проскрипціонные списки жертвъ своей маніи преслѣдованія. Вскорѣ, впрочемъ, пѣніе псалмовъ смѣнилось шумомъ пьяныхъ оргій и стонами истязаемыхъ, и типографскій станокъ на Руси не подавалъ признаковъ своего существованія вплоть до воцаренія Ѳедора Ивановича. Послѣдній выразилъ желаніе, «дабы царство его исполнилось Божествен-

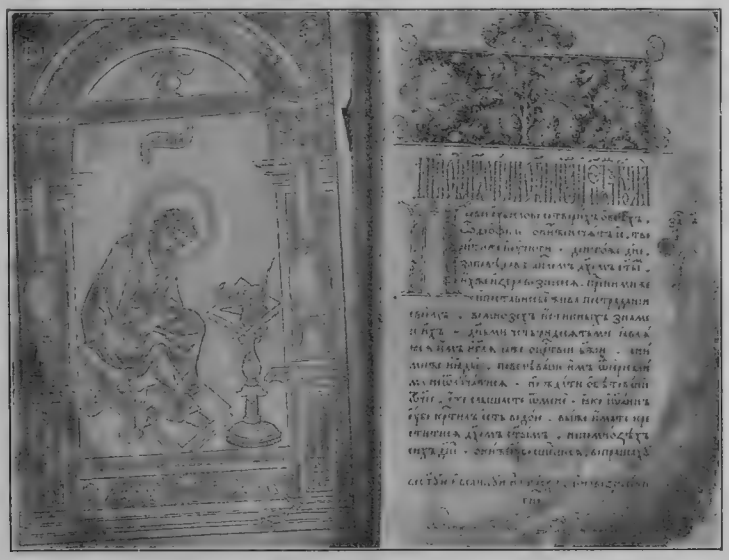
Подмосковная гр. Шереметевск. Останкино.

ныхъ книгъ печатныхъ». Въ первыя 14 лѣтъ патріаршества Іова во главѣ типографскаго дѣла въ Москвѣ стоитъ все тотъ же Андроникъ Невѣжа, который, вообще говоря, самостоятельно трудился надъ книгопечатаніемъ около 35 лѣтъ (1568—1602). За это время изъ московской типографіи вышло девять книгъ, главнымъ образомъ церковно-богослужебныхъ (2 тріоди, октоихъ, часовникъ, служебникъ, Псалтирь учебная, Апостолъ и двѣ Минеи общихъ), не считая изданій второй московской типографіи и Слободской при Грозномъ. Наступившая съ началомъ XVII в. Смута хотя и сократила развитіе типографскаго дѣла, но не заглушила его. Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій строили (для типографіи) «дома превеликіе». При Лже-Димитріи «печатный дворъ» былъ переименованъ въ «царскую его величества друкарню». Съ 1602 г. во главѣ Московской типографіи стоитъ Иванъ Невѣжинъ, сынъ Андроника, и одновременно работаетъ въ Москвѣ надъ книгопечатаніемъ Онисимъ Михайловъ Радищевскій, видимо, ученикъ Острожской типографіи Ивана Ѳедорова, печатавшій въ Москвѣ азбукой Петра Мстиславца.

Надгробная плита Ѳедорова.

При печатномъ же дворѣ заводитъ въ 1606 году новый шрифтъ Аника Фофановъ. Съ 1602 по 1611 г. печатный дворъ на Москвѣ выпустилъ 9 изданій: двѣ тріоди, первые три мѣсяца Минеи служебной (отдѣльными книжками) и Апостолъ (подъ руководствомъ Ивана Невѣжина); Четвероевангеліе (первое Евангеліе съ выходными листами), Уставъ Церковный (подъ руководствомъ Радищевскаго) и, наконецъ, Минея Общая (напечатанная Аникою Фофановымъ). 1611 годъ былъ роковымъ для Московской типографіи. Во время хозяйничанья въ Китаѣ-городѣ поляковъ, по свидѣтельству современника, «печатный домъ и вся штанба того печатнаго дѣла отъ тѣхъ враговъ и супостатъ разорися и огнемъ пожжена бысть, и погибе до конца и не остася ничтоже таковаго орудія, хитріи же нато людіе мали осташася и во ины русскіе грады отбѣгоша». Хотя съ воцареніемъ новой династіи печатный дворъ былъ заведенъ вновь, но это было уже другое учрежденіе по своимъ средствамъ, силамъ, пріемамъ и даже цѣлямъ. Поэтому мы попытаемся подвести итоги и отмѣтить характерныя особенности московской книгопечатни за первый сорокавосьмилѣтній періодъ его существованія (1563—1611). Типографія этого времени своимъ существованіемъ всецѣло обязана личной иниціативѣ царя и самоотвержен-

ной дѣятельности мастеровъ. Общество и церковь терпятъ это новшество постольку, поскольку ихъ враждебныя чувства сдерживаются авторитетомъ царя и первосвятителя. Управленіе носитъ случайный характеръ: типографіей вѣдаетъ самъ царь, направляетъ же и организуетъ въ ней дѣло главный мастеръ печатнаго дѣла, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и «справщикомъ», т. е. редакторомъ и корректоромъ. Вначалѣ типографскія работы выполняются случайнымъ подборомъ мастеровъ, оказавшихся на Руси, и ихъ учениками, рабски повторяющими пріемы и шрифты своихъ учителей. Такъ всѣ изданія Андроника Невѣжи и его сына напечатаны тою же самою азбукой, которую они наслѣдовали отъ Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева. То же сходство наблюдается и въ орнаментовкѣ. Даже пришлецъ Онисимъ Радищевскій принесъ въ Москву изъ Литвы шрифты, созданные тамъ московскими же первопечатниками.



Первый листъ Апостола.

«Справа» за весь этотъ періодъ по своимъ пріемамъ и «дерзаніямъ» сводится только къ сличенію корректуръ съ церковно-славянскими «добрыми переводами». Печатный дворъ исключительно обслуживаетъ нужды церковнаго богослуженія и благочестиваго чтенія, выпуская главнымъ образомъ богослужебныя книги, нужды государства, грамотности и мірской любознательности не находятъ себѣ удовлетворенія на печатномъ дворѣ. Интенсивность типографскаго производства очень слаба. Книги печатались крайне медленно. Такъ, Апостолъ 1564 г. печатался $10^1/_2$ мѣсяцевъ, имѣя 267 листковъ по 25 строкъ на страницѣ и около 30 буквъ въ строкѣ, не считая надстрочныхъ знаковъ. Всѣ изданныя въ этотъ періодъ книги печатались каждая въ отдѣльности около года, за исключеніемъ двухъ (Псалтири 1602 г. въ 332 листа и Минеи Сентябрьской 1607 г. въ 330

листа), потребовавшихъ для своего напечатанія каждая по 5 мѣсяцевъ, да и то, вѣроятно, потому, что съ конца XVI в. на печатномъ дворѣ въ Москвѣ устанавливается два типографскихъ станка, что должно было вдвое ускорить наборъ. За весь этотъ періодъ было выпущено печатнымъ дворомъ не болѣе 25 изданій, и каждое изданіе рѣдко превышало одну тысячу экземпляровъ. Едва ли не лучшимъ изданіемъ по чистотѣ отдѣлки, красотѣ шрифта и относительной прокорректированности считается «первенецъ» Московской типографіи—«Апостолъ» 1564 г.

Первопечатники унаслѣдовали отъ «доброписцевъ» ихъ обычай украшать свои рукописи неподражаемыми по изяществу и часто замысловатости рисунка начальными буквами, заставками, часто изображеніями сценъ, какихъ въ нашемъ изданіи читатель найдетъ не мало. Рисунки эти дѣлались часто отъ руки, но русскіе книгописцы, по мнѣнію В. Румянцева, еще задолго до заведенія типографіи въ Москвѣ знали и употребляли пріемы, сродные съ книжнымъ и гравюрнымъ печатаніемъ. «Они вырѣзывали обронно (вверхъ) на деревянныхъ или металлическихъ доскахъ прописныя травчатыя буквы, цѣлыя заглавныя строки и лицевыя изображенія, и потомъ этими обронными досками производили оттиски на книжныхъ переплетахъ и на бумагѣ»... Не мудрено, что наши первопечатники украсили свое изданіе гравюрою. Въ началѣ Апостола приложенъ гравированный эстампъ, изображающій склоненную надъ рукописью фигуру евангелиста Луки, а на рукописи очень подходящая для перваго изданія надпись: «первое убо слово»...

II.

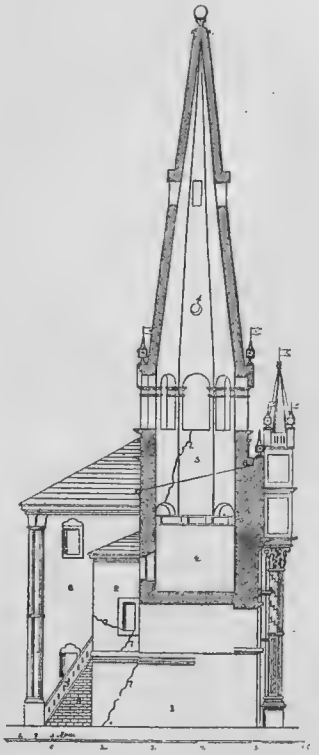
Судьбы типографскаго дѣла на Москвѣ при новой династіи измѣнились къ лучшему. Печатаніе теперь является не случайнымъ личнымъ дѣломъ царя, но постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, получившимъ опредѣленное управленіе, правила, штаты и постоянныя средства. Ей принадлежитъ видное участіе въ громкомъ дѣлѣ исправленія книгъ при Никонѣ. Въ теченіе всего XVII в. правительство не жалѣетъ средствъ и заботъ для оборудованія типографіи на широкую ногу. Указомъ царя былъ вызванъ въ Москву изъ Нижегородской области извѣстный намъ Фофановъ, привезшій съ собою «штапбу со всякими снастями», которую онъ захватилъ съ собою во время бѣгства и сохранилъ въ «лихолѣтье» или вновь сдѣлалъ въ Нижегородской области, такъ какъ онъ былъ не только печатникъ, но и «словолитецъ».

Въ Москвѣ Фофановъ, при сотрудничествѣ Кондратія Иванова и Софійскаго попа Никона, занялся возстановленіемъ типографіи. Работы первоначально производились въ кремлевскомъ царскомъ дворцѣ, въ дворцовой набережной палатѣ, отчасти въ деревянныхъ избахъ, спеціально для этой цѣли поставленныхъ, пока въ 1620 г. не было закончено двухъэтажное каменное зданіе на старомъ мѣстѣ Печатнаго двора. «Въ этомъ зданіи было двѣ палаты, изъ которыхъ одна примыкала къ стѣнѣ Китая-города, другая выступала на средину двора. Лишь только окончена была постройка, типографія переводится изъ Кремля снова на Никольскую

улицу. Въ обоихъ этажахъ каменнаго зданія были размѣщены семь типографскихъ становъ. Кругомъ главнаго зданія расположены были деревянныя постройки, перевезенныя сюда изъ Кремля и подновленныя. Въ нихъ помѣстились Печатный Приказъ и разныя вспомогательныя мастерскія: рисовальня и рѣзная, словолитня, переплетная, столярная, кузница, горнъ для варенья олифы и рудня, гдѣ коптилась сажа для типографскихъ чернилъ. Типографскій дворъ былъ обгороженъ острымъ тыномъ и деревянными заборами, а на Никольскую улицу выходили большія деревянныя ворота съ рѣзными украшеніями и кровлею. У воротъ находилась сторожевая изба. Это было единственное въ то время жилое помѣщеніе на типографскомъ дворѣ. Всѣ служащіе жили внѣ типографіи, а мастеровые люди были поселены въ особой Печатной слободѣ, у Срѣтенскихъ воротъ, при церкви Успенія, которая и до сего времени слыветъ «въ Печатникахъ» (А. Соловьевъ). До конца XVII в. это зданіе не одинъ разъ перестраивалось, поновлялось и расширялось. Про Печатный дворъ этого времени больше всего можно сказать, что «пожары содѣйствовали ему только къ украшенью». Такъ, отъ пожаровъ 1626 и 1634 г. типографія сильно пострадала. «И въ то пожарное время всякіе книжные запасы и станы и книги и бумагу мастеровые люди изъ деревянныхъ хоромъ носили въ погреба подъ полату, и въ пожаръ съ полаты кровля и въ полатѣ мосты и печи обвалились, и у большого погреба своды проломило и въ томъ погребѣ книжные всякіе запасы и станы и бумага и книги, которые въ томъ погребѣ были, сгорѣли». Однимъ ремонтомъ не ограничились. Къ 1640 году типографское дѣло развилось настолько, что оно уже не вмѣщалось въ старыхъ палатахъ, и въ 1642 г. приступили къ капитальной перестройкѣ каменныхъ палатъ, которая была завершена въ іюнѣ 1645 года. По описанію А. Соловьева, «новыя палаты были двухъ-этажныя, фасадомъ по Никольской улицѣ, и раздѣлялись на двѣ половины каменными воротами съ башней, увѣнчанной двухглавымъ орломъ, которая имѣла въ вышину 13 саж. и по своей архитектурѣ была сходна съ башнями на Спасскихъ и Троицкихъ воротахъ Кремля. Массивныя колонны воротъ покрыты были узорами. Въ пролетѣ воротъ, въ полукружіи, надъ створами были поставлены иконы. Между орнаментами главное мѣсто занимали двѣ большія фигуры льва и единорога, которыя держали надпись (о времени и царствованіи, когда «сдѣланы бысть сіи полаты и ворота». Внутренняя обстановка печатныхъ палатъ вполнѣ соотвѣтствовала наружному ихъ виду. Печатные станы были украшены рѣзьбой и расписаны дорогими красками съ серебромъ и золотомъ». Въ 1679 г. были сооружены новыя двухъ-этажныя палаты для правильни и библіотеки и былъ еще больше разукрашенъ фасадъ главнаго зданія: «шатровый верхъ большой башни расписанъ красками; стоявшій на немъ двухглавый орелъ съ крестомъ и тремя коронами вызолоченъ; помѣщенное надъ воротами «надписаніе титла Государева» также было позолочено, а окружавшія его коймы покрыты серебромъ» (А. Соловьевъ).

Печатный дворъ теперь щедро обезпеченъ средствами. Много жертвовали на любимое учрежденіе московскіе цари. Михаилъ Ѳеодоровичъ

«преизобильно своими царскими уроки навсегда удовлялъ дѣлателей преславнаго печатнаго дѣла». Когда дѣла типографіи послѣ пожара были критическими, Алексѣй Михайловичъ въ 1669 г. указалъ «изъ тѣхъ книгъ, которыхъ съ Печатнаго двора не берутъ по указанной цѣнѣ, отпустить по той же цѣнѣ къ себѣ наверхъ книгъ на 8700 рублей». Получала типографія доходы и съ своихъ изданій. «До сороковыхъ годовъ XVII столѣтія отпечатанныя книги обыкновенно разсылались «по памятямъ» въ епархіи и города. При этомъ посылался указъ собрать деньги за эти книги и представить въ Печатный Приказъ, при чемъ деньги брали за книги безъ прибыли... Но съ сороковыхъ годовъ была открыта книжная торговля на самомъ Печатномъ дворѣ, для чего были устроены при немъ книжныя лавки; при чемъ продажная цѣна книги большею частью назначалась вдвое больше той, по какой книга стоила самому Печатному двору» (А. Соловьевъ). Основнымъ источникомъ средствъ для типографіи была казна Приказа Большого дворца, а съ 1653 г. казна Патріаршаго Разряднаго Приказа, принявшаго отъ перваго завѣдываніе Печатнымъ дворомъ. До этого времени главнымъ распорядителемъ на Печатномъ дворѣ былъ государевъ бояринъ. По словамъ А. Н. Соловьева, «непосредственное наблюденіе за состояніемъ и дѣятельностью Печатнаго двора было поручено особому Приказу книгъ печатнаго дѣла. Засѣдавшіе здѣсь дьяки и подъячіе завѣдывали разсылкой и продажей изданій, вели книги приходовъ и расходовъ и составляли годовые отчеты о залежалыхъ книгахъ и остаточныхъ суммахъ, кои отбирались потомъ въ казну. Назначенія на всѣ рѣшительно какъ высшія, такъ и низшія должности происходили съ вѣдома и по распоряженію самого государя. Печатаніе книгъ хотя и зависѣло отъ усмотрѣнія высшей духовной власти, но совершалось всегда по указу царскому». Такъ было до того времени, пока патріаршій престолъ не занялъ «собинный другъ» государя Никонъ. По указу 1654 г. Печатный дворъ передается въ завѣдываніе патріарха, который назначаетъ не только управляющихъ Печатнаго двора, но руководитъ всѣми деталями расширившагося теперь книгопечатнаго дѣла. Личный составъ служащихъ расширялся по мѣрѣ роста типографскаго производства. При патр. Іоасафѣ онъ достигъ 165 человѣкъ, и состоялъ изъ 4 справщиковъ, книжнаго чтеца и писца, 24 наборщиковъ, 12 разборщиковъ, 48 тередорщиковъ, 48 батырщиковъ и двухъ подъячихъ; сюда же отно-



Планъ „Печатнаго двора“ XVII в.

сились переплетчикъ, рѣзецъ, знаменщикъ (рисовальщикъ), два словолитца, олифленникъ, рудникъ, два столяра, три кузнеца, приставъ и 12 сторожей. Трудъ этихъ «дѣлателей печатнаго дѣла» по тому времени цѣнился высоко. Такъ еще по смѣтѣ 1612 г., составленной боярами для проектированной ими типографіи, главному мастеру назначено было въ годъ по 15 руб. 15 четв. и столько же овса; словолитцамъ по 10 рублей да хлѣбнаго жалованья по 28 четвертей каждому. Въ дѣйствительности жалованье отдѣльнымъ мастерамъ было непостоянно даже для одного и того же лица. Иногда съ служащими расплачивались произведеніями Печатнаго двора. Такъ, въ 1641 г, «государева жалованья дано книжнымъ справщикамъ: двумъ протопопамъ да ключарю, (да еще троимъ) шесть книгъ въ тетратехъ безденежно. Да исправщикамъ—ковычныя книги (корректуру)».

Работы на Печатномъ дворѣ производились по станамъ. Каждый станъ составлялъ какъ бы особое отдѣленіе типографіи; при немъ подъ управленіемъ главнаго мастера работали 2 наборщика, 1 разборщикъ, 4 тередорщика (печатника) и 4 батырщика (набойщика красокъ). Въ той палатѣ, гдѣ предполагалось начать печатаніе книги, читался о томъ царскій указъ. Послѣ молебна въ приходской церкви Женъ Мироносицъ, мастеровые получали деньги на калачи и матеріалы для печатанія. Самая интересная и интенсивная работа при Печатномъ дворѣ происходила въ «Правильнѣ» или «Правленной палатѣ». Мысль о «растлѣніи» богослужебныхъ книгъ, по которымъ приходилось молиться Богу, не давала покоя іерархамъ такъ же, какъ и сознательнымъ мірянамъ. Поэтому «Правильнѣ» теперь предъявляютъ особыя требованія и организуютъ ее на новыхъ началахъ. Патр. Филаретъ образовалъ при Печатномъ дворѣ комиссію справщиковъ. Въ нее старались опредѣлить лицъ «изъ духовныхъ и различныхъ старцевъ, кои подлинно и достохвально извычни книжному ученію и грамматику и риторію умѣютъ». Въ нее вошли архим. Діонисій, старцы Арсеній Глухой и Антоній Крыловъ и свящ. Иванъ Насѣдка. Комиссія эта состояла большею частью изъ пяти лицъ: троихъ справщиковъ и чтеца съ писцомъ. Иногда справщиковъ было четверо и болѣе, а чтецовъ и писцовъ по двое. Передъ печатаніемъ книги справщики сличали разныя изданія, дѣлали помѣты и справки, на основаніи коихъ потомъ и вели печатное изданіе. До 1650 года справщики продолжали руководствоваться славянскими текстами, «по книгамъ харатейнымъ добрыхъ переводовъ древнихъ», изъ которыхъ нѣкоторые были 200-лѣтней давности. До сличенія съ греческими текстами пріемы ихъ справы въ первой половинѣ XVII в. не доходили: даже скромныя грамматическія поправки заставляли справщиковъ всячески оправдываться передъ читателями. «И о семъ же васъ молимъ,—читаемъ мы въ послѣсловіи къ Прологу 1641 года, яко да не позазритъ ваша общаго совѣта совѣсть, егда узрите въ писменѣхъ странность или въ просодіи, и возмнится вамъ, яко ново сіе и необычно: ей, ей, не ново и не нами сіе вписашеся, но одно отъ древнихъ вѣдущихъ доброписцевъ нашея великоя Руссіи, другое—отъ грамматическаго любомудрія, т. е. отъ осьмочастнаго (восьми частей рѣчи) разумѣнія и правленія въ родѣхъ, числѣхъ, въ падежѣхъ, во временѣхъ, въ лицѣхъ, въ наклоненіяхъ. А грамматическаго

слова и разума вѣдѣніе трудно,—назидательно оправдывается справщикъ, но внятельно и смыслу сердецъ нашихъ просвѣтительно; безъ сего кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть».—Оговорка вполнѣ попятная, если мы примемъ во вниманіе, что авторамъ ея былъ памятенъ непріятный инцидентъ съ справщикомъ архим. Діонисіемъ. «Сидя безъ всякія хитрости полтора года день и ночь» надъ исправленіемъ «Требника», Діонисій съ товарищами нашли между прочимъ въ современныхъ имъ требникахъ лишнее слово въ молитвѣ: «Самъ и нынѣ, Владыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ и огнемъ». Послѣднее слово оказалось позднѣйшею прибавкою, потому что въ древнихъ спискахъ его не было. Слово «огнемъ», естественно, выпустили, за что Діонисія предали церковному суду, обвиняя его въ томъ, что онъ «имя Св. Троицы велѣлъ въ книгахъ марать и Духа Св. не исповѣдуетъ, яко огнь есть»... Діонисія съ товарищами заключили въ Вознесенскомъ монастырѣ въ оковы, вымогали у него взятки, ставя на правежъ, глумились и плевали на него. Въ праздничные и торговые дни митроп. Іона приказывалъ привозить верхомъ на клячѣ архим. Діонисія на патріаршій дворъ и тамъ заставляли его класть земные поклоны. Толпа бросала въ него грязью за то, что онъ хотѣлъ, по ихъ мнѣнію, «огонь вывести изъ міра». Особенно издѣвались надъ Діонисіемъ мастеровые, которые въ своемъ ремеслѣ не могли обойтись безъ огня (кузнецы, литейщики, повара и т. п.). Нужно было спеціальное вмѣшательство и торжественное признаніе правоты Діонисія со стороны Іерусалимскаго патріарха, чтобы его избавили отъ жестокихъ преслѣдованій. Слово «и огнемъ» было выпущено изъ «Требника» только послѣ того, когда патріархи Іерусалимскій и Александрійскій прислали въ 1625 году соотвѣтственныя граматы и переводы изъ древнихъ греческихъ требниковъ. Такимъ образомъ сличеніе съ греческимъ текстомъ признается русскою церковью за рѣшающій сомнѣнія пріемъ. При дворѣ царя Алексѣя образовался кружокъ съ Никономъ во главѣ, который рѣшительно сталъ на этотъ путь исправленія «растлѣнныхъ» книгъ. Борясь съ предубѣжденіемъ русскихъ противъ грековъ, будто бы потерявшихъ вмѣстѣ съ свободой и чистоту православія, кружокъ этотъ выпустилъ «Книгу о вѣрѣ», которая защищала благочестіе и православіе восточныхъ патріарховъ и ихъ авторитетъ въ дѣлахъ вѣры. Въ теченіе 3 мѣсяцевъ книга эта разошлась въ количествѣ 850 экземпляровъ, что говоритъ о произведенномъ ею впечатлѣніи. Со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона пріемъ сличенія славянскихъ книгъ съ греческимъ текстомъ, при ихъ справѣ, получаетъ официальное признаніе. Соборъ 1654 г. постановилъ: «достойно и праведно исправити (книги) по старымъ харатейнымъ и греческимъ». Сторонники этого пріема еще заранѣе позаботились объ организаціи пригодныхъ для этого дѣла силъ и средствъ. Прежніе справщики, не знавшіе греческаго языка, были отстранены, и на ихъ мѣсто вызваны изъ Кіева хорошо образованные и знающіе греческій языкъ Арсеній Сатановскій, Епиф. Славенецкій и Дамаскинъ Птицкій, а потомъ съ юга Арсеній Грекъ и арх. Діонисій Святогорецъ. Въ то же время Арсеній Сухановъ привезъ съ Аѳона около 500

почтенной древности греческихъ богослужебныхъ и библейскихъ книгъ. Хотя дѣло Никона по исправленію книгъ привело къ плачевнымъ результатамъ для русской церкви и самого Никона, но введенный имъ пріемъ исправленія книгъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній получилъ полныя права гражданства въ Правильнѣ Печатнаго двора, позволивши справщикамъ въ теченіе второй половины XVII вѣка и послѣдующихъ столѣтій полностью ликвидировать «растлѣнное» наслѣдство предшествующихъ «доброписцевъ и дѣлателей».

Справщики, пользовавшіеся до половины XVII в. свободной инціативой по исправленію текста, со времени Никона и особенно въ силу указа 1674 года, обязывались приступать къ перемѣнамъ въ текстѣ послѣ доклада завѣдующему типографіей, а въ болѣе важныхъ случаяхъ по обсужденіи допустимости этихъ перемѣнъ патріархомъ и соборомъ. Кромѣ того, патр. Іоакимъ установилъ цензуру книгъ передъ выходомъ ихъ въ обращеніе. Напечатанная книга прочитывалась въ Крестовой палатѣ въ присутствіи патріарха, и только послѣ этого выпускалась въ свѣтъ,—мѣра, вполнѣ понятная послѣ того, когда исправленіе книгъ привело къ расколу въ церкви.

Второй періодъ дѣятельности государева Печатнаго двора, обнимающій три царствованія (1613—1689 г.), отъ предшествующаго отличается большей производительностью. За 75 лѣтъ было напечатано 472 изданія (въ общемъ по 6,3 книги въ годъ); тогда какъ за первый періодъ всего было напечатано 25 изданій въ теченіе 48 лѣтъ (по 0,5 изданія въ годъ). При этомъ въ новомъ періодѣ количество изданій замѣтно увеличивается съ каждымъ царствованіемъ: при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ за 32 года было выпущено 180 изд. (въ среднемъ по 5,6 въ годъ); при Алексѣѣ Михайловичѣ 187 изд. въ теченіе 31 года (по 6 въ годъ) и въ тринадцатилѣтнее царствованіе Ѳеодора Алексѣевича 105 изд., только церковнаго содержанія (по 8 въ годъ въ среднемъ). Съ каждымъ царствованіемъ замѣтно усиливается и разнообразіе содержанія книгъ, напечатанныхъ въ Московской типографіи. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ исключительно печатались церковно-богослужебныя книги, при чемъ «Псалтирь» выдержала 29 изд., «Часовникъ»—15; «Евангеліе» и «Служебникъ» по 14, «Минея Общая»—11 и т. д.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Печатный дворъ, помимо церкви, начинаетъ обслуживать нужды просвѣщенія, законодательства и военнаго строя. Насколько подобное расширеніе издательской дѣятельности типографіи вызывалось потребностью времени, видно, напр., на судьбѣ изданій первой учебной московской книги—«Азбуки» Бурцева. Первое ея изданіе, 1649 г. вышедшее въ количествѣ 6 тысячъ экземпляровъ, было продано въ три мѣсяца; 2400 экземпляровъ второго изданія (1651 г.) съ гравированнымъ на деревѣ изображеніемъ училища и съ любопытнымъ «предисловіемъ» прозою и стихами, было распродано въ одинъ день... Въ 1648 г. вышла грамматика Милетія Смотрицкаго въ количествѣ 1200 экз. по 50 коп. за экземпл. (на наши деньги около $6^1/_2$ руб.). Въ 1647 г. была напечатана книга: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія», продававшаяся по 1 рубл. (рублей по 13 на наши деньги). Впрочемъ, выходъ ея въ свѣтъ задержался

Подмосковная Гончаровыхъ. Яропольцы.

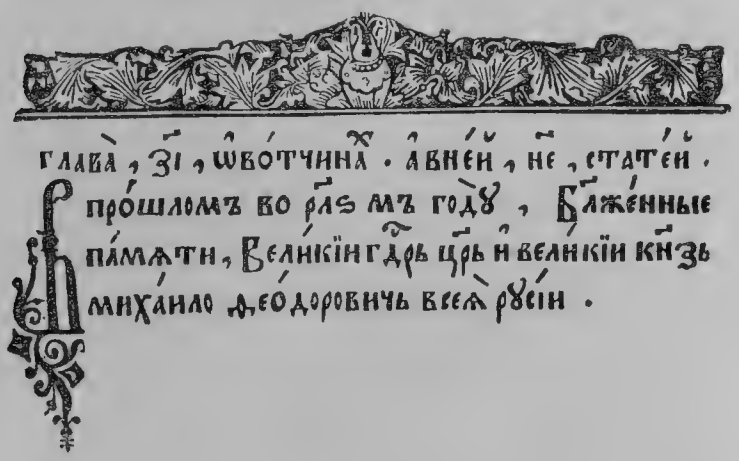
до 1649 г. вслѣдствіе того, что Печатный дворъ заказалъ въ Голландіи мастеру Томасу Свану выгравировать для этого изданія 36 таблицъ и гравюру для заглавнаго листа, по рисунку знаменщика Григорія Благушина. На этомъ листѣ оттиснутъ вырѣзанный на мѣди русскій скорописный текстъ, окруженный травами и цвѣтами, съ двуглавымъ орломъ

Первая гравюра на мѣди.

вверху и съ миніатюрными изображеніями разныхъ военныхъ сценъ. Это была первая гравюра на мѣди, потому что на Печатномъ дворѣ до 1708 г. не было ни граверовъ на мѣди, ни фигурныхъ цилиндрическихъ станковъ (Ровинскій). Въ это же царствованіе, какъ извѣстно, было напечатано два раза (1649 и 1650 г.г.) «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» въ

количествѣ 2400 экземпляровъ по 1 руб. Къ этой же категоріи изданій относится «Грамата о таможныхъ пошлинахъ» и др. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ московская типографія начинаетъ обслуживать нужды тогдашней проповѣди и учености, представленныхъ Симеономъ Полоцкимъ и другими просвѣтителями той поры.

Такъ скромная «друкарня» Ивана Ѳедорова постепенно превращалась въ мощный органъ просвѣщенія московскаго общества, въ свѣточъ, отъ котораго зажгла свои яркіе огни современная «пресса» во всѣхъ могучихъ



Глава изъ „Уложенія".

проявленіяхъ ея въ духовной жизни русскаго общества. Поставленный въ Москвѣ вблизи стараго «Печатнаго двора» памятникъ Первопечатнику является поэтому не только данью благодарныхъ потомковъ, но и символомъ ихъ увѣренности въ томъ, что слабый ростокъ, проросшій сквозь огонь и пепелъ пожаровъ, тѣмъ менѣе въ мощномъ своемъ ростѣ можетъ быть задержанъ хрупкими цѣпями «многихъ начальниковъ, священноначальниковъ и учителей, которые по зависти заподозриваютъ (печать) въ разныхъ ересяхъ, желая благое во зло превратить и дѣло Божіе въ конецъ погубить: не потому, чтобъ они были очень учены или исполнены духовнаго разума, а такъ попапрасну»... (Изъ послѣсловія Ивана Ѳедорова къ «Апостолу» 1574 г.).

Московскія смуты въ XVII в.

С. К. Богоявленскаго.

Въ теченіе XVII вѣка Москва пережила немало тревожныхъ дней, вызванныхъ народными смутами. Городъ всегда былъ шумнымъ и суетливымъ, особенно въ центрѣ, но иногда по улицамъ проносился настоящій ураганъ: озлобленная, озвѣрѣвшая отъ вида крови толпа неудержимымъ потокомъ устремлялась къ Кремлю и къ царскому дворцу, растекалась по всѣмъ улицамъ, сметая на своемъ пути дѣйствительныхъ или мнимыхъ своихъ враговъ. Послѣ нѣсколькихъ тревожныхъ дней грозный потокъ опять входилъ въ свое русло, возстановлялась обычная городская суета, пока накопившееся чувство озлобленія опять не вырвется наружу и не разразится народнымъ бунтомъ.

Смутное время, потрясшее весь государственный организмъ, было вызвано многочисленными причинами соціальнаго и экономическаго характера; это былъ отчаянный вопль всего народа, заявившаго о необходимости радикальныхъ реформъ. Но переустройство государства шло крайне медленно, обѣщанія и полумѣры не разрѣшали назрѣвшихъ вопросовъ, и потому надо считать, что съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича смута не окончилась, а только приняла иное направленіе.

Успокоеніе не могло наступить также потому, что народъ въ теченіе смутнаго времени получилъ новое политическое воспитаніе: онъ выбиралъ и свергалъ государей, привыкъ слѣдить за дѣятельностью правительства и протестовать противъ неправды, зналъ, что обладаетъ огромной силой и что правительство должно считаться съ его настроеніемъ. Поэтому русскій народъ, терпѣливо переносившій въ XVI вѣкѣ выпадавшія на его долю бѣды, въ XVII вѣкѣ не ограничивается положеніемъ безмолвной жертвы, а открыто заявляетъ о своихъ требованіяхъ и силою отстаиваетъ свои права. Между тѣмъ, число его враговъ увеличилось еще однимъ, который дѣйствовалъ не въ силу права, а благодаря своей безотвѣтственности—это бюрократія.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича бюрократія выступала робко сдерживаемая народными представителями, въ сотрудничествѣ съ которыми царь приводилъ въ порядокъ разстроенное государство. Властная рука патріарха Филарета, обладавшаго несомнѣннымъ государственнымъ умомъ,

крѣпко держала московское чиновничество въ предѣлахъ порядка. Но Земскіе соборы стали созываться все рѣже и рѣже, патріархъ Филаретъ скончался, не оставивъ послѣ себя достойнаго преемника, и бюрократія въ короткій срокъ сумѣла показать всѣ свои худшія стороны. Во главѣ арміи чиновниковъ, цѣплявшихся другъ за друга, заслонявшихъ царя отъ народа, становились царскіе родственники или любимцы, сильные своимъ вліяніемъ при дворѣ, представлявшіе царю положеніе дѣлъ въ томъ видѣ, какой былъ имъ удобенъ. Развращающее вліяніе этого порядка опредѣлилось очень скоро. Государственная власть оказалась въ рукахъ группы лицъ, почти безотвѣтственной, лишенной патріотизма, внимательной только къ своему благополучію. Родственники царицы занимали важнѣйшія должности не благодаря талантамъ, а по заступничеству царицы. Это заступничество спасало ихъ отъ отвѣтственности въ случаѣ прямыхъ государственныхъ преступленій. Царь Алексѣй не разъ выходилъ изъ себя, когда узнавалъ о продѣлкахъ своего тестя И. М. Милославскаго, дралъ его за бороду, бранилъ непристойными словами, однако отстранить отъ государственныхъ дѣлъ не рѣшался. Установился такой обычай, что вмѣстѣ съ новой царицей во дворецъ вторгались толпой ея родственники, оттѣсняли прежнихъ фаворитовъ и получали назначенія на самыя отвѣтственныя и выгодныя должности. Они спѣшили воспользоваться всѣми выгодами своего положенія, продавали судъ и правду, нагло обманывали царя, пока онъ при видѣ ожесточенной мятежной толпы не догадывался, что все идетъ не такъ просто, какъ увѣряли его ближайшіе совѣтники.

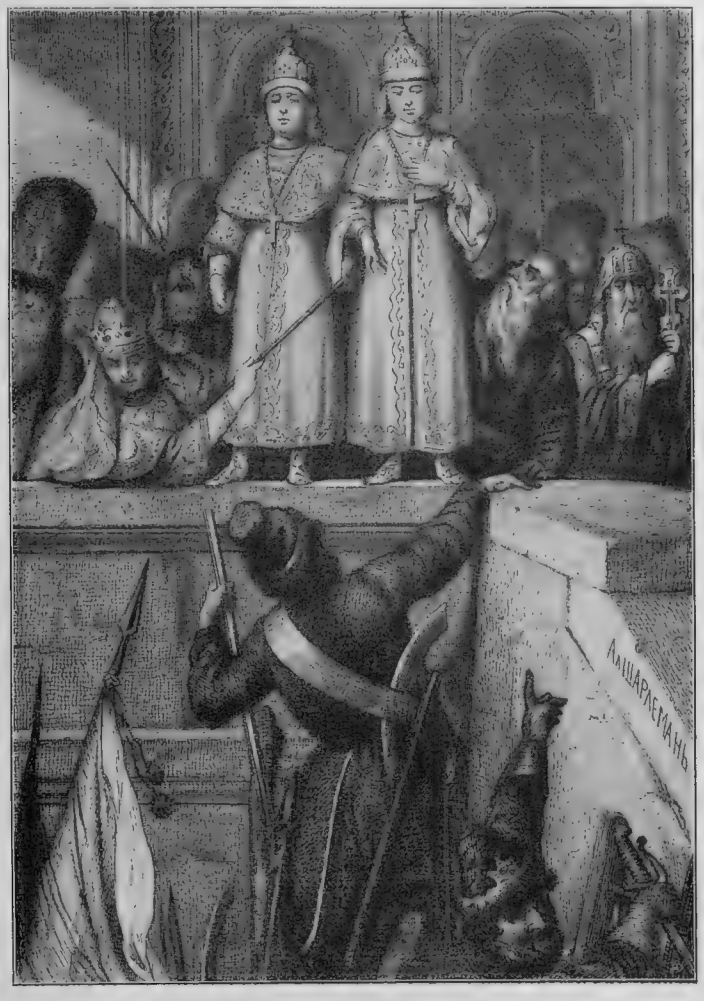
Надо сказать, что бюрократія, какъ сорная трава, выросла на истощенной почвѣ. Послѣ народнаго разоренія, причиненнаго смутнымъ временемъ, правительство должно было напрячь всѣ народныя силы, чтобы наладить расшатанное государственное хозяйство и отогнать сильнаго сосѣда. Войны съ поляками и шведами поглощали огромныя средства, и затраты все увеличивались, такъ какъ правительство принуждено было приглашать на свою службу иностранцевъ, вводить иноземный строй, снабжать войско дорогимъ вооруженіемъ. Приходилось еще больше напрягать платежныя силы населенія, но все болѣе возраставшія недоимки ясно показывали, что населеніе не въ силахъ вынести бремя налоговъ, если правительство не озаботится улучшеніемъ народнаго хозяйства. А между тѣмъ съ такимъ трудомъ собираемыя средства расходовались на военныя нужды или расходились по карманамъ чиновниковъ, а на производительные расходы затратъ почти не было. Нѣсколько неурожайныхъ лѣтъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича и эпидемическія болѣзни скота окончательно разстроили народное хозяйство.

Поставленное въ необходимость добывать все большія средства, правительство предпринимало различныя, болѣе или менѣе остроумныя реформы обложенія и способа собиранія государственныхъ доходовъ. Иногда мысли, положенныя въ основаніе новыхъ плановъ, были вѣрны, но у чиновниковъ, призванныхъ осуществлять реформу, не было самаго существеннаго условія—добросовѣстности. Поэтому разумная реформа терпѣла неудачу, и каждая такая неудача больно отзывалась на разоренномъ народѣ.

Подмосковная Гончаровыхъ. Ярополецъ.

Словомъ, причинъ для народнаго неудовольствія накопилось очень много, и достаточно было одной искры, чтобы воспламенить массу горючаго матеріала. Наступило, по выраженію одного современника, «бунташное время».

Главную роль при юномъ царѣ Алексѣѣ игралъ его дядька Борисъ Ивановичъ Морозовъ, умѣвшій завоевать неограниченную довѣренность



Шарлемань. Стрѣлецкій бунтъ.

и нѣжную привязанность царя. Онъ удалилъ отъ двора тѣхъ бояръ, которые могли стать ему поперекъ дороги, и замѣстилъ всѣ важнѣйшія должности при дворѣ и въ приказахъ вѣрными себѣ людьми. Чтобы упрочить свое вліяніе, Морозовъ женилъ царя на дочери незначительнаго дворянина Милославскаго, а самъ женился на сестрѣ новой царицы. Милославскіе, во всемъ обязанные Морозову, поддерживали своего благодѣтеля.

Въ короткое время Морозовъ возстановилъ противъ себя всѣ классы московскаго общества. Торговцы не разъ жаловались на конкуренцію иноземцевъ, пользовавшихся значительными льготами по торговлѣ и суду. Въ 1646 году московскіе торговые люди подали новую челобитную, въ которой обстоятельно излагали свое разореніе отъ иностранцевъ, допущенныхъ съ товарами въ Москву, и просили, чтобы торговыхъ иноземцевъ дальше Архангельска не пускали. Морозовъ оказался на сторонѣ богатыхъ иностранцевъ, и челобитная успѣха не имѣла. Среди московскихъ торговыхъ людей пронесся ропотъ негодованія: предпочтеніе, оказанное иностранцамъ въ ущербъ русской торговлѣ, казалось страннымъ и находило себѣ объясненіе только въ подкупѣ, передъ которымъ не устоялъ Морозовъ.

Другое основаніе для неудовольствія была необдуманная попытка замѣнить, если не всѣ, то большую часть прямыхъ налоговъ значительнымъ увеличеніемъ косвенныхъ налоговъ. Въ разсчетѣ на то, что соль является предметомъ первой необходимости, одинаково потребляется какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ, и что, слѣдовательно, никто не можетъ уклониться отъ уплаты налога на соль, правительство рѣшило этотъ налогъ повысить въ пятнадцать разъ (по 2 гривны на 1 пудъ), но при этомъ не разсчитало, на какіе классы падетъ вся тяжесть этой реформы. Бѣднѣйшее населеніе кормилось преимущественно рыбой, которая въ лѣтнее время массами вылавливалась въ Волгѣ, Окѣ и другихъ рѣкахъ, тутъ же солилась дешевою солью и перевозилась въ Москву огромными партіями. Когда была повышена пошлина на соль, и она неимовѣрно вздорожала, солить рыбу оказалось невыгоднымъ, и рыба портилась безъ соли. Вслѣдствіе недостатка главнаго пищевого продукта московская чернь стала держать себя угрожающе и требовать чтобы правительство отмѣнило соляной налогъ. Въ Морозовѣ, завѣдывавшемъ приказомъ Большой Казны и руководившемъ неудачной финансовой операціей, народъ увидѣлъ главнаго своего врага, готоваго уморить голодомъ бѣдныхъ людей.

Въ то же время благочестивые люди были крайне поражены, когда правительство объявило своей монополіей продажу табака, за употребленіе котораго при царѣ Михаилѣ рѣзали носы. Табачной монополіей, продажей травы, вредной и для человѣческой души, завѣдывалъ также приказъ Большой Казны, т. е. Морозовъ и одинъ изъ его вѣрныхъ приверженцевъ, дьякъ Назарій Чистой.

2 іюня въ царскомъ присутствіи былъ совершонъ крестный ходъ изъ Кремлевскихъ соборовъ въ Срѣтенскій монастырь. Верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи свиты бояръ царь возвращался съ торжества во дворецъ среди шумной толпы, наполнявшей улицы. Этимъ случаемъ рѣшились воспользоваться недовольные. Они остановили лошадь царя и стали жаловаться на притѣсненія, чинимыя Плещеевымъ, протягивая царю челобитныя. Ошеломленный неожиданностью, царь просилъ толпу успокоиться и обѣщалъ разслѣдовать дѣло. Тогда толпа разступилась, пропустила лошадь царя и стала расходиться. Но обращеніе народа къ самому царю не понравилось боярамъ; они стали бранить толпу и рвать челобитныя. Нѣко-

торые на лошадяхъ въѣхали въ толпу и стали замахиваться нагайками. Только что обласканный царемъ, народъ не стерпѣлъ обиды, сталъ бросать въ бояръ камнями и обратилъ ихъ въ бѣгство. Первый шагъ былъ сдѣланъ, страхъ передъ правительствомъ побѣжденъ, и толпа, не зная удержу, бросилась въ погоню за обидчиками. Стоявшіе у Кремлевскихъ воротъ стрѣльцы, раздѣлявшіе съ черными людьми всю тяжесть боярскаго произвола, дѣйствовали нерѣшительно; они впустили толпу въ Кремль, но остановили ее при входѣ во дворецъ. Крики мятежниковъ, требовавшихъ выдачи Плещеева, дошли до царскаго слуха, но «государь царь того дни всей землѣ ево, Левонтья, не выдалъ», а послалъ на крыльцо Морозова, чтобы увѣщевать народъ. Выборъ посредника былъ крайне неудаченъ. Завидѣвъ Морозова, давно уже ненавистнаго, въ роли защитника Плещеева, мятежники подняли такой крикъ негодованія, что Морозовъ поспѣшилъ скрыться во дворецъ. Мятежники теперь требовали новыхъ жертвъ, требовали выдачи и Морозова, и Траханіотова. Не имѣя силъ пробиться во дворецъ сквозь ряды стрѣльцовъ, толпа бросилась разорять дворъ Морозова въ Кремлѣ, выбила ворота, избила слугъ и ворвалась въ домъ. Жену Морозова, полумертвую отъ страха, не тронули, какъ сестру царицы, но имущество все разорили, не пощадили даже иконъ, шитыхъ жемчугомъ. «То кровь наша», кричала толпа, уничтожая богатства, собранныя Морозовымъ. Между прочимъ, была изломана карета, свадебный подарокъ царя, и съ нея сорвано все серебро, которымъ она была окована. Много добра было исковеркано или уничтожено, немало мятежники унесли съ собой; по крайней мѣрѣ, на рынкѣ появились драгоцѣнные соболи мѣха, которые продавались по самой дешевой цѣнѣ. Разгромъ кончился тѣмъ, что были выкачены изъ Морозовскихъ подваловъ бочки съ виномъ, и вокругъ нихъ полегли напившіеся до безчувствія нѣкоторые изъ метежниковъ.

Покончивъ съ домомъ Морозова, толпа ринулась разорять дома Плещеева, Траханіотова, Чистого и другихъ ненавистныхъ людей, дружившихъ съ Морозовымъ. Бояре спрятались во дворцѣ, и мятежники застали только Чистого, который не могъ покинуть постели, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ упалъ съ лошади и сильно расшибъ себѣ ногу. Заслышавъ шумъ и предчувствуя грозящую опасность, Чистой съ большимъ трудомъ проползъ до сѣней, гдѣ и спрятался подъ грудой вѣниковъ. Но одинъ изъ слугъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, захватилъ деньги своего господина и бѣжалъ изъ дома, открывъ мятежникамъ убѣжище несчастнаго дьяка. Чистой былъ звѣрски убитъ. Черезъ 7 дней царь пожаловалъ вдовѣ дьяка 50 рублей на поминки и укрѣпилъ за ней всѣ помѣстья и вотчины мужа.

Наступившая ночь на короткое время остановила безчинства разъяренной толпы. Во дворцѣ шли непрерывныя совѣщанія царя съ боярами, и всю ночь дѣлались приготовленія, чтобы дать на слѣдующій день отпоръ мятежникамъ. Наскоро были собраны въ Кремль вооруженные дворяне, которые заперли всѣ ворота и три дня оберегали «государево здоровье» въ то время, какъ горѣли ихъ дворы. Въ Нѣмецкую слободу былъ посланъ приказъ, чтобы наемные иноземцы явились также во дворецъ. На

стрѣльцовъ и пушкарей разсчитывать не приходилось, потому что Морозовъ, управлявшій также Стрѣлецкимъ приказомъ, своими притѣсненіями и вымогательствомъ возбудилъ среди своихъ подчиненныхъ непримиримую къ себѣ ненависть, а пушкари давно уже ждали случая свести счеты съ Траханіотовымъ. Дѣйствительно, среди мятежниковъ было не мало служилыхъ людей.

3 іюня съ утра бунтъ возобновился и принялъ болѣе широкіе размѣры, такъ какъ въ немъ приняло участіе множество боярскихъ дворовыхъ людей, вспомнившихъ всѣ обиды, которыя претерпѣли отъ своихъ господъ. Часть мятежниковъ разсыпалась по городу и, не встрѣчая сопротивленія, занялась грабежомъ. Разорено было не мало дворовъ должностныхъ лицъ и разорваны найденные у нихъ документы.

Пока одна часть мятежниковъ хозяйничала по всему городу, сводя счеты съ неудобными лицами, другая «невѣжливымъ обычаемъ» двинулась къ Кремлю и стала громко требовать выдачи Морозова, Плещеева и Траханіотова. Царь и дворъ находились въ полной безопасности, такъ какъ пользовались охраной дворянъ и подоспѣвшихъ иноземцевъ, но они были отрѣзаны отъ города плотной стѣной мятежниковъ. Между тѣмъ необходимо было такъ или иначе усмирить волненіе и спасти городъ отъ разоренія. Царь не нашелъ другого выхода, какъ выдать Плещеева «всей землѣ головою». Толпа не стала ждать палача и ослопьемъ убила своего бывшаго судью. Но эта жертва не только не успокоила волненія, но еще больше разожгла страсти. Толпа требовала новыхъ жертвъ. Царь попробовалъ другое средство—увѣщаніе и выслалъ на Лобное мѣсто патріарха и духовенство съ иконами, а также наиболѣе популярныхъ изъ бояръ. Но народъ не хотѣлъ ихъ слушать и все настоятельнѣе требовалъ выдачи Морозова. Тогда самъ царь рѣшился выйти изъ Спасскихъ воротъ на Красную площадь, сталъ просить двухдневнаго срока для разбора жалобъ и далъ обѣщаніе во всякомъ случаѣ отстранить отъ государственныхъ дѣлъ Морозова и Траханіотова.

Когда царь, чтобы скрѣпить свое обѣщаніе, приложился къ Спасову образу, толпа затихла и стала расходиться, довольная достигнутымъ результатомъ.

Однако мятежъ не затихъ, а, наоборотъ, возобновился съ еще большей силой. Послѣ полудня сразу загорѣлось въ пяти частяхъ города. Пожаръ распространился съ необыкновенной быстротой, и въ короткое время огромное пространство отъ Остоженки до Неглинной «бысть, аки поле». Кромѣ того, погорѣли торговые ряды—Житный, Мучной и Солодяной, а въ нихъ большіе запасы хлѣба. Такъ какъ въ поджогѣ нельзя было сомнѣваться, то народъ сталъ разыскивать виновныхъ. Дѣйствительно, нѣсколько человѣкъ-поджигателей было поймано. Они были преданы жестокой пыткѣ, чтобы добиться, по чьему наущенію они рѣшились на такое дѣло. Неизвѣстно, сказали ли поджигатели правду или хотѣли попасть въ тонъ народу, но они оговорили Морозова и Траханіотова, которые будто бы подкупили ихъ выжечь Москву и тѣмъ отмстить за бунтъ.

Озлобленіе достигло крайнихъ предѣловъ. Погорѣльцы приняли самое дѣятельное участіе въ волненіяхъ. Желая спасти своихъ ближайшихъ со-

Спускъ къ Москвѣ-рѣкѣ отъ стараго дворца.

Изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

вѣтниковъ, царь распорядился удалить Морозова и Траханіотова изъ Москвы. Послѣдній былъ спѣшно назначенъ воеводою одного изъ сѣверныхъ городовъ и немедленно двинулся въ путь, а Морозовъ, пытавшійся переодѣтый бѣжать, былъ узнанъ и съ трудомъ спасся въ Кремлѣ. Толпы народа опять тѣснымъ кольцомъ стали вокругъ Кремля. Крики мятежниковъ, требовавшихъ выдачи Морозова и Траханіотова, доходили до царя, который со своимъ дворомъ опять оказался въ осадѣ. Увѣренія, что ни Морозова, ни Траханіотова въ Кремлѣ нѣтъ, нисколько не помогали: толпа имъ не вѣрила. Царь принужденъ былъ бросить мятежникамъ вторую жертву и, разсчитывая спасти Морозова, рѣшилъ пожертвовать Траханіотовымъ. За нимъ былъ посланъ въ погоню князь С. Р. Пожарскій. Народъ не расходился, ожидая выдачи своего врага. Наконецъ, 5-го іюня, Пожарскій

Нестеровъ. Казнь стрѣльцовъ.

привезъ Траханіотова, котораго мятежники водили цѣлый часъ по базару, а потомъ обезглавили. Въ то же самое время изданъ былъ указъ о назначеніи начальникомъ Стрѣлецкаго приказа популярнаго князя Я. К. Черкасскаго и объ увеличеніи жалованья стрѣльцамъ вдвое. Стрѣльцовъ было, очевидно, много среди бунтовщиковъ, потому что послѣ этого милостиваго указа волненія значительно поутихли. Царь воспользовался этимъ моментомъ и во второй разъ вышелъ къ народу. Со слезами на глазахъ онъ просилъ пощады для Морозова, который вскормилъ его и былъ вторымъ отцомъ; обѣщалъ сдѣлать Морозова безвреднымъ, удалить его изъ Москвы, совершенно устранить отъ государственныхъ дѣлъ, отнять имѣнія и, наконецъ, постричь его въ монахи въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь обѣщалъ улучшить положеніе народа, даровать льготы по торговлѣ, уничтожить табачную монополію, вознагра-

дить потерпѣвшихъ отъ пожара и т. д. Народъ былъ тронутъ слезами царя и согласился на его условія.

Мятежъ сразу утихъ. Городъ снова принялъ мирный видъ.

12-го іюня Морозовъ былъ отправленъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, но въ монахи постриженъ не былъ. Царь не переставалъ заботиться о своемъ любимомъ воспитателѣ. Свое расположеніе къ нему онъ краснорѣчиво выразилъ въ собственноручныхъ припискахъ къ граматѣ игумену, въ которой выражалось опасеніе, какъ бы боярин не пострадалъ во время большого скопленія народа во время ярмарки, и предлагалось увезти Морозова на время куда-нибудь подальше: «і вамъ бы сей грамотѣ верить и здѣлать бы і уберечь отъ всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнуть бы нихто не вѣдалъ, хотя и выедетъ куды. А естли свѣдаютъ и я свѣдаю, и вамъ быть казненымъ; а естли убережете его, такъ, какъ и мнѣ, добро ему сдѣлаете, і я васъ пожалую такъ, чего отъ зачяла свѣта такой милости не видали. А грамотку сию покажите ему, пріятелю моему». Обѣщаніе царя лишить Морозова имѣній не было исполнено. Наоборотъ, право владѣнія было подтверждено, и 9 іюня въ вотчину Морозова, въ село Лысково, была послана грамата, велѣно «во всемъ слушать его по прежнему», а въ сентябрѣ Морозову были выданы новыя купчія и жалованныя вмѣсто утраченныхъ во время бунта. Наконецъ, 22 октября того же года «для радости», что у царя родился сынъ Дмитрій, Морозовъ былъ возвращенъ въ Москву и хотя не занималъ никакихъ должностей, однако своими совѣтами вліялъ на дѣла управленія. Онъ даже показывался передъ народомъ и не разъ въ Вербное воскресенье водилъ за узду осля, на которомъ возсѣдалъ патріархъ. Но искоренить въ народѣ недовѣріе къ нему было невозможно, и его имя приплеталось къ самымъ нелѣпымъ слухамъ объ «измѣнѣ». 15 апрѣля 1650 г. бояре по приказанію царя «съ пристрастіемъ» допрашивали Клинскаго мужика Ивана Трунило, который на перевозѣ сообщалъ проѣзжимъ такой планъ Морозова: «Боярину Борису Ивановичу итти было въ Печеры, изъ Печеръ взять Псковъ съ нѣмецкими людьми, изо Пскова подъ Новгородъ, и изъ-подъ Новгорода подъ Москву». Жестокими пытками боярамъ не удалось вырвать иного признанія, какъ указаніе на неизвѣстныхъ проѣзжихъ людей, которые говорили такія же рѣчи.

Хотя Морозовскій бунтъ и утихъ, но спокойствіе было ненадежное. Стрѣлецъ Андрюшка Ларіоновъ распространялъ слухъ, шедшій, по его словамъ, отъ князя Я. К. Черкасскаго, что «быть замятнѣ на Крещенье, какъ государь пойдетъ на воду». Онъ былъ женъ клещами и сказалъ, что сталъ болтать съ пьяну. Андрюшка, по урѣзаніи языка, былъ сосланъ въ дальніе города. Характерно и то, о чемъ говорили «съ пьяну», и та жестокость, съ которой правительство наказывало за распространеніе подобныхъ слуховъ. Слухи не оправдались. Уложеніе, удовлетворивъ нѣкоторыя сословія, дало рядъ спокойныхъ лѣтъ, но оно не исправило администраціи и не улучшило государственнаго хозяйства. Новая финансовая операція вызвала въ Москвѣ новыя волненія.

Царь Алексѣй Михайловичъ велъ съ Польшей двѣ войны, потребовшія затраты огромныхъ денежныхъ средствъ. Такъ какъ казна была пуста, то правительство прибѣгало къ экстреннымъ сборамъ, взимало сперва 20-ую, потомъ 10-ую и, наконецъ, 5-ую деньгу, т. е. брало единовременно до 20% «съ животовъ и промысловъ», но и этихъ денегъ не хватало на покрытіе военныхъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе страшной эпидеміи, унесшей много жертвъ, уменьшилось и число плательщиковъ всякихъ налоговъ. Усилить добычу цѣннаго металла правительство не умѣло и «хотя въ кроникахъ и пишутъ, какъ говоритъ Котошихинъ, что Русская земля на золото и серебро урожайная», однако добыча серебра была незначительная. Серебро приходило къ намъ изъ-за границы или въ слиткахъ, «прутовое», или въ монетахъ-іохимсталерахъ, которые перечеканивались въ русскіе «ефимки» и выпускались по принудительному курсу,

Нестеровъ. Казнь стрѣльцовъ.

при чемъ казна наживала до 30%. Но приливъ и этого иностраннаго серебра значительно сократился, такъ какъ иностранная торговля по настоянію русскихъ купцовъ подверглась большимъ стѣсненіямъ. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ правительство додумалось до выпуска ассигнацій. Кто былъ иниціаторомъ этой серьезной финансовой операціи, неизвѣстно, но народная молва приписывала первую мысль окольничему Ѳ. М. Ртищеву, одному изъ самыхъ образованныхъ и честныхъ сановниковъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича.

Первоначально мѣдныя монеты съ клеймомъ серебряной деньги пошли очень хорошо и были встрѣчены съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ правительство принимало ихъ въ платежъ наравнѣ съ серебряными. Но потомъ дѣло пошло хуже. Неумѣренность въ выпускѣ все новыхъ ассигнацій и злоупотребленія при ихъ чеканкѣ подорвали къ нимъ довѣріе. Вслѣдствіе

несложности штампа, поддѣлка монеты была дѣломъ нетруднымъ, но очень выгоднымъ. Мелкіе ремесленники-серебряники, литейщики, котельники и др. занялись новымъ промысломъ — чеканкой ассигнацій и наживали большія деньги. Они тутъ же выдавали себя, такъ какъ обзаводились хорошей одеждой, покупали женамъ дорогія украшенія, тратили деньги безъ счета. Напрасно правительство старалось запугать жестокими наказаніями и издало указъ, за что отсѣкать руку, за что руку и ногу и т. д.; напрасно заливали виновнымъ горло оловомъ — соблазнъ былъ слишкомъ великъ: изъ одного пуда мѣди, цѣною въ 1 р. 60 к., можно было начеканить ассигнацій на 100 рублей. Многіе изъ обывателей покупали чеканы и у себя въ чуланахъ или погребахъ устраивали свои монетные дворы. Даже богатые купцы не устояли передъ соблазномъ и занялись чеканкой «воровскихъ» денегъ. Число фальшивыхъ ассигнацій увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Во главѣ монетнаго дѣла были поставлены люди, никогда не отличавшіеся честностью, а теперь широко воспользовавшіеся удобнымъ случаемъ для своего обогащенія: тесть царя И. Д. Милославскій и племянникъ царя по матери дворянинъ Матюшкинъ. Они чеканили ассигнаціи для себя и для своихъ родственниковъ. Одинъ иностранецъ-современникъ разсказываетъ, будто Милославскій лично для себя начеканилъ мѣдной монеты на огромную сумму въ 120000 рублей. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать поддѣлывателей ассигнацій, Милославскій и Матюшкинъ вступали съ ними въ компанію, за хорошую плату выпускали изъ тюрьмы и оставляли на свободѣ. Народъ это видѣлъ, и чувство озлобленія къ родственникамъ царя все возростало. Узнавъ о подвигахъ своего тестя, Алексѣй Михайловичъ погнѣвался на него, покричалъ и поругалъ, но оставилъ у монетнаго дѣла и тѣмъ навлекъ справедливыя нареканія и на себя.

Дѣло шло все хуже и хуже. Черезъ годъ послѣ перваго выпуска мѣдныхъ ассигнацій появились зловѣщіе признаки, что довѣріе народа къ нимъ поколеблено: серебряный рубль на рынкѣ ходилъ наравнѣ съ 1 р. 5 коп. мѣдной монетой, а потомъ разница стала все увеличиваться. Правительство само подорвало довѣріе къ мѣднымъ деньгамъ своимъ распоряженіемъ принимать въ уплату податей только серебро, а само уплачивало мѣдью. Результатомъ этой мѣры было дальнѣйшее паденіе курса ассигнацій, такъ что за серебряный рубль стали давать 17 руб. мѣдныхъ. Состоятельные люди стали припрятывать серебро, и его совсѣмъ не было видно на рынкѣ, такъ что не было возможности уплачивать подати. Ратные люди терпѣли страшную нужду, такъ какъ, получая жалованье мѣдными деньгами, должны были во много разъ сократить свои расходы. Отсутствіе серебра и дешевизна мѣдныхъ денегъ подняли цѣны на всѣ товары въ нѣсколько разъ. По показаніямъ современниковъ, «въ прежнихъ лѣтѣхъ можно было мастерскому человѣку и съ женою быть сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастерскому человѣку одного хлѣба и харчу саму-другу надобно на 26 алтынъ». И правительство, и подданные одинаково пострадали отъ неумѣлыхъ и недобросовѣстныхъ руководителей монетнаго дѣла.

Разразившійся экономическій кризисъ заставилъ правительство задуматься и спросить у московскихъ торговыхъ людей, отчего произошла

дороговизна всѣхъ товаровъ и какъ помочь бѣдѣ. Торговые люди подали «сказки», въ которыхъ указывали на выпускъ ассигнацій, какъ на причину всѣхъ несчастій: «А учинилась въ Московскомъ государствѣ и во всѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ великая безмѣрная дороговь, хлѣбная и соляная, харчъ и всякіе товары, и то учинилось не отъ хлѣбнаго недороду и соляного промыслу, но отъ мѣдныхъ денегъ; а хлѣбъ, милостію Божіею, родится по прежнему». Торговые люди требовали прежде всего немедленнаго изъятія изъ обращенія мѣдныхъ ассигнацій, а потомъ созыва Земскаго Собора для разсмотрѣнія народныхъ нуждъ. Послѣднее требованіе не могло быть пріятнымъ для зазнавшейся и безотвѣтственной бюрократіи, и пока правительство раздумывало, какъ устроиться своими силами, безъ помощи народныхъ представителей, назрѣлъ и разразился народный бунтъ.

Народъ во всемъ обвинялъ безнаказанно обогащавшагося Милославскаго и богатаго гостя Шорина, собиравшаго пятую деньгу.

Слухъ о готовившихся волненіяхъ сталъ распространяться задолго до іюля 1662 года, когда вспыхнулъ мятежъ. Дьячокъ Алексѣевскаго монастыря Демка Филипповъ вскорѣ послѣ Святой слышалъ разговоръ священника, діакона и монахинь, что «чернь де собирается и чаитъ быть погрому двору боярина Ильи Даниловича Милославскаго да гостя Василія Шорина и иныхъ богатыхъ людей за измѣну въ денежномъ дѣлѣ». Жившіе въ Москвѣ иноземцы также ожидали возмущенія, такъ какъ видѣли, что народъ вынужденъ къ этому отчаяніемъ. Только правительство, жившее минутой и не заглядывавшее впередъ, очевидно, не подозрѣвало всей опасности и не принимало никакихъ мѣръ, чтобы предотвратить ее.

Мятежъ начался 25 іюля 1662 года. Царя не было въ Москвѣ: онъ со своимъ семействомъ и съ многочисленными боярами уже болѣе недѣли, какъ жилъ въ селѣ Коломенскомъ. Рано утромъ на Срѣтенкѣ, около церкви Троицы на Листахъ, сталъ собираться народъ, мѣстные слобожане, чтобы потолковать о сборѣ пятой деньги. Это было обычное мірское собраніе, начало котораго не предвѣщало ничего опаснаго. Прохожіе сообщили, что на Лубянкѣ у церкви преп. Ѳеодосія кѣмъ то приклеенъ воскомъ къ рѣшоткѣ листъ объ измѣнникахъ. Все собраніе двинулось на Лубянку и по мѣрѣ движенія впередъ росло, какъ комъ снѣга, такъ какъ прохожіе и сосѣдніе обыватели также поинтересовались узнать, о какихъ измѣнникахъ идетъ рѣчь. Дѣйствительно, на церковной оградѣ оказалось письмо очень несложнаго содержанія, говорившее, что Милославскій и его пріятели измѣнники, передались польскому королю. Оно оказалось тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что отвѣчало подозрѣніямъ народа. Другое такое же письмо было вывѣшено на Покровкѣ, но тамъ осталось, повидимому, незамѣченнымъ. Сотскій Срѣтенской сотни Павелъ Григорьевъ немедленно сообщилъ о письмѣ и о сборищѣ въ Земскій приказъ, откуда и были командированы дворянинъ Семенъ Ларіоновъ и дьякъ Аѳанасій Башмаковъ, чтобы конфисковать письмо. Между тѣмъ на Лубянку со всѣхъ сторонъ стекался народъ, и стрѣлецъ Куземка Ногаевъ читалъ, а, можетъ быть, и комментировалъ письмо. Толпа много разъ заставляла перечитывать письмо и гудѣла все грознѣе и грознѣе. Посланцы Земскаго приказа были встрѣчены

очень недружелюбно. Башмакова, который имѣлъ смѣлость выхватить письмо, задержали за лошадь и за ноги. Видя озлобленныя лица, Башмаковъ отдалъ письмо сотскому и, улучивъ минуту, обратился вмѣстѣ съ дворяниномъ въ бѣгство, а толпа гналась за ними до самаго Кремля. На Красной площади Ногаевъ, взобравшись на лавку, снова прочиталъ уличающій бояръ документъ. Въ глазахъ народа, вѣрившаго не только въ печатное, но и въ писанное слово, это было, дѣйствительно, неопровержимымъ доказательствомъ виновности Милославскаго и его пріятелей. Чтобы письмо не попало въ руки бояръ и не было ими уничтожено, толпа рѣшила отправиться въ Коломенское, подать письмо самому царю и тѣмъ убѣдить его въ виновности бояръ. Волненіе не было подавлено въ самомъ началѣ, потому что находившіеся въ Москвѣ ратные люди были въ нерѣшительности: слухъ о письмѣ подѣйствовалъ и на нихъ. Полкъ Шепелева прямо отказался подчиняться своему начальнику. Только наемные иностранцы остались отъ начала до конца вѣрными, но при общемъ смятеніи объ нихъ какъ будто забыли, и они не получили никакихъ распоряженій.

Толпа, двинувшаяся въ Коломенское, была не велика, всего 5 тысячъ, но отличалась крайне пестрымъ составомъ. Напрасно царь уже послѣ бунта писалъ въ своихъ граматахъ: «Наши, великаго государя, всякихъ чиновъ ратные и торговые люди къ тому воровству никто не пристали». Въ толпѣ замѣтны были и кафтаны служилыхъ людей, былъ даже подпрапорщикъ Ломовцевъ, который грозно кричалъ и угрожающе размахивалъ чеканомъ. Были тутъ и торговые люди, покинувшіе свои лавки, какъ они потомъ говорили, по принужденію черни; были и дворовые крестьяне, былъ и дьячокъ, убѣжавшій за толпой изъ церкви, не окончивъ службы. Но большинство состояло изъ городской черни, и потому толпа вела себя «невѣжливымъ обычаемъ»—желаніе передать въ руки царя важный документъ приняло формы народнаго бунта.

По случаю именинъ сестры Анны Михайловны, царь былъ у обѣдни, когда по Коломенской дорогѣ широкой волной двинулась возбужденная толпа. Положеніе было опасное, такъ какъ въ Коломенскомъ не было войска, и эти часы, когда во дворцѣ все трепетало, своеобразно отмѣчены въ записяхъ царскихъ выходовъ: «...именинными пирогами государь не жаловалъ, потому что въ то время приходила бить челомъ съ Москвы чернь». Когда царю доложено было о приближеніи шумной и буйной толпы, онъ прежде всего приказалъ боярамъ, которымъ грозила опасность, спрятаться въ покояхъ царицы. Мятежники, во главѣ которыхъ находился Лучка Житкой, державшій въ шапкѣ драгоцѣнное письмо, подошли ко дворцу и криками принудили царя выйти изъ церкви. На шумныя требованія выдать измѣнниковъ бояръ «на убіеніе» царь отвѣчалъ «тихимъ обычаемъ», что онъ, отслушавъ обѣдню, немедленно отправится въ Москву и произведетъ строжайшее разслѣдованіе. Но мятежники не унимались, держали царя за пуговицы и «невѣжливо» кричали: «чему вѣрить?» Царская клятва показалась недостаточно убѣдительной, и только послѣ того, какъ царь билъ съ однимъ изъ ближайшихъ мятежниковъ по рукамъ, тол-

Общій видъ села Коломенскаго.

Изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.

Москва
ея
прошлое
и
настоящее

на успокоилась и двинулась обратно въ Москву. Тревожныя минуты пережила царица, трепетавшая за участь своего отца; она послѣ этого событія долго болѣла.

Оставшіеся въ Москвѣ бунтовщики грабили дворы гостя Шорина и другихъ «измѣнниковъ». Самъ Шоринъ во-время укрылся въ домѣ князя Черкасскаго, а сынъ его, 15-лѣтній юноша, былъ схваченъ у Москворѣцкихъ воротъ, когда, переодѣтый въ простое платье, пытался бѣжать изъ Москвы. Подъ вліяніемъ угрозъ онъ далъ показаніе, будто его отецъ сносился съ Польшей, и мятежники рѣшили отвезти молодого Шорина въ Коломенское, чтобы передъ царемъ еще яснѣе уличить измѣнниковъ. Князь Хованскій, спѣшно посланный изъ Коломенскаго успокаивать столицу, не имѣлъ никакого успѣха, ему говорили: «намъ до тебя дѣла нѣтъ». Составилась новая толпа, опять тысячъ въ пять, которая двинулась въ Коломенское. Обѣ толпы встрѣтились на дорогѣ, и всѣ вмѣстѣ пошли къ царскому дворцу; молодого Шорина везли на телѣгѣ. Около дворца мятежникамъ встрѣтился дворянинъ С. Л. Стрѣшневъ, который былъ имъ тоже «надобенъ»; онъ едва успѣлъ спастись.

Царь собирался было, согласно данному имъ обѣщанію, ѣхать въ Москву, когда подошла толпа. Молодой Шоринъ долженъ былъ повторить свой разсказъ объ измѣнѣ отца. Мятежники кричали царю «невѣжливо и съ грозами», чтобы онъ немедленно выдалъ измѣнниковъ, «а то учнемъ ихъ имать по своему обычаю». Между тѣмъ изъ Москвы уже пришла въ Коломенское вооруженная сила; собраны были дворяне, кн. Ю. И. Ромодановскій привелъ изъ Нѣмецкой слободы иностранцевъ, прибыли также нѣкоторые стрѣлецкіе полки, хотя далеко не въ полномъ составѣ. На угрозы черни царь отвѣтилъ тѣмъ, что далъ знакъ стоявшимъ у дворца солдатамъ, и началась безпощадная бойня безоружныхъ людей. Съ крикомъ ужаса метался народъ во всѣ стороны, но встрѣчалъ острые бердыши и сабли. Отступленіе было отрѣзано полками, шедшими изъ Москвы. Болѣе 7 тыс. человѣкъ было убито или захвачено, а свыше ста было оттѣснено въ рѣку и тамъ погибло. Въ Москвѣ кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ, оставленный для обереганія столицы, воспользовался тѣмъ, что большинство мятежниковъ ушло въ Коломенское, заперъ всѣ городскія ворота и переловилъ оставшихся въ Москвѣ мятежниковъ, слишкомъ увлеченныхъ грабежомъ. Такъ кончился «денежный» бунтъ.

26 іюля въ тихой обители Николо-Угрѣшскаго монастыря былъ организованъ судъ надъ захваченными бунтовщиками. Послѣ допросовъ и пытки виновные были подвергнуты наказанію. Наказаніе было очень суровое; вотъ что, напр., претерпѣлъ Лучка Житкой, несшій въ шапкѣ письмо: «на двухъ пыткахъ дано 51 ударъ, огнемъ сженъ дважды, велѣли казнить на Лубянкѣ—отсѣчь лѣвую руку, обѣ ноги да языкъ отрѣзать». Изуродовано было 12 человѣкъ, сослано 104 человѣка. Въ числѣ наказанныхъ было 50 ратныхъ людей, между которыми оказался капитанъ кн. Дан. Крапоткинъ, еще одинъ капитанъ, 3 поручика; пострадали также священникъ, дьячокъ, монастырскій служка и др. Очевидно, Коломенскія событія не были только буйствомъ черни, а выраженіемъ всенароднаго

недовольства. Котошихинъ увѣряетъ, что настоящихъ «воровъ» было не больше 200, а остальные пошли въ Коломенское только изъ любопытства и пострадали невинно. Но показаніе бѣглаго подъячаго, имѣвшаго причины быть недовольнымъ правительствомъ, будто изъ числа десяти тысячъ—9800 человѣкъ были праздными зѣваками, надо очень заподозрѣть и можно объяснить тѣмъ, что Котошихинъ хотѣлъ обвинить царя и его совѣтниковъ въ безполезной жестокости. Несмотря на тщательный розыскъ, не удалось найти главнаго виновника — автора письма, вызвавшаго волненія. Напрасно со всей Москвы собирали умѣющихъ писать и сличали почеркъ, виновный не былъ обнаруженъ. Войско, оберегавшее «царское здоровье» и избивавшее безоружныхъ людей, было щедро награждено: каждому стрѣльцу было выдано 2 — 3 рубля, по куску сукна и пр., а начальные люди были повышены въ окладѣ.

Результатомъ мятежа было уничтоженіе мѣдныхъ денегъ. Приказано было ихъ или сливать, или приносить въ казну, которая уплачивала за мѣдный рубль только 5 копеекъ серебряными деньгами, т. е. правительство не выполнило обязательствъ, связанныхъ съ выпускомъ ассигнацій. Такъ кончился «денежный» бунтъ, вызванный неудачнымъ финансовымъ экспериментомъ, отъ котораго пострадало нѣсколько тысячъ человѣкъ, казненныхъ, сосланныхъ, разоренныхъ или избитыхъ.

Кровавые бунты не образумили московское чиновничество. Вторая половина XVII в. получила печальную извѣстность по необыкновенному развитію взяточничества и судебной волокиты. Въ странномъ ослѣпленіи, бюрократія сама стала подрывать то основаніе, которое давало ей нѣкоторую прочность, стала эксплоатировать стрѣльцовъ, которые успѣшно защищали дворъ и правительство во время многочисленныхъ бунтовъ какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Раздраженные стрѣльцы не стерпѣли притѣсненій и послѣ безполезныхъ жалобъ на своихъ полковниковъ приняли дѣятельное участіе въ кровавомъ бунтѣ, разразившемся въ маѣ 1682 года. Этотъ бунтъ совпалъ съ дворцовыми смутами, съ борьбой за престолъ, и потому домашнее дѣло стрѣльцовъ, счеты ихъ со своими начальниками, разрослось до участія въ государственномъ переворотѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза. Первая жена его Марія Ильинична, подарившая царя многочисленнымъ потомствомъ, въ томъ числѣ дочерью Софьей и сыновьями Ѳеодоромъ и Іоанномъ, привела съ собою во дворецъ свою многочисленную родню—Милославскихъ, занявшихъ высокія должности въ управленіи государствомъ, но не желавшихъ и не умѣвшихъ стать выше своихъ личныхъ интересовъ. Родство съ царемъ для нихъ означало почетъ и хорошій, далеко не всегда безгрѣшный доходъ. Съ Натальей Кирилловной, давшей царю сына Петра, во дворецъ нахлынула не менѣе многочисленная семья Нарышкиныхъ, оттѣснившая Милославскихъ, но оказавшаяся нисколько не лучше ихъ. Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, воспитатель царицы, занялъ при дворѣ первое мѣсто, тѣшилъ царя «комедіей» и держалъ въ своихъ рукахъ все управленіе государствомъ.

Послѣ того, какъ скончался царь Алексѣй, и Нарышкинымъ не удалась интрига возвести на престолъ Петра, на царство былъ помазанъ слабый и болѣзненный Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Нарышкины потеряли свое значеніе, нѣкоторые изъ ихъ семьи и самъ Матвѣевъ были отправлены въ ссылку. Но слабость царскаго здоровья, не обѣщавшая Ѳеодору долголѣтней жизни, заставила ту и другую партію собирать себѣ сторонниковъ. Къ Нарышкинымъ примкнуло преимущественно высшее боярство, а вокругъ Милославскихъ группировались люди менѣе знатные и такіе изъ бояръ, какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, главный дѣятель реформы, сломившей силу бояръ,—уничтоженія мѣстничества. При царѣ Ѳеодорѣ и начались волненія среди стрѣльцовъ. Выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями полковниковъ, они подали жалобу на самаго безцеремоннаго изъ нихъ, Семена Грибоѣдова. По словамъ стрѣльцовъ, Грибоѣдовъ «чинилъ имъ налоги и обиды и всякія тѣсноты», жестоко билъ батогами и бранилъ, на стрѣлецкихъ земляхъ устраивалъ себѣ загородные дворы, заставлялъ въ своихъ деревняхъ копать пруды, строить плотины, чистить лѣсъ и косить сѣно, утаивалъ жалованье стрѣльцамъ, за деньги отпускалъ богатыхъ стрѣльцовъ со службы и даже снималъ съ карауловъ и т. д. За такія тяжелыя преступленія по службѣ бояре ограничились тѣмъ, что посадили Грибоѣдова подъ арестъ на сутки, и только впослѣдствіи, когда волненія среди стрѣльцовъ, убѣдившихся, что у бояръ нельзя искать правды, приняли опасный характеръ, виновный полковникъ былъ сосланъ на Тотьму. Жалоба на другого полковника окончилась еще печальнѣе: подавшаго жалобу выборнаго стрѣльца бояринъ князь Долгорукій приказалъ бить кнутомъ, но выполнить этотъ приказъ не удалось, потому что стрѣльцы постояли за своего товарища и прогнали дьяка, посланнаго для экзекуціи. Всю ночь послѣ того совѣщались стрѣльцы и рѣшили настоять на томъ, чтобы 9 полковниковъ понесли заслуженное наказаніе, но на слѣдующій день узнали о кончинѣ царя Ѳеодора и заняли выжидательное положеніе.

Съ этой кончиной возникъ серьезный вопросъ, кто долженъ быть царемъ—болѣзненный Іоаннъ, за которымъ было право старшинства, или малолѣтній Петръ. Знаменитый Крижаничъ какъ будто предчувствовалъ, что споръ о престолонаслѣдіи разрѣшится только послѣ кровопролитной борьбы, и въ своихъ сочиненіяхъ настаивалъ, чтобы былъ изданъ точный законъ о наслѣдованіи царскаго престола. Но такого закона не было, и вопросъ долженъ былъ разрѣшиться въ зависимости отъ силы и ловкости той или другой партіи. Милославскіе оказались менѣе подготовленными и первое время потерпѣли неудачу. На слѣдующій день послѣ кончины царя во дворцѣ собрались бояре и высшее духовенство для избранія царя. Ожидали горячаго спора, который могъ дойти до ножей, по крайней мѣрѣ, Долгорукіе и Голицыны надѣли подъ одежду панцыри. Но Нарышкины успѣли собрать всѣхъ своихъ приверженцевъ, склонили на свою сторону патріарха Іоакима, и «по многомъ несогласіи» на царство былъ нареченъ Петръ. Потомъ на площади была разыграна сцена народнаго избранія, долженствовавшая замѣнить собою избраніе царя Земскимъ Соборомъ.

Итакъ, Петръ объявленъ царемъ, и Нарышкины стали у власти. Но среди нихъ не было людей съ яркими талантами или продолжительнымъ государственнымъ опытомъ. По отзыву князя Б. Куракина, Наталья Кирилловна, которая по своему положенію должна была управлять государствомъ за молодостью царя, была «добраго темперамену, добродѣтельнаго, токмо не была ни прилежная и не искусная въ дѣлѣхъ и ума легкаго». Отзывы о ея братьяхъ также не блестящи. О Львѣ Кирилловичѣ тотъ же кн. Куракинъ говоритъ такъ: «былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержной къ питью, также человѣкъ гордой, и хотя не злодѣй, токмо не склончивой и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи своего гумору». Поэтому, пока спѣшно вызванный изъ ссылки Матвѣевъ не пріѣхалъ въ Москву, Нарышкины успѣли совершить немало необдуманныхъ поступковъ. Когда послѣдовало назначеніе на самыя видныя должности совершенно неопытныхъ людей, имѣвшихъ одно только достоинство—родственныя связи съ царемъ, для всякаго стало ясно, что у новыхъ правителей государственные интересы стоятъ на заднемъ планѣ, и что многочисленная семья Нарышкиныхъ добивалась власти только для кормленія. Возведеніе 23-лѣтняго Ивана Нарышкина въ боярскій санъ, безъ всякихъ заслугъ передъ государствомъ съ его стороны, произвело удручающее впечатлѣніе.

Извѣстіе, что на царство былъ избранъ Петръ, встрѣчено было стрѣльцами съ неудовольствіемъ: часть ихъ даже отказалась присягать и съ трудомъ поддалась уговору. Это не предвѣщало для Нарышкиныхъ ничего хорошаго, и они, стараясь успокоить волненія, начавшіяся при царѣ Ѳеодорѣ, такъ быстро пошли на уступки, показали такую слабость, что могли только поощрить своеволіе. Полковники, на которыхъ жаловались стрѣльцы, были отставлены, и съ нихъ предписано было взыскать то, что они вымогательствомъ взяли у подчиненныхъ. Передъ Разряднымъ приказомъ начался правежъ; полковниковъ били ежедневно батогами до тѣхъ поръ, пока стрѣльцы не крикнутъ: «довольно». Слѣдовательно, правительство сдѣлало стрѣльцовъ судьями надъ полковниками. Если полковникъ вносилъ то, чего требовали стрѣльцы, то его отпускали. Никто и не пытался провѣрить правильность претензій, хотя взысканныя суммы были непомѣрно велики: съ одного полковника было взыскано 2000 червонныхъ. Уступчивость Нарышкиныхъ привела стрѣльцовъ къ полной разнузданности. Вооруженными толпами собирались они въ своихъ слободахъ, шумѣли, бранили начальниковъ и сбрасывали со съѣзжихъ избъ всякаго, кто пытался ихъ сдерживать. Правительство выпустило власть изъ своихъ рукъ, и стрѣльцы почувствовали себя господами положенія.

При такихъ обстоятельствахъ въ Москву прибылъ Матвѣевъ, возстановленный во всѣхъ своихъ правахъ и надѣленный новыми землями. Онъ тотчасъ понялъ всю опасность положенія, горько пенялъ Нарышкинымъ за необдуманныя назначенія и за поблажки стрѣльцамъ и предсказывалъ, что дѣло можетъ кончиться худо. Онъ былъ правъ. Не прошло и четырехъ дней, какъ вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ, который смелъ Нарышкиныхъ и установилъ новое правительство.

15 мая утромъ во всѣхъ стрѣлецкихъ слободахъ ударили въ набатъ, и стрѣльцы, вооруженные бердышами и копьями, взявъ съ собой двѣ пушки, «зѣло бодро и свирѣпствомъ ярящеся, яко звѣри неукротимые», двинулись къ Кремлю. Бояре, спокойно засѣдавшіе въ Думѣ и въ приказахъ, о движеніи стрѣльцовъ узнали только тогда, когда мятежники входили въ Кремлевскія ворота, и не нашли ничего лучшаго, какъ скрыться отъ врага, гдѣ кто могъ. Стрѣльцы оцѣпили дворецъ, такъ что никто не могъ оттуда уйти, и стали громко требовать, чтобы имъ показали царевича Іоанна. Царица и патріархъ вывели на Красное крыльцо и Петра, и Іоанна, такъ что стрѣльцы могли убѣдиться что слухи, будто Нарышкины отравили царевича, невѣрны. Стрѣльцы заявили о своей преданности Іоанну, котораго они стали уже называть царемъ, и Петру, но потребовали выдачи Нарышкиныхъ, чтобы съ корнемъ вывести измѣну. Нѣкоторые бояре пытались уговорить бунтовщиковъ, но напрасно: отстранивъ патріарха, стрѣльцы ворвались во дворецъ и тамъ стали шарить во всѣхъ углахъ, отыскивая «измѣнниковъ» по имѣвшемуся у нихъ списку. Однимъ изъ первыхъ въ этомъ спискѣ стоялъ Матвѣевъ, который и былъ сброшенъ съ высокаго крыльца на копья стоявшихъ внизу стрѣльцовъ. Такой же участи подверглись и другіе намѣченные бояре, въ томъ числѣ братъ царицы Аѳанасій Кирилловичъ, котораго нашли подъ престоломъ дворцовой церкви. Другіе изъ Нарышкиныхъ такъ удачно спрятались, что не были найдены, хотя стрѣльцы переставляли мебель, рылись по чуланамъ во всякомъ хламѣ, перетряхивали перины и пр. Вмѣсто Ивана Нарышкина стрѣльцы убили юношу, Ѳ. Салтыкова, а потомъ, узнавъ объ ошибкѣ, отнесли бездыханное тѣло къ отцу и выразили сожалѣніе. Надъ другими трупами мятежники издѣвались, съ криками тащили на Красную площадь и тамъ разрубали на куски. Часть стрѣльцовъ разсыпалась по всему городу и безчинствовала до поздней ночи. Ворвавшись въ судные и въ Холопій приказы, они разодрали всякія дѣла и кричали, что дадутъ холопамъ волю и «установятъ правду».

16 мая съ утра стрѣльцы снова были въ Кремлѣ, продолжая обыскъ дворца, и толпами ходили по всей Москвѣ, отыскивая измѣнниковъ.

Въ третій день бунта стрѣльцы стали настойчиво требовать выдачи Ивана Нарышкина, котораго считали главнымъ измѣнникомъ, и отца царицы, Кирилла Полуэктовича. Царица Наталья съ большимъ трудомъ умолила стрѣльцовъ пощадить жизнь ея отца съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ немедленно постриженъ въ монахи.

Требованія выдать Ивана Нарышкина становились все настойчивѣе. Стрѣльцы грозили перебить всѣхъ бояръ, если имъ не выдадутъ главнаго измѣнника, и обѣщались прекратить бунтъ, если ихъ требованіе будетъ исполнено. Перепуганные бояре стали умолять царицу выдать брата, чтобы всѣмъ не погибнуть. Царевна Софья сурово потребовала выдачи. «Видѣвше же ихъ народное упорство», Наталья Кирилловна вывела брата изъ чулана, гдѣ онъ скрывался. Пріобщившись, онъ съ иконой въ рукахъ предсталъ передъ толпой. Царица Наталья, царица Марѳа Матвѣевна, вдова Ѳеодора и царевна Софья на колѣняхъ просили стрѣльцовъ пощады Нарышкину, но они остались неумолимыми, за волосы вытащили свою жертву и отправили въ застѣ-

покъ. Несмотря на жесточайшія истязанія, Нарышкинъ не проронилъ ни слова. На Красной площади онъ былъ изрубленъ на куски, а голова посажена на пику. Послѣ этого мятежъ затихъ, стрѣльцы получили отъ новаго правительства, въ главѣ котораго стала царевна Софья, крупные денежные подарки. На Красной площади, по просьбѣ стрѣльцовъ, былъ поставленъ столбъ, на которомъ были написаны имена убитыхъ бояръ и ихъ преступленія.

Стрѣльцами руководило не только чувство самосохраненія, но они считали себя призванными искоренить неправду. Съ ихъ точки зрѣнія, надо было прежде всего уничтожить измѣну, гнѣздившуюся во дворцѣ, надо было уничтожить тѣхъ бояръ, которые завладѣли волей царя, и губили, грабили родину, даже, болѣе того, замышляли на жизнь царя, чтобы безпрепятственно хозяйничать въ своихъ видахъ. Надо установить правду въ странѣ, освободить рабовъ, но эта задача оказалась такой сложной, что стрѣльцы сейчасъ же отступили передъ ней. Когда холопы стали собираться толпами и стали составлять челобитную о свободѣ, то стрѣльцы постарались оградить себя отъ упрековъ въ подстрекательствѣ, ловили и избивали холоповъ, заявляли, что «у нихъ съ боярскими людьми ни съ кѣмъ пріобщенія никакого и думы нѣтъ».

Бунтъ 1682 года является прямымъ продолженіемъ бунтовъ 1648 и 1662 годовъ и направленъ былъ противъ фаворитовъ, безцеремонно эксплоатировавшихъ свое вліяніе на царя и свои родственныя съ нимъ связи. Но теперь въ волненіяхъ главное участіе приняли стрѣльцы, раньше ревностно оберегавшіе «государево здоровье». Правительство лишилось послѣдней опоры. Далѣе обойтись безъ коренныхъ реформъ было невозможно, и онѣ были проведены сильной рукою Петра, на котораго разгромъ правительства не могъ не произвести потрясающаго впечатлѣнія.

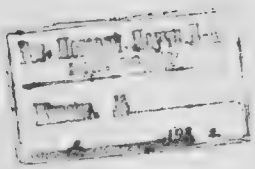
ОГЛАВЛЕНІЕ
ШЕСТОГО ВЫПУСКА.

Стр.

Проф. М. В. Довнаръ-Заполѣскій.—Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. 5

В. Я. Улановъ.—Западное вліяніе въ Московскомъ Государствѣ въ XVI—XVII вв. 68

С. К. Богоявленскій.—Театръ въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 97

В. Я. Улановъ. Книгопечатаніе въ Москвѣ въ XVI—XVII вв. 105

С. К. Богоявленскій.—Московскія смуты въ XVII в. . . . 128